

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 4 (31)
апрель, 2019

Содержание журнала для лиц
18+
старше
18 лет
Содержание журнала для лиц

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В апреле Россия отмечает два замечательных праздника: 28 апреля – Воскресение Господне и 12 апреля – День космонавтики. Литературно-исторический журнал «Александръ» не может обойти их стороной, и потому на страницах этого номера все опубликованные материалы связаны с православием и вопросами освоения космоса и посвящены нашим добрым друзьям из Звёздного городка.

Отдельные слова благодарности хотелось бы высказать епископу Кронштадтскому Назарию за внимание, которое он уделил нашему изданию, и особенно за то, что он духовный наставник проекта «Святые Лавры Руси Православной» в акции «Международный фруктовый сад мира “Благодатное кольцо”», непосредственным участником и одним из организаторов которой является автор этих строк.

В эти дни все православные поздравляют друг друга с великим праздником, и хотелось бы присоединиться к этому благодатному хору голосов:

Светлое Христово Воскресение – это праздник человеколюбия, когда мы забываем об ожесточении в наших душах. Так возрадуемся светлым чувствам, которые пробуждаются в нас. Будем в этот день полны веселья, надежды и воистину христианской любви.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

Искренне,
Александръ
с наилучшими
пожеланиями
В. Труба

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

Сердечно поздравляю вас с Великим Праздником – Пасхой Христовой!

Недаром его называют «праздников праздник и торжество из торжеств». Праздник Воскресения Христова – это событие, которого верующие ждут весь год, ибо если мы не верим в Воскресение Господа, то, как говорит апостол, и «вера наша тщетна».

Воскресение Христово – это основание нашей веры, источник неиссякаемой любви. Наша православная вера не только в обрядах и традициях. Религиозное измерение помогает преобразить человеческую жизнь, обрести смыслы, совершать правильный выбор.

Много веков назад Воскресение Христово таинственным образом изменило душевное состояние апостолов – учеников Господа. Их глубокие сомнения и даже неверие сменились непоколебимой верой, страх – уверенностью и мужеством, недоумение – не знающей сомнений надеждой.

Нас, жителей современного мира, также способно изменить Христово Воскресение, важна лишь наша собственная решимость, готовность пойти навстречу Богу. И тогда Пасха станет для нас источником радости и особого вдохновения!

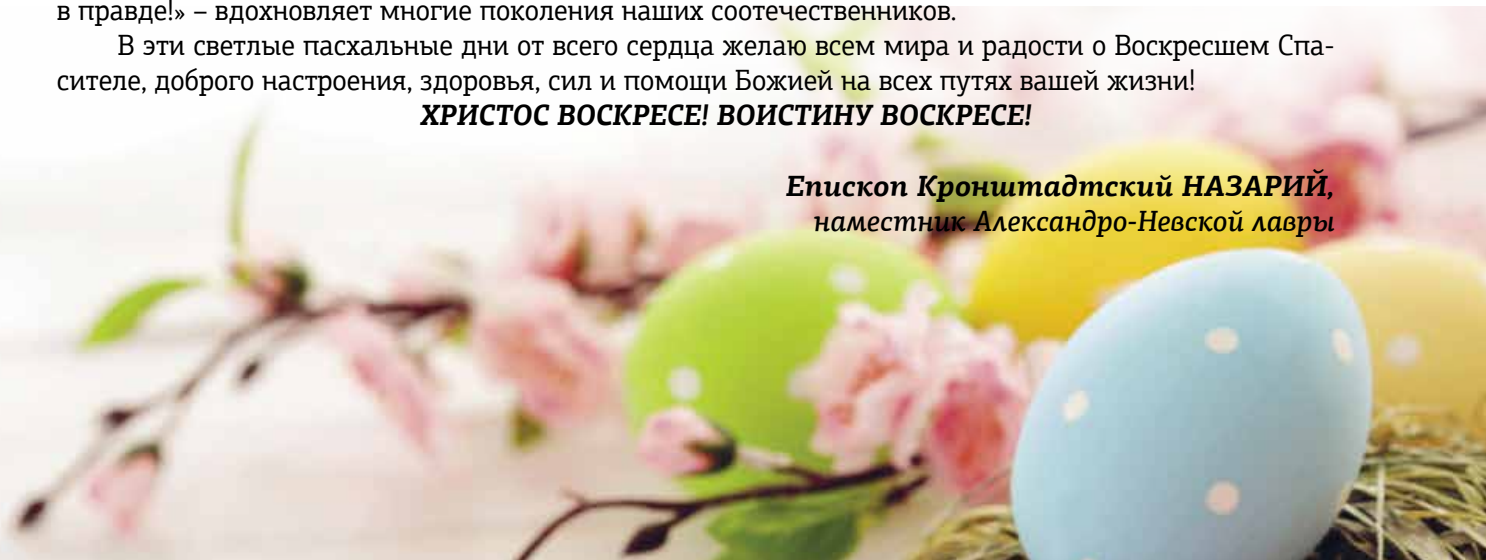
Праздник Воскресения Христова пробуждает лучшие стороны человеческой души. По давней традиции во все следующие за Пасхой дни Светлой седмицы православные творили благие дела, помогали обездоленным, больным и одиноким людям, стремились разделить радость о Христовом Воскресении с теми, кто нуждается в сердечном тепле и человеческом внимании. Пусть эта традиция будет подхвачена равнодушными людьми. Думается, что генетически в душе православного человека заложены милосердие, забота о ближнем и готовность прийти на помощь всем миром. Отраднo, что с каждым годом примеров гражданского участия и солидарности становится всё больше. Велика в этом и роль Русской православной церкви, которая способствует укреплению межнационального согласия в стране.

Лавра, носящая имя Святой Троицы и благоверного князя Александра Невского, тоже вносит свою лепту в общецерковное служение Богу и людям. Завет святого князя Александра – «Не в силе Бог, а в правде!» – вдохновляет многие поколения наших соотечественников.

В эти светлые пасхальные дни от всего сердца желаю всем мира и радости о Воскресшем Спасителе, доброго настроения, здоровья, сил и помощи Божией на всех путях вашей жизни!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Епископ Кронштадтский НАЗАРИЙ,
наместник Александро-Невской лавры

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т.Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова»

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 4 (31), апрель 2019 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.04.2019

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в

АО «Издательский дом «Мичуринск»,

393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,

ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ГЛАВНОЕ

- 6** «Если ты православный, почему не свидетельствуешь об этом?..»

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 12** Никита Брагин.
Сердце, что взыскует воскресения...

ДУХОВНОЕ

- 17** Александр Никулин.
Свет души

НОВОМУЧЕНИКИ

- 22** Татьяна Осинцева.
Репрессированные владыки
Свердловской епархии

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- Наталья Иванова.
30 Песнь о святой Екатерине
34 Святой Симеон Верхотурский
35 По сказам Павла Бажова

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

- Геннадий Иванов.
36 Традиции Звёздного городка
41 В честь небесных покровителей поэтов

ВЕЧНОЕ

- 44** Вадим Гранитов.
На пути к истине

СВЯТЫЕ МЕСТА

- 48** Анатолий Труба.
Судьба храма – судьба села

РУССКИЙ МИР

- 52** Людмила Югова.
Храм-усыпальница во имя
святого Олега Брянского

ПОЭЗИЯ

- 64** Вениамин Побежимов
66 Олег Селедцов

ЖИТЕЙСКОЕ

- 68** Виктор Фоменков.
В пасхальное воскресенье

МАЛАЯ РОДИНА

- 72** Александр Чугаев.
Быт крестьян села Мутасьево

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 84** Елена Ильина.
«В круге первом»

ГОД ТЕАТРА

- 88** Роман Леонов.
«Старшая сестра» в Мичуринском
драматическом театре

ЗАВЕТАМИ ПРЕДКОВ

- 91** Игорь Мартынов.
Святые покровители
казацких войск

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Александр Сергеев.
«Святые Лавры» в Мичуринске

«ЕСЛИ ТЫ ПРАВОСЛАВНЫЙ, ПОЧЕМУ НЕ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕШЬ ОБ ЭТОМ?..»

Епископ Кронштадтский, викарий Санкт-Петербургской епархии Назарий (Лавриненко)

❓ Ваше Преосвященство, 3 марта 2019 года исполнилось 34 года Вашего служения в священном сане. Почему Вы решили стать священнослужителем? Как Вы приняли это решение?

– Я родился на Черкасчине в 1952 году, во времена Сталина, потом пришла пора хрущёвской «оттепели». Наш край в религиозном отношении считался богатым, поэтому советская власть обратила на него особо пристальное внимание. После того как «представители трудового народа» разобрали храм в нашем селе, осталась практически одна на район действующая церковь, стоявшая в соседнем селе. У меня в семье никогда не было священников, правда, по маминой линии дедушка был церковным старостой. Отец не был атеистом, но война наложила на него отпечаток

особой суровости. Вообще среди родни рьяных атеистов не было. Семья жила традиционным крестьянским укладом.

Мама была человеком церковным, старалась храм посещать, и я вместе с ней. До 2-го класса я с мамой всегда в церковь ходил. А в 1960 году меня, второклашку, на Пасху поймали комсомольцы и сельские активисты и в школе выстригли крест на голове, чтобы дети имели возможность поиздеваться над верующим мальчишкой. И хотя мало кто из одноклассников мне досаждал, это оставило след в душе на всю жизнь. После этого случая мои свободные хождения в храм прекратились. В школе меня прозвали «святошей», в чём можно усмотреть промысел Божий, ведь, когда много лет спустя меня постригали в монашество с именем Назарий, в этот же день праздновалась память преподобного Николы Святоши, князя Черниговского.

Я всегда интересовался историей Церкви, а первые сведения о ней черпал из «Справочника атеиста» или «Забавной Библии» и прочих книг, читал между строк, старательно извлекая тексты в кавычках, выдержки из Священного Писания. Ещё в детстве, взяв такую атеистическую книжку в библиотеке, читал своей маме фрагменты Библии церковным речитативом. После окончания школы я поступил в Крымский сельскохозяйственный институт. Правда, хотел-то я овладеть другой профессией – врача, но, когда узнал, насколько огромный конкурс в Симферопольский медицинский институт, поступать туда не решился.

Атеизм в курсе марксистско-ленинской философии я сдавал на «5», потому что знал всё, о чём там рассуждается, из практической жизни. Как сейчас помню, на экзамене попался вопрос «Народные традиции праздника Преображения Господня». Я экзаменационной комиссией так красочно рассказал, как яблоки да виноград освящают, что мне сразу «отлично» поставили.

Свободно в храм я стал ходить только после переезда в Киев, уже после службы в армии. Сразу пошёл петь в церковный хор. Параллельно трудился младшим, потом старшим научным сотрудником в ботаническом саду

Академии наук Украинской ССР. Начал работать над кандидатской диссертацией в области селекции. Наступили брежневские годы, наука стала никому не нужна, все усилия агрономов пропадали втуне. В 1981 году у меня созрело решение поступать в духовные школы, хотя мне было уже около 30 лет. Я сознательно выбрал ленинградские духовные школы, так как тогда бытовало мнение: в Москве – молятся, в Одессе – работают, а в Ленинграде – учатся. Так я попал в город на Неве.

Как видите, никаких чудес в моей истории выбора жизненного пути нет, просто в детстве было посеяно Божье слово, которое в своё время проросло.

❓ С 1997 года Вы являетесь наместником Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. За это время лавра преобразилась. Однако, к сожалению, многие проблемы до сих пор не решены. Лавре так и не вернули серебряную раку святого благоверного великого князя Александра Невского. Вопрос с передачей лавре Благовещенской церкви очевидно затягивается. Какие ещё проблемы требуют решения?

– То, что Благовещенская церковь до сих пор не возвращена Александро-Невской лавре, – это важнейший и наиболее тревожащий меня вопрос. Благовещенская церковь – неотрывная часть лаврского ансамбля, кроме того, её верхний храм освящён во имя святого благоверного князя Александра Невского. Получается, что в Александро-Невской лавре нет престола в честь её небесного покровителя, потому что этот престол находится сейчас в ведении музея городской скульптуры. Нижний храм церкви освящён в честь Благовещения Пресвятой Богородицы – этот церковный праздник фактический и символический день рождения лавры, потому что первая служба в Троицком монастырском храме была на Благовещение в 1713 году.

Фасады Благовещенской церкви находятся в плачевном состоянии, её внутренняя реставрация была проведена не на должном уровне. Кроме того, среди экспонатов на втором этаже церкви расположены лишь памятники

и надгробия, принесённые туда с кладбищ, – то есть движимые «экспонаты». На первом этаже действительно существуют могилы и их надгробия – но ведь захоронили этих выдающихся людей всё-таки в храме, и именно поэтому их прах оказался тут. Никто из умерших не «мечтал» быть похороненным в музее. Когда речь идёт о возврате храма, противники этого ссылаются на Закон о неделимости музейных фондов, им не важно, что под «музейными» плитами лежит прах великих людей России. Со стороны сотрудников музея даже звучали совершенно дикие рассуждения о том, что в случае его переезда они должны будут «забрать с собой надгробные плиты», и сетования, что это потребует огромного количества денег. Оказывается, и в наше время можно рассуждать и делать так, как делали большевики-революционеры при разграблении лавры, поругании храмов и создании из них музеев. Ведь многие надгробия в этот музей перенесены с могил, и поэтому многие захоронения известных людей затерялись. Те, кто знал, что его похоронят в лавре и лаврских храмах (что было чрезвычайно почётно), и родственники почивших – все были уверены в том, что эти могилы не зарастут тернием забвения и об упокоении душ погребённых здесь людей будут молиться насельники монастыря. Я считаю, что не место могилам быть в музее, по-моему, это тихое кощунство. Поэтому я принципиально настаиваю на возвращении Благовещенской церкви монастырю.

Ещё в 2013 году бывший вице-губернатор Василий Иванович Кичеджи во всеуслышание заявил, что вопрос с Благовещенским храмом будет решён. Нам жаль, что он теперь этим вопросом по долгу службы не занимается.

Недавно Музеем городской скульптуры были наконец-то выполнены капитальные работы по реставрации Лазаревской усыпальницы в лаврском некрополе. Если говорить о восстановлении полной справедливости, то и Тихвинскую, и Лазаревскую кладбищенские церкви в принципе нужно передавать лавре со всеми некрополями. Здесь захоронены выдающиеся люди, которые достойны почитания потомков и сугубой, монашеской молитвы.

В Эрмитаже находится не только серебряная рака благоверного князя Александра Невского, но и знаменитая «Малахитовая сень» из нашего Свято-Троицкого собора. В Русском музее к 1000-летию крещения Руси было взято для украшения интерьеров Свято-Троицкого собора 17 картин-икон, до переворота 1917 года принадлежавших лавре, и теперь мы каждый год отчитываемся в их сохранности – они до сих пор не наши. Тем не менее за сохранность шедевров мы отвечаем, у нас достаточно своих специалистов-реставраторов, так что мы бережно ухаживаем за художественными ценностями. Не так давно мы возвратили одну из картин Угрюмова «Въезд святого благоверного князя Александра Невского в Псков» в Русский музей по их просьбе. При этом музей написал за свой счёт точную копию этой картины и передал лавре. Этот факт доказывает, что и музеи, и Церковь могут находить компромиссы для взаимной пользы.

❓ К 300-летию лавры был подготовлен ряд новых книг, среди которых – альбом-энциклопедия «Во имя святого князя». Идея создания альбома принадлежит Вам, три года Вы собирали материал для этого уникального издания. Расскажите, чем дорога Вам эта книга?

– К юбилею лавры вышла первая часть энциклопедии «Во имя святого князя». Второй том выйдет в мае-июне текущего года. Сейчас в работе третий том издания.

Идея сборника зародилась давно, когда страна выбирала «Имя России». Я скептически относился к шоу «Имя России», но когда увидел участие в нём Святейшего Патриарха, решил, что сделаю всё от меня зависящее, чтобы имя святого благоверного князя Александра Невского победило, и задумался, как ещё можно подтвердить его значение для России.

Не за горами великое событие – празднование в 2021 году 800-летия со дня рождения святого князя Александра Невского, которое будет проходить на общегосударственном уровне. Я, в свою очередь, хотел обязательно чем-нибудь почтить память великого святого. И пришла мысль узнать, сколько храмов во имя Алексан-

дра Невского было и есть в России? Я стал собирать сведения о храмах, стоящих или стоявших на просторах русской земли, – так родилась эта книга, первую часть которой мы уже издали.

Во второй части будут систематизированы сведения о храмах во имя Александра Невского на территории современных Беларуси, Украины и во всём мире. В первом томе опубликованы данные о шестистах храмах, во втором томе – чуть меньше, а в третьем томе разместятся сведения об утраченных церквях, это будет своеобразный мартиролог. Может быть, когда-нибудь у того, кто будет просматривать его страницы, родится желание отреставрировать или восстановить один из этих храмов.

Конечно, с такой масштабной работой невозможно справиться в одиночку, у меня есть помощники – около 120 человек мне помогали собирать фотоматериалы. Мы стремимся, чтобы этот трёхтомник стал настоящей энциклопедией по храмам, посвящённым великому благоверному князю Александру Невскому, нашему небесному покровителю.

❓ 18 ноября 2008 года Епархиальный совет и митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир одобрили Ваше ходатайство о возрождении деятельности Александро-Невского братства. С его основания прошло почти 710 лет. Что собой представляет Братство, чем оно занимается, какие перед ним сегодня стоят цели?

– Мы возродили Братство в то время, когда началась интенсивная подготовка к 300-летию лавры, и поэтому братчики не раскачивались, а сразу занялись живым делом. В работе люди познакомились, у них завязались дружеские, братские взаимоотношения. Основные направления деятельности Братства: организация музыкальных фестивалей, общественно-церковных мероприятий, крестных ходов, работа с молодёжью, помощь в восстановлении храмов.

Нам удалось зарегистрировать Братство как общественно-патриотическое движение, и мы стали участвовать в конкурсах на получение грантов от комитета по делам молодёжи, комитета по культуре. Присоединяя к ним

наши небольшие средства, мы смогли проводить довольно представительные мероприятия международного уровня, в которых принимают участие представители не только России, но и Беларуси, Украины, Германии и даже православные из Америки.

Так как я руковожу Братством, то всегда стараюсь, чтобы тот план действий, который мы утверждаем на год, был очень реальным, чтобы мы могли констатировать, что выполнено всё из намеченного. К сожалению, в связи с известными событиями наш бюджет сокращается, поэтому мы снижаем количество мероприятий, требующих значительных материальных затрат. То, что мы можем провести на базе лавры, мы по-прежнему выполняем, но финансовая ситуация сложная – монастырь находится в затруднительном положении: работ по реставрации ещё очень много. С юбилейного года за лаврой остались большие задолженности, и мы благодарны людям, терпеливо ожидающим, когда мы с ними рассчитаемся.

Я считаю, что не только конкретное дело, но, прежде всего, соборная молитва объединяет людей, поэтому мы ввели в практику проводить раз в месяц совместное служение братской литургии. Конечно, мы примем участие и в тех мероприятиях, которые посвящены 1000-летию святого равноапостольного князя Владимира. Продолжится работа на новом Никольском скиту лавры в Кингисеппском районе. Этот проект называется «Сойкинская святыня». Братство проводит на юге России фестиваль авторской песни «Небо славян», в последние годы он проходил в Крыму. В Севастополе уже 7 лет стоит наш лагерь, братчики организовали крестный ход от Севастополя до Бахчисарая. Мне кажется, что в том, что произошло весной 2014 года, есть вклад и Александро-Невского братства, хотя бы крохотный, через этот фестиваль, связавший Крым с большой Россией.

❓ С 2013 года в Санкт-Петербурге восстановлена традиция проведения 12 сентября общегородского крестного хода от Казанского собора к Александро-Невской лавре в честь перенесения мощей

Александра Невского. Каково значение этого молитвенного шествия?

– Участие верующих в крестном ходе 12 сентября очень важно. То, что в прошлом году в нём приняло участие лишь около 20 тысяч человек, – это мало для мероприятия такой значимости. Епархиальное управление призвало, чтобы в крестном ходе участвовали не только петербуржцы, но все епархии Санкт-Петербургской митрополии.

Мне приходилось слышать пессимистические высказывания некоторых христиан в адрес самих же себя, когда видели количество мусульман, собирающихся вместе на Курбан-байрам. Мы хотим, чтобы православные видели, что нас на самом деле много, – это придаёт силы. Люди, считая себя слабыми и малочисленными, начинают бороться за выживание, часто впадают в агрессию и радикализм, а это признак слабости и страха за свою идентичность.

Цель крестного хода – очевидное свидетельство для самих верующих, что православие есть ведущая конфессия среди христиан, а Санкт-Петербург – город православный. История показывает – когда православие процветало, то никаких проблем и у других христиан и религий не было, они жили мирно и благоденствовали. Как только начиналось принижение православия, то начиналась межрелигиозная вражда, и возникали кровавые конфликты.

К сожалению, почувствовать нам, православным, свою силу часто мешает наша же индифферентность. Если ты считаешь себя православным, так почему не прийти и свидетельствовать об этом людям? Крестный ход – это проявление коллективного сознания принадлежности к Православной церкви.

Кроме того, это традиция, установившаяся ещё во времена императрицы Елизаветы Петровны. То, что по прошествии 95 лет нам удалось возобновить крестное шествие, – чрезвычайно важно, нельзя этим пренебрегать. Мы благодарны городским властям, лично губернатору Георгию Сергеевичу Полтавченко за поддержку нашей инициативы, потому что для обеспечения шествия крестного хода по Невскому проспекту задействуется много раз-

личных ведомств и чиновников, без помощи города лавре это сделать бы не удалось.

Хочется, чтобы мы проявляли этим крестным шествием силу и правду Православной церкви, которая есть оплот и защита и для других конфессий и традиционных религий в нашем общем мирном сосуществовании.

❓ Владыка, Вы родились на Украине. Вероятно, Вы следите за тем, как уже не первый год там не прекращается противостояние, вылившееся в кровопролитную гражданскую войну. В чём заключаются, по Вашему мнению, причины происходящего и как преодолеть это противоборство?

– Каждый из священнослужителей, епископ он или иерей, является гражданином своей страны, и без политических предпочтений нам не обойтись. Но надо чётко разделять позицию церковную и сугубо политические взгляды, которые не всегда чисты в достижении своих целей. Я, как уроженец Украины, испытываю страшную боль от происходящей там трагедии. Думается, что с государственной стороны было неправильно оставлять Украину в одиночестве, «с глаз долой – из сердца вон». Конечно, сыграло роль то обстоятельство, что Украина исторически собрана в государственное образование искусственно. Она очень подвержена влиянию сильных стран, той же самой Америки и Западной Европы, которые много денег вложили в то, чтобы ориентировать Украину на Запад. Ещё Бисмарк говорил, что, если оторвать от России Украину, то она перестанет быть империей, и некоторые делали для этого всё.

Жаль, что прекрасную, плодородную, цветущую страну разрывают на части внутренние противоречия и внешние силы. Менталитет украинцев, особенно «западэнцэв», направлен туда, где солнце заходит, и мифологизирован представлением о сказочных благах, которыми осыплют их в Евросоюзе. А Россия, стремясь блюсти классическую демократию, храня право на независимость Украины, перестала реально являть себя братским народом.

Православная церковь Украину никогда не оставляла, и Украинская православная

церковь Московского патриархата всегда находилась под попечением Святейшего Патриарха, исторически сложившиеся узы никогда не разрывались. Другое дело, что в то время, когда Украина изо всех сил боролась за свою независимость, насаждалось мнение, что единственное, что связывает Украину с Россией, – это Православная церковь. Тогда «борцы за независимость» постарались «подогреть» Михаила Денисенко, чтобы он возомнил себя патриархом, – это всё дело политиков.

Украинская православная церковь Московского патриархата сделала всё возможное для сохранения своего единства, большинство приходов принадлежит ей. Положение Церкви осложняется информационной войной против самой России, нагнетанием истерии, под влиянием которой люди, лишённые подлинной картины происходящего, убеждены, что Россия напала на Украину. И можно сказать, что, к великому сожалению, информационная война проиграна, и проиграна в результате искусственно созданной информационной блокады.

Мне кажется, что Церкви наладить диалог с православными верующими на Украине всё же легче, чем светским структурам, потому что у нас единая основа – Христос. Очень хочется верить, что мы будем вместе. Господь судил нам жить на одной земле, выйти из одной крещальной купели, питаться водами одних рек. Припять несёт свои воды в Днепр из Беларуси, Днепр течёт из России – эти жилы животворящей воды нас связывают. Но кем мы будем – братьями или соседями, отгородившимися друг от друга забором? Бог благословил нас ходить по одной земле, и мы не должны утратить понимания того, что только политика и чужие интересы отделяют нас друг от друга, а на самом деле мы – единый народ.

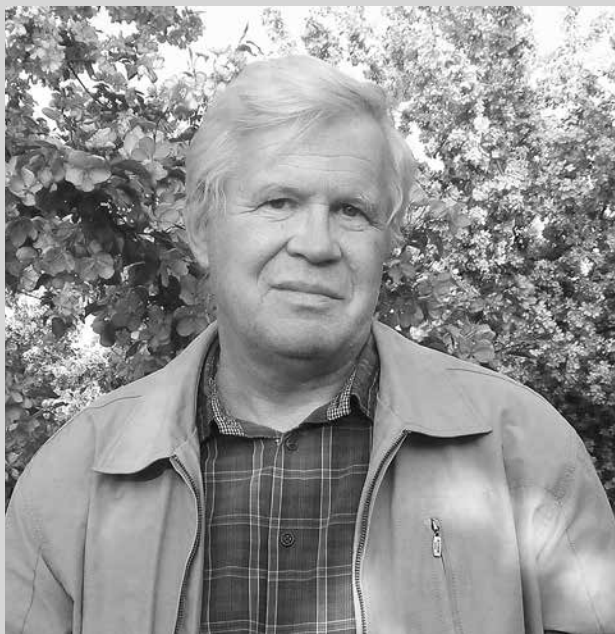
❓ Вы уже не первый год проводите фестивали, крестные ходы и другие мероприятия духовно-нравственной направленности, призванные духовно воссоединить трёхсоставную Святую Русь – Россию, Украину и Беларусь. Запланированы ли какие-то мероприятия подобного плана в нынешнем году?

– Для этой деятельности необходимо учитывать политическую и межгосударственную обстановку, которая складывается на данное время. Хотя у нас есть в Украине единомышленники, но открытые, явные контакты с нами могут повредить тем людям. Дружеские отношения мы продолжаем поддерживать, но не будем предлагать каких-то мероприятий, которые могут спровоцировать преследование участников.

Мы воздержимся от проведения некоторых, ставших уже традиционными мероприятий на территории Украины до тех пор, пока там не восторжествует закон. Сейчас в Украине царит тотальная подозрительность, скоро, наверное, за один взгляд Харькова в сторону России будут сажать. Самое главное для церковных людей – не забывать молиться. Ежедневно в нашем соборе звучит молитва о мире на Украине, и, несмотря на то, становится там хуже или лучше, она должна быть настойчива. Святейший Патриарх Кирилл ни на одной службе эту молитву не опускает. Без Божьего вмешательства людям будет всё труднее разобратся между собой.

❓ В заключение нашего разговора хотелось бы попросить Вас обратиться с напутственными словами к читателям «Русской народной линии».

– Сейчас мы приближаемся к концу Великого Поста. Крест поддерживает нас в этом шествовании, чтобы мы, взирая на него, помнили, что наш житейский крест неизмеримо легче того, который понёс Сам Христос. Господь даёт каждому крест по силам, и от нас зависит, отказываемся мы от него или, собрав все силы, терпеливо его несём. Голгофский крест никто из людей не смог бы понести, лишь один Богочеловек. И об этом напоминает Церковь людям, особенно во время Великого Поста. Всё, что есть в нашей жизни, – это крестоношение. Нам часто не хватает решимости, уверенности, что Господь нас не оставит. Пример голгофской жертвы должен дать нам силы справиться с горькими обстоятельствами нашей жизни и убеждённости, что с Божией помощью мы всё сможем преодолеть. **А**

Никита БРАГИН

Родился в 1956 году, москвич, доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института РАН, г. Москва. Член Союза писателей России (с 2011 года). Основные направления творчества – лирика, сатира и юмор, художественные эссе. Автор десяти поэтических сборников и многочисленных публикаций стихов, статей и эссе в журналах и альманахах. Победитель и лауреат многих творческих конкурсов, в том числе Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2018), поэтического конкурса фестиваля «Словенское поле» (2018), Международного конкурса поэта и воина Игоря Григорьева (2018). Основные темы стихов Никиты Брагина – Россия на скрещении путей, прошлое и будущее русской культуры, поэзия как ответ хаосу и небытию.

Сердце, что взыскует воскресения...

* * *

Возврати мне сумерки весенние,
Тёмные проталины открой
Сердцу, что взыскует воскресения,
Словно почка под корой.

АПОКРИФ

Проходил селом богатым Спас, а с ним апостолы –
 Был в тот день великий праздник,
 колокольный звон.

Всё село тогда молилось, пели алконостами
Литургийные стихиры, праздничный канон.

А когда накинуд вечер покрывало мгlistое,
Все сельчане собирались у огней лампад,
И внимали благодати, и молились истово,
И горел закатным златом тихий листопад.

Но не слушал Спас молитвы, не стоял во храме Он,
А сидел в избушке старой на краю села,
Где над маленьким ребёнком голубицей раненой
Пела песенку сестрёнка, пела и звала...

И апостолы внимали, словно откровению,
И сложили в красный угол хлеба и гроши,
Догорающему слову, тающему пению,
Незаученной молитве, голосу души.

ВИЗАНТИЙСКАЯ МОЛЬБА

Я открываю книгу новую
Себе на счастье и на муку,
Как будто кость беру слоновую
В истосковавшуюся руку,
И вижу добрый образ Пастыря,
И горький тёрн Его венца
На чистой белизне, распластанной
Под верным лезвием резца.

Я звуки открываю заново,
А слово не уйдёт из виду –
Мозаикой юстиниановой
Взывает вогнутость абсиды,
И тайны каменного кружева
Несёт под купола хорал,
И музыка, стихом разбужена,
Целует мраморный портал.

Но льются горечью калиновой
Смятения, тревоги, грозы,
И кровью проступает киноварь
Сквозь набегающие слёзы;
Покрыла серебро окалина,
Затмились углем образа,
И засыхает на развалинах
Давно бесплодная лоза.

И главное – за что нихватишься,
Скудеешь, молкнешь, догораешь
И чувствуешь себя на кладбище
Под снегом и вороньим граем,
И слушаешь такие «истины»,
Такое, что хоть свет туши, –
Замену Божьего бессмысленным
И оскорбление души.

И что теперь все муки творчества,
Все эти умственные пазлы?
Так у портала нищий корчится
И расковыривает язы...
На паперти «искусство чистое»
Себе устроило приют –
Ему не надо евхаристии,
Ему монеты подают.

Войти под ясный полдень купола,
Спуститься сумерками крипты,
Восстановить всё то, что убыло,
Продолжить свиток манускрипта,
И не себе, но только Имени,
Но только Слову Твоему...
И повторяется – «прими меня»,
И отзывается – «приму».

УСПЕНИЕ

С горящей свалки лезет едкий дым,
Гниют деревья брошенного сада,
И гонит по раскисшей глине стадо
Пастух, орущий матом неблагим.

Я вижу безотрадным и нагим
Родное поле – так что и не надо
Перечислять все признаки распада
И голосить: «Спасите, мы горим!»

Но сердце ждёт малинового звона,
И лес надел осеннюю парчу,
И ласковым дождём умыты кроны.

Я останавливаюсь и молчу...
Успение – душа кладёт поклоны,
И храм возносит купола свечу.

ЛАЗАРЬ

В пеленах погребальных,
В истлевшем платке на лице
Шелохнулся молчальник
Белой костью в железном венце...
Сквозь разжатые зубы
Он ловит огонь и песок,
Иерихонские трубы
Оглашают восток.

И сквозь боль пробужденья
Услышано: «Встань и иди»;
Раскрошились каменья
Меж рёбер вздохнувшей груди,
И от запада солнца,
Скользя по дорожной пыли,
Замыкаются кольца
Параллелей Земли.

И звездой над полями
В ночи простирает лучи
Благодатное пламя
Твоей одинокой свечи;
И росой в паутине
Не уснуть, на траву не прилечь,
А дорога в пустыне
Распрямилась, как меч.

НАСТАНЕТ ВРЕМЯ

Настанет время уходить,
Прощаться и прощать,
Бесшумно перерезав нить,
Без голоса кричать,
Вдохнуть клубящийся мороз,
И выйти в тёмный путь,
И строчки набежавших слёз
Без жалости смахнуть.

Настанет время зачеркнуть
Пустые словеса,
Почувствовать земную суть,
Услышать голоса
Освобождающихся рек,
Проснувшихся дерев
И повторить прошедший век,
Огнём его сгорев.

Настанет время наизусть
Произнести псалом,
Узнав, что ты, Святая Русь,
Далече за холмом,
А впереди собачий лай
И муторная тьма,
А там... что хочешь выбирай –
Топор, петля, тюрьма.

И будет время умирать
За всё, что возлюбил, –
И выстрелит в затылок тать,
И упадёшь без сил,
И примут безымянный прах
Скращения дорог
В лесах, полях и на горах,
Где тишина и Бог.

Co to bedzie, co to bedzie?

Adam Mickiewicz

Что-то в мире надломилось,
И шатается на грани...
Поминутно повторяешь:
«Что-то будет, что-то грянет» –

Неизбежно и немило,
По хребту и поперёк –
Страшно, словно смерть вторая
Встала на порог.

Но покойно и просторно,
Если взглянешь по-иному,
Если дух душой владеет
И склоняется к земному,
Наше горе, наши войны
Обращая в сон земли,
Бесполезный ум злодея
Хороня в пыли.

Неприметна кровь на злате;
Ей – сквозь белые покровы,
Ей – закатом над полями,
Ярой киноварью слова
И крестом на снежном плато
Заалеть сквозь темноту,
Растекаясь, словно пламя
По листу.

Не хочу гадать на гуще
И не верю гороскопам –
Что-то будет, что-то грянет,
От пожара до потопа...
Умолкаю перед Сущим –
Все мы скоро наяву
Из Его открытой раны
Каплей на траву.

А трава-то всё шелковой,
Всё росистой на рассвете –
Как легко она примет
Дождь и кровь, мороз и ветер...
Капли жизней и любовей
Из объятия цветка
Тихо падают на землю
Сквозь века.

ВОИНСКИЙ ХРАМ

То не золото горит,
Не мерцает серебро,
То не отсветы зари,
Не Жар-птицыно перо –

Это светлая свеча,
Это грозная печаль,
Это блещет, горяча,
Сабельная сталь.

То горит патронов медь
С высоты паникадил,
И угрюмо дремлет смерть
Возле воинских могил;
В медь одет иконостас,
Жаркой сталью обрамлён,
И сурово смотрит Спас
С бархата знамён.

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

А паутинка памяти сорвалась и летит,
А ветер веет севером над широтой озёрной,
Свистит свинцом по серому, порывист и сердит,
И над шатром возвышенным, и под венцами
чёрными.

А небо брызжет холодом во всю седую ширь,
И чайки голосистые скользят в потоках ветра,
А храм стоит недвижимо, как старый богатырь,
И смотрит в даль онежскую, и ждёт он весть
ответную.

А храм встречает каждого с зари и до зари,
И ты к нему поднимешься, войдёшь, вздохнёшь –
и что же?

А небо в нём не серое, ты только посмотри –
Широко раскрывается оно ромашкой Божией.

А небо в нём – и золото, и яхонт, и огонь,
И синева, и радуга, и тихий свет с востока!
Оно сияет солнечно, как Божия ладонь
Над малою былиночкой, взыскующей высокого.

ПАМЯТИ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

На рассохшихся досках
Слезе поминальной вослед
Капли ярого воска
Да пламени пляшущий свет
И сосновая хвоя

В горячем и едком дыму –
Это время лихое
Я снова приму.

Приходи наказаньем
За годы моей суеты,
Будь отточенной гранью
На самом краю пустоты,
Стань открывшейся дверью
В крошечную темень тайги,
Паутину безверья
Безвременьем жги.

Пусть по чёрному шлаку
Сквозь полночь протянется шлях,
Пусть февральская слякоть
Просохнет в его колеях,
Пусть натянутся сети,
И точкой захлопнется круг,
И воротится ветер
На север и юг.

Урагану навстречу
Вращаются стрелки часов –
Этот путь безупречен
Вдали от аккордов и слов,
В стороне от концертов,
Конгрессов, советов, наград –
В разговоре со смертью
Не нужен парад.

Просто чувствуешь кровно
На спящих в песке валунах,
На обугленных брёвнах
И в серых, как небо, волнах –
Здесь душа, что младенец,
Рыдает – свети, не сгорай,
И ничто не заменит
Пылающий рай!

Но над небом и словом,
За гранями ночи и дня
Видишь образ шатровый
И внемлешь ему из огня...
Мне бы только коснуться
Горячего сруба рукой –
Словно с чайного блюдца
Пить любовь и покой.

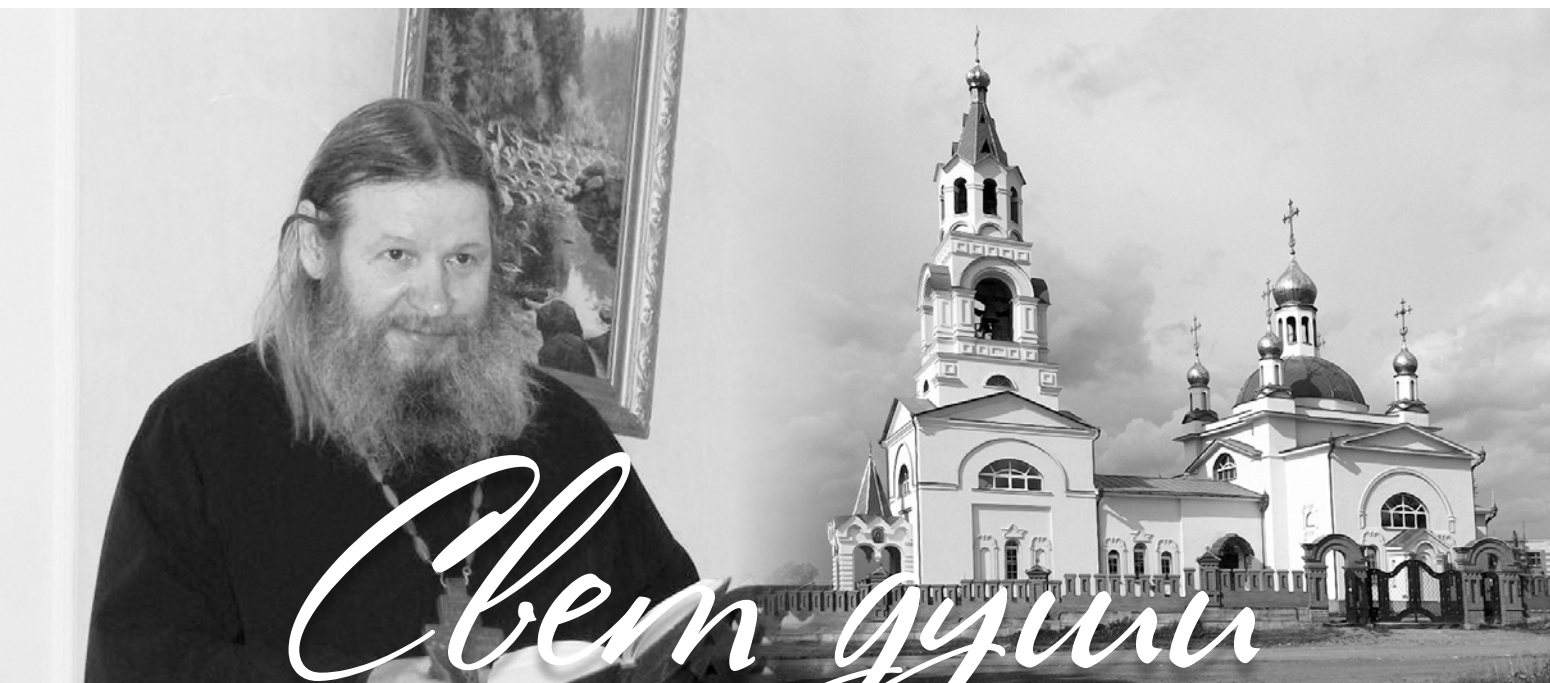
Всё воздушней, всё скорее
 Через реки и холмы
 От апостола Андрея
 До апостола Фомы,
 От распаханного поля
 И соснового венца
 До жемчужины в неволе
 И железного кольца...
 Дух любви и дух сомнений,
 С вечной скорбью вечный спор,
 По полям туман и тени,
 В небесах молчанье гор...
 От ручья до океана
 В тихой музыке дождя,
 Обезумевшие страны
 Незаметно обходя,
 Ты всё видишь, Ты всё знаешь,
 Ты опять прощаешь нам,
 Но с отравой кровь земная
 Делит души пополам,
 По артериям и венам
 Растекается огнём,
 То позором, то изменой
 Искушая день за днём.
 Разум злобен, сердце немо,
 Страсть слепа и горяча...
 Ты простишь и эту немощь –
 Самому бы не прощать,
 Самому надеть рубаху,
 Что как снег белым-бела,
 Самому пойти на плаху
 За слова и за дела,
 А потом с Тобой далёко,
 Через горы и леса,
 Где, куда ни глянет око,
 Края отчего краса,
 Где Твоё благословенье
 В подорожнике росой,
 Где откроется спасенье
 Душеньке босой.

МОСКОВСКОЕ РОЖДЕСТВО

Однажды, не в силах развеять беду,
 На старую улицу я побреду,
 Рыдая родными стихами,
 И будет хрустеть под ногами хрусталь
 Случайной сосульки, и всхлипнет печаль,
 В пещеру войдя за волхвами.
 И будут шептаться с младенцем воли,
 И ангелы встанут на кончик иглы,
 И в бисере овцы возлягут,
 И вырвется вздохом: «Прости, не могу»,
 И бусинкой спрячется в рыхлом снегу
 Слезы невесомая влага.
 Уколы мороза, ожог мишуры,
 Блаженных и нищих ночные пиры
 Да звёзд одинокие крошки...
 Москва, ты бела, словно лобная кость,
 Москва, ты стихами прошита насквозь –
 Надёжной ахматовской стёжкой.
 Ты примешь меня без объятий и слов,
 Ты скроешь неровные строчки следов
 Позёмкой, искристой и зыбкой,
 И больше не надо ни ритмов, ни тем –
 Снежинка в ладони, в душе – Вифлеем,
 А в сердце – невинность улыбки.

* * *

Из синей проталины неба
 Над храмом Бориса и Глеба
 Ты смотришь на наши дела,
 На битые карты и туши,
 И наши пропащие души,
 Оструганные догола.
 И как же в такой безнадёге,
 На грязной кандальной дороге
 Ты видишь и липы, и мёд,
 И губ сочетаемых нежность,
 И детского взгляда надежду,
 И всё, что прильнёт и поймёт?
 Я буду слепым и оглохшим,
 Но дай мне слезы Твоей ковшиком –
 Прозрею, услышу, спою,
 Коснусь облаков куполами,
 Узнаю сквозь камень и пламя
 Воздушную ризу Твою. А

Сколько звёзд на небе, столько и святых, и всех их не счесть, вот и всех поэтов – больших и малых, ярких и едва заметных – великое множество в мире, но остаются те, кто светит в любую погоду. Свет души, что открывается в часы написания стихов, обязательно виден хотя бы одному человеку, и этот человек – автор – непременно им насладится. Так что любое творчество имеет оправдание. Звезда умирает, по слову учёных, а яркий свет от неё доходит до земли. Гении уходят рано: Пушкин, Лермонтов, Есенин, Рубцов... Но они светят всем. Стихи у всех разные, ибо нет у Бога двух одинаковых личностей. Гении, как правило, прозорливы. Таланты – внимательны к природе вещей...

Большинство звёзд мерцает, каждая по своей силе. Вот и я, грешный, часто склоняюсь над тетрадью, когда коснётся вдохновение и не можешь не писать. Иногда это отражение духовное, и свет к тебе идёт от солнца Правды, некое уловляемое прозрение, но чаще открытием является сам мир, данный нам в притчу от Бога. Берёзка как образ России, река – течение времени жизни, царь как икона Царя Небесного и венец Святой Руси – и многое другое.

В детстве и юности стихи подражательные, уж очень хочется быть поэтом, потом это переходит в возвышенное чувство, и если по-

следнее переходит в любовь к Богу и Его творению, встреча с миром восхищает душу и она всё время стремится к слову, то при навыке и усвоении традиции печать вдохновения остаётся на бумаге. Можно поделиться с другими, сначала с пишущими, а потом и со всеми, если импульс, сила слова пронизывает сердца.

Я всегда мучился: «Зачем ты сел писать, если ты священник и твоё дело молиться?» Но дневник духовный оставили для людей множество святых угодников – не перечитать. Опыт вхождения в жизнь церкви, духовную жизнь, и события мира, т. е. Священная история нашего времени, не оставили и меня равнодушным. Навык всё выражать поэтическим словом сделал своё дело. И когда я после трудных для меня обстоятельств переехал в Новую Утку в 2003 году, то пришлось всё начинать сначала – церковь поднимать, приход... Появилась надобность и в стихах. Они разные по глубине содержания и высоте поэтического чувства. Разные и по жанру и стилю.

И вот по просьбе замечательного человека нашего времени, народной артистки России Тамары Ворониной, представляю небольшую подборку стихов, как мне кажется, уместную для вашего журнала.

Протоиерей Александр НИКУЛИН

Берёза

Не видать листвы твоей, берёза,
Той, что светописью в полдень блещет дружно, –
Нынче инеем покрылась от мороза,
Бахромой украсилась жемчужной.

Прежде утром с ветерком невинным
Живописью трепетной повяжет
Все деньки мои, весёлые години...
Но на землю лист осенний ляжет.

Изочту по кисточкам хрустальным
Жил твоих течение самых ранних...
И не налюбуюсь в час опальный
Кружевами, что усыпят стланик.

И снега, и хлад колючий клонит
Всё твоё к величию стремленье...
Сколько студный ветер туч прогонит
До смолистой зелени весенней?

Чтобы кончики ветвей опять краснели,
Облизавши голубую дымку,
Чтобы птицы всех мастей воспели
Гимн весенний с солнышком в обнимку.

...Вся закуржевела белая берёза,
Черноточкины её едва блистают...
Отдалась строптивому морозу,
Но и он когда-нибудь растает.

Зимний путь

Зимний путь плывёт среди сугробов –
Как забыть лошадки чудный бег?
Недоступна нам с конём хвороба,
Возвеличен тварью человек.

Кружевными чашами проеду,
Смеркнется от инея заря...
Мне ли в этом веке, непоседу,
Испытать движение зазря?

Нынче ж мчусь в железной колеснице –
Мир через стекло уж не широк...
И когда в года мои приснится
Красота заснеженных дорог?..

В путь последний кряду собираясь,
Вздёрну Богом данного коня...
Как предчувствие души моей разыграет!..
Как дорога славна для меня!

* * *

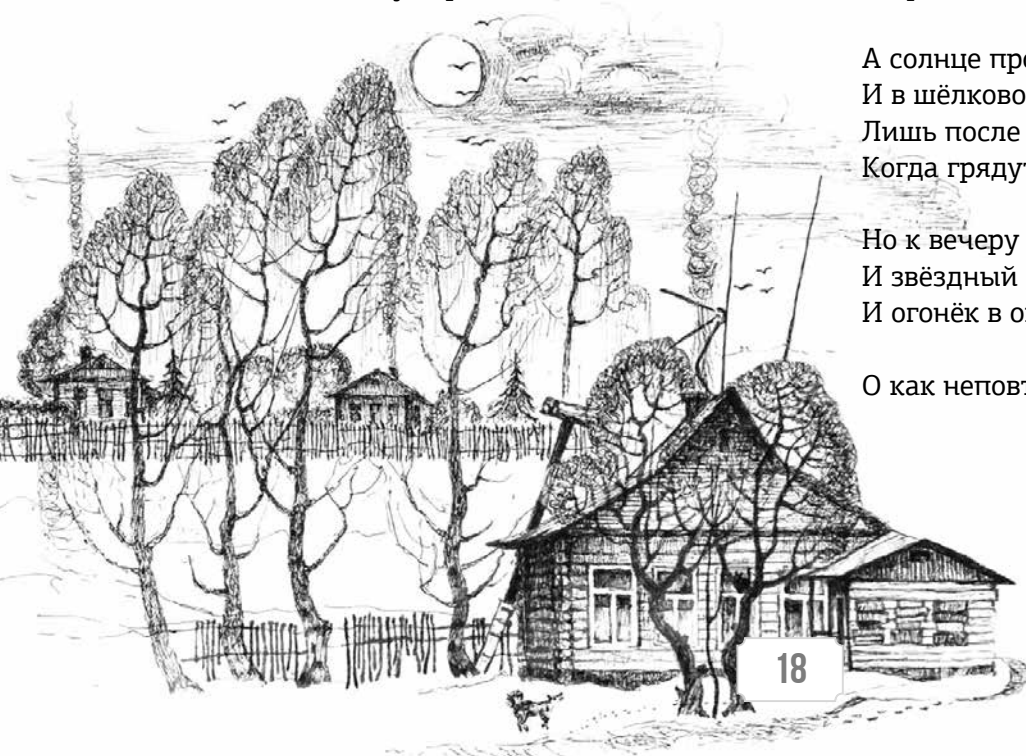
Настеньке Лузиной

А я ещё туман веслом не трогал,
На берег спрыгнув, ног не замочил,
И в росах спозаранку не продрогнул,
Встречая восходящие лучи.

А солнце просочится сквозь ладони –
И в шёлковом огне вся гладь воды.
Лишь после в сетях плещется и тонет,
Когда грядут тяжёлых бурь валы.

Но к вечеру по сердцу всё милее –
И звёздный строй, и в неводе луна,
И огонёк в окошке дальнем тлеет...

О как неповторимо всё у нас!

Ромашка

Ещё ни облачка, ни одного барашка,
И зёрнышки росы не слепит свет,
Но ты взгляни – во всей красе ромашка
Лучи свои протягивает вслед.

А мы спешим туда, где блеск лампады, –
Но все творения у Бога – образа,
Чтоб изумленью не было преграды,
Чтоб взор наш озарился, как слеза.

Так отчий дом нам дорог в час разлуки,
Так Бог распространяется в любви,
Чтоб снизойти до самой смертной муки,
Да всё худое примет добрый вид.

И первая ромашка нам для притчи:
И всё то счастье – в детскую ладонь...
Не покусь на Божие величие,
Благословение полей моих не тронь.

Какая на земле ещё отрада
Любезнее ромашки на лугу?
С ней несравнимы все цветы из сада,
Не так они меня к себе влекут.

А Божий мир, едва мы на тропинку,
Отдаст в наследство и ширь, и синеву;
И в бриллиантах утра паутинку,
И знак любви – ромашку наяву.

И славится – как есть тебя целует...
Не то чтобы жалеет нас во всём,
Но снимет накипи полоску в сердце злую,
И как ромашка – дух мой невесом.

Памяти матери

Я земляничный угол обобрал
И лес прошёл с облупленным бидонцем,
И догоняет горсточка добра
Косматый гребень скачущего солнца.

Дождь стороною, и дорога вниз,
И мать невольно спросит у порога:
– Ну что ж ты не собрал из ягод кисть,
Чтоб угостить кого-нибудь немного?

И я припомнил трогательный дар –
Тот, материнский, с ягодой обычай,
Но никому его не передал,
Хотя в душе моей он возвеличен.

Порою кажется, вот-вот родимый дом,
Разыдутся все облака и громы...
А я бегу вдоль речки босиком,
Едва завидев ток её знакомый.

И хочется скорее, напрямик,
С обратной стороны – по огороду...
О, возделенный вечной жизни миг!
...Быть может, спросит мать меня про воду?

– Там ключик был, а ты не почерпнул
И не принёс попробовать водицы?..
И снова вспомню, что ж я не свернул
К теперь уж болью сомкнутой кринице?

И я воздену к небу две руки,
Я наг и пуст – вот всё мое моление...
И берега закончатся реки,
А земляники не коснётся тленье.

На прогулке

На пути, в блистающем закате,
На мгновенье снидет благодать:
Ничего душе не надо тратить,
Хочется последнее отдать.

Увенчает час мой вид церковный,
Величавой древностью пленит;
Обнимает, как оклад – иконы,
И остаток дней моих хранит.

Вот крылом коснётся дивно дымка,
Весь собор – в окалинах зари...
Не найти молитвеннее снимка,
Невозможно мир сей повторить.

* * *

Не хотела речка замерзати,
Сизую струю по дну пускати,
С бережком по камушкам играти,
С солнышком в излучинах плясати.

По-весеннему хотелось ей бежати,
Красотой зеркальной блистати,
Лес и дол хранить-величати,
Животинку влагой напояти.

Не хотелось речке унывати,
Льдом пресветлое лицо своё скрыватьи
И устам на сливах умолчати,
Малою волной не колебати.

А хотелось речке веселиться
И с большой рекою в полдень слиться,
По лесам, меж гор-камней крутиться,
Всякому в любви своей присниться.

Серебро чернеет вод, как тает,
В путь за облачком лихим не успеваает...
Не дотянется травы сырой, росинки,
Слепотою обольстят её снежинки.

Станет речка плакать, задышаться,
Холодом колючим уязвляться,
Грузным льдом тяжёлым покрываться,
С берегами белыми равняться.

А пройдёт охотник, чуть наступит,
Белый снег воде сырой уступит.
Там, под зимней толщею, играет
Речка, что весны блаженной чаёт.

И не умирает, а играет –
Всю мою судьбу-любовь сличает.

Размышление при виде вечерних облаков

Расходятся под вечер облака –
Как фрески Микеланджело, где связь их
Натянется и рвётся, вся расслабься,
Как с Господом Адамова рука.

На расставанье призвана душа!..
Весь свет Божественной любви тогда
предстанет –
Отпустит и безмерно манит,
И так живём, едва-едва дыша.

И листопад припомню, как вчера,
И милый взгляд, что быстро так восходит
На небосвод, который нас разводит,
Но веруем – и нам уйти пора.

Пронизывает свет тот облака –
Пред сенью смертной сень скользит земная,
Где вызолотит, где чернит, не зная,
Куда ещё нас выведут века.

Как вытянулся на прощанье лес!..
И край земли сомкнулся с гладким небом...
Подай нам, Боже, благостного хлеба,
Да поживём ещё остаток весь.

Уильям Шекспир. Сонет 66

(Вариант перевода)

Предпочитаю смерть – мне с детства
невдомёк,
И чем взрослей, тем скорбнее урок, –
Как глупость и коварство правят миром,
А дело правое ненужным станет, сирым...
И беззаконие прикроется законом,
И первыми ханжи спешат к иконам,
И девственность объявится пороком,
И не в тюрьме предатели, без срока...
И зависть попирает дарованья,
И мусором считается преданье,
И каждый день, закрыв глаза на зло,
Взирать, как чуждым Бога повезло...

Я задыхаюсь: мир к добру упруг...
Но без тебя я не смогу, земной мой друг.

* * *

Моя награда – не медали,
Не суждено нам высить грудь,
Награда мне – лесные дали
И люди, с кем прошёл я путь.

И несомненной веры храма
Звнящий голос алтаря,
И взор икон, светящих прямо,
И паче сил – любовь Царя.

Пред ним великие вершины
Опустятся, поклон творя...
И те, кто были неповинны,
И те, кто предали Царя.

И средь стихий людских Урала
Ещё бы мне пребыть не зря...
Чтоб сердце биться перестало
Наградой в битве за Царя. **А**

Отец Александр Никулин родился в 1949 году в г. Лысьва Пермского края, учился на филологическом факультете Пермского университета, окончил режиссёрский факультет ГИТИСа, некоторое время работал в театре. С 1983 года живёт на Урале, в 1988 году принял сан священника, служил в Зауралье, теперь в пос. Новоуткинск Первоуральского благочиния, член Союза писателей по Московскому отделению.

Направление его стихов традиционное, окрашенное духовно-лирическим началом, на поэтический строй во многом повлияли образы родной природы Урала и, конечно, церковная молитвенная жизнь.

Духовные образы глубоких религиозных переживаний соединены с проникновенным осмыслением трагических судеб нашего Отечества в его историческом замысле Святой Руси. Особую личностную интонацию придаёт глубокое почитание святых царственных мучеников, сложившееся у автора с юности и приведшее его под своды храма.

Архиепископ Макарий Звёздов

Архиепископ Пётр Савельев

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ВЛАДЫКИ СВЕРДЛОВСКОЙ ЕПАРХИИ

АРХИЕПИСКОП МАКАРИЙ ЗВЁЗДОВ И АРХИЕПИСКОП ПЁТР САВЕЛЬЕВ

Оба архипастыря возглавляли Свердловскую епархию непродолжительное время: владыка Макарий с 1933 по ноябрь 1935-го, а владыка Пётр с конца 1935 по август 1937 года.

Оба были расстреляны в один день. И останки их вместе с десятками тысяч других мучеников находятся на Мемориале жертв политических репрессий на 12-м километре Московского тракта.

Владыка Макарий, в миру Матвей Дмитриевич Звёздов, родился 5 августа 1884 года

в Тверской губернии, селе Гарусово, в семье крестьян.

Окончил Вышневолоцкое высшее начальное училище (1903), Виленскую Мариампольскую гимназию в Сувалкской губернии (1907). Сдал экзамены за курс гимназии экстерном.

В возрасте 27 лет (21.12.1912) поступил в Троице-Сергиеву пустынь близ Санкт-Петербурга, известную тем, что в середине XIX столетия настоятелем её являлся архимандрит Игнатий (Брянчанинов), который ввёл в ней

истинно святоотеческие монашеские традиции. Матвей Звёздov стал послушником обители при третьем настоятеле после святителя Игнатия – архимандрите Михаиле (Горелышеве).

Пострижен в монашество с именем Макарий в 1914 году. Рукоположен в иеродиакона 14 июня 1915 года, а 6 марта 1916 года – во иеромонаха.

В 1923 году окончил Петроградский богословский институт. Был председателем студенческой коллегии и членом Совета института от студентов. 11 декабря 1923 года Святейшим Патриархом Тихоном утверждён в степени кандидата богословия за сочинение на тему «Толкование Евангелия у Л. Н. Толстого пред судом православного вселенского предания и православной богословской науки». Служил в Петроградском богословском институте в должности казначея. 16 мая 1926 года хиротонисан во епископа Торопецкого, викария Псковской епархии, затем переведён на должность епископа Белокопытского и Великолуцкого.

С 1927 года – епископ Муромский, викарий Владимирской епархии. С 1928 года – архиепископ Муромский, викарий Владимирской епархии, временно управляющий Владимирской и Воронежской епархиями. С 1933 года – архиепископ Ирбитский, затем Свердловский и Ирбитский. Арестован 20 июня 1935 года и осуждён 28 ноября 1935 года на два года ссылки в Пермскую область, Коми-Пермяцкий национальный округ, село Гайны (близ г. Кудымкара).

Архиепископ Макарий вынужден был управлять епархией почти единолично, лишь с помощью одного секретаря – протоиерея Павла Федорина. Из-за частой смены архиереев, их арестов и конфискации имущества епархиальная канцелярия находилась в запустении: от предшественников по кафедре владыке Макарию не осталось даже списка приходов и духовенства. В течение пяти месяцев он вместе с протоиереем Павлом приводил в порядок епархиальные дела.

Из дореволюционных приходов в Свердловской епархии оставался лишь 221 православный приход; было также 34 обновленческих и 18 григорианских приходов. В некоторых крупных городах были закрыты все церкви.

Так, например, в городе Надеждинске (ныне – Серов) не было ни одного действующего храма или молитвенного дома, а жителей в городе и его окрестностях насчитывалось около 90 тысяч человек.

Примерно в это же время власти начали кампанию по запрету колокольного звона. В самом начале 1935 года владыка Макарий сообщал митрополиту Сергию (Страгородскому): «По всей области проведена кампания по снятию колоколов. <...> С болью в сердце верующие... были зрителями происходящего. Снятие, как докладывали с мест, происходило без всякой осторожности: во многих храмах повреждены крыши, пробиты потолки, разбиты лестницы. Верующим с большим трудом приходилось ремонтировать поврежденные места за свой счет, т. к. составление каких-либо актов администрация считала излишним».

В этом же документе архиепископ приводил примеры трудностей, которые духовенству приходилось преодолевать в то время повсеместно: платить непомерные налоги, исполнять трудовые повинности на лесозаготовках и многое другое. Например, со священника села Большой Исток отца Василия Ляпустина был потребован налог за четыре года в сумме 11,5 тысячи рублей, в то время как платить он должен был лишь по сто рублей в год. Обрато денег ему не отдали, сказав, что это – аванс на сто лет вперед. У другого священника, служившего в Красноуфимске, потребовали аванс за 25 лет, хотя ему самому было уже под семьдесят... Даже если священнослужители не имели никакого хозяйства, они всё равно обязывались сдавать государству мясо. При этом священники оказывались в совершенно безвыходной ситуации. За неуплату непосильного налога их могли арестовать, а если священники пытались выплатить налог, то власти всё равно находили любые, даже самые абсурдные поводы, чтобы их обвинить. Так, один батюшка купил для уплаты мясного налога поросёнка – и был осуждён за это на два года принудительных работ. Предлогом для обвинения священника стало то, что «население у них все колхозное и поросенок колхозный, к единоличной продаже, тем более священнику, не подлежит».

Забываясь о своей пастве, владыка Макарий старался как можно чаще посещать приходы: он совершал богослужения, проповедовал, беседовал с верующими.

Так, например, в начале 1935 года во время посещения Невьянска архиепископ ежедневно утром и вечером совершал богослужения и всегда говорил проповеди. «Храните, сестры и братья, в себе веру во Христа, будьте крепки, терпеливы, переносите все нужды и печали, никого не осуждайте ни словом, ни делом, а воодушевляйте друг друга Словом Божиим, и всегда у вас будет душа чиста».

О деятельности владыки свидетельствуют также «меморандумы» в делах невянских священников.

Из меморандума 1935 года (6 февраля) по делу № 10963, Р-1, Оп. 2. 9 страниц (О контрреволюционной деятельности)

«6 февраля 1935 года утром в Невьянск приехал архиерей Макарий, которого на станции встретил церковный староста Ведунов И. И. и привез к себе в квартиру. С Макарием приехали два монаха, священник Коровин Л. и дьякон Иванов Н. Приехали все из Кушвы, Надеждинска и других приисковых поселков, куда они ездили для служения и объезда церквей с целью поддержания верующих в религиозном духе.

С 5 часов вечера в кладбищенской церкви было служение всенощной, служили архиерей Макарий, два невянских священника Коровин Леонид и Лобанов Григорий, два приезжих священника из села Аятского и Петрокаменского, народа было полная церковь, около 150 человек, все женщины, мужчин только 4 человека.

Церковный староста Ведунов И. И. рассказал источнику, что архиерей Макарий вернулся из поездки на дальний Север, где никто не посещал верующих в течение 18 лет и, начиная от Кушвы, они нигде не могли совершать богослужения за неимением храмов и приходов. Но по приезду в Надеждинск их пригласили в какое-то приисковое село в 30 км от Надеждинска, там и произвели служение в церкви, съехалось много верующих и молодежи из Надеждинска, и был очень хороший прием.

Проезжая по Северу, архиерей встречал много неприятностей, задерживали несколько раз его и ехавших с ним для проверки документов.

В Невьянске с 6 по 8 февраля включительно ежедневно проходило служение утром и вечером.

Архиепископ Макарий читал длинные проповеди.

Летом 1935 г. Владыка Макарий был арестован».

«Дьякон Иванов вернулся из Свердловска 14 августа и привез вещи архиерея».

«20 ноября 1936 г. дьякон Иванов в июне ездил к арх. Макарию. Иванов посылает ему посылки, здесь приносят все знакомые им люди, кто что может, кто деньгами, кто сухарями и всеми другими товарами. Дьякон Иванов опять уехал в Свердловск для передачи посылки и свидания к заключенному архиерею, но его уже выслали, он пробудет в заключении не менее 3 лет».

Однако пробыть на Свердловской кафедре владыке Макарию суждено было недолго: в ночь на 18 марта 1935 года архиепископ и его секретарь протоиерей Павел были арестованы. Архиерея приговорили к ссылке в Гайнский район Свердловской области сроком на два года.

Из доноса прихожанки Вознесенской церкви г. Невьянска от 29 декабря 1936 года: «Там ему неважно живется, главное – народ там довольно грубый и много-много отсталый, невежливый и к тому же ещё нерелигиозный. Здоровье у Макария очень плохое, с сердечной деятельностью плохо и долго у него не было лекарства, которое для него полезно, но случайно достали ему лекарство и послали, так что он нас благодарил за доставленное и необходимое для него.

Потом спросила: а как он нуждается в материальном положении?

Ответ: Он нам об этом ничего не пишет и не просит, но мы, т. е. отцы духовные, сами должны позаботиться о страждущем брате своем, это наш христианский долг, по силе возможности, иногда понемногу с диаконом сложимся и соорудим небольшую посылку.

Я встретила вечером сынишку диакона Н. Иванова, лет 6, который катался на катушке,

а я шла ко всенощной в церковь и спросила у мальчика про папу, маму, как они, здоровы? и дома ли папа? – да, дома, сказал мальчик. Вчера вечером, 1 января 37 г., папа приехал из Свердловска, ездил по своим делам. Я спросила: за покупками? Мальчик ответил: нет, по церковным делам, да посылку посылал дедушке Макарию. Сейчас он далеко, поэтому папа и не ездит, только лишь к празднику иногда посылки посылает с гостинцами: консервы, печенье и конфеты.

А ещё что? В чем ещё дедушка Макарий нуждается?

Так он особенно никогда ничего не просит, только лекарства, так как он очень болен сердцем».

Вот такое человеческое отношение было расценено работниками НКВД как преступное.

В ночь на 31 августа 1937 года архиепископ Макарий (Звёздов) был подвергнут аресту в Гайнах. Ему предъявили обвинение в том, будто бы он являлся «активным руководителем контрреволюционной повстанческой и шпионской организации». И он был привезён в Свердловск под особым конвоем.

17 сентября состоялся единственный допрос, на котором владыка категорически и бескомпромиссно отрицал все ложные обвинения.

Из протокола на Звёздова от 17 сентября 1937 года. **ГААОСО Р-1, Оп. 2, № 14923 (в следств. деле Смирнова Л. П. № 8355 – и ещё 30 человек):**

«Вопрос: Вы обвиняетесь в активном участии в контрреволюционной организации церковников. Предлагается Вам дать следствию исчерпывающие показания о деятельности Вас в этой организации?

Ответ: Ни в какой контрреволюционной организации я не участвовал. (Подпись: Звёздов.)

Вопрос: Вы говорите неправду, следствие имеет достаточно документов, чтобы изобличить Вас как активного участника контрреволюционной организации. Предлагаем Вам показывать правду?

Ответ: Я показываю правду, что в контрреволюционной организации я не участвовал.

Вопрос: Вам зачитываются показания Савельева П. А. от 20.08.1937 г., изобличающие

Вас как руководящего деятеля контрреволюционной организации церковников. Намерены ли Вы далее отрицать свое участие в организации?

Ответ: Категорически отрицаю, т.к. показания Савельева являются ложными. Кроме того, я Савельева совершенно не знаю.

Вопрос: Вы с Савельевым переписывались?

Ответ: От Савельева я получал одно письмо в 1936 г. по вопросу епархиальных дел, на которое я ему прислал ответ, и больше я с Савельевым не переписывался.

Вопрос: Вам зачитываются показания Старцева от 15 сентября 1937 г., который также изобличает Вас как руководящего деятеля контрреволюционной организации церковников. Намерены ли Вы ещё отрицать участие Вас в контрреволюционной организации церковников?

Ответ: Зачитанные мне показания Старцева А. С. также отвергаю, ничего общего со Старцевым не имел и в контрреволюционной организации не состоял. (Подпись: Звёздов.)

Вопрос: Вам ещё зачитывается одно показание Тудвесова от 11.09.1937 г., уличающее Вас в активной контрреволюционной деятельности как руководящего деятеля контрреволюционной организации церковников, и следствие имеет ещё ряд документов, подтверждающих участие Вас в этой организации. Предлагается Вам прекратить заперательство и дать показания о Вашей контрреволюционной деятельности.

Ответ: Все время я буду говорить только одно, что в контрреволюционной организации я не состоял. Других показаний от меня не будет».

Допрашивал владыку Макария работник следственной группы тюрьмы № 2 г. Свердловска Мокин, который оформлял и другие документы на арестованного владыку.

Этот протокол допроса не нуждается в комментарии, разве только фамилия «Старцев». Дело в том, что позже (в 1941 г.), во время следствия над сотрудниками НКВД, сфабриковавшими это дело, упоминается Старцев, который не свидетельствовал против владык Макария и Петра. Им написано заявление по этому поводу.

Обращает на себя внимание вторая страница протокола допроса владыки Макария:

«Из протокола допроса 1937 г. сентябрь месяц 17 дня:

паспорт – не имеет,
род занятий – без определенных занятий,
состав семьи – одинок,
образование – среднее общее,
партийность – не состоит».

Становится ясным, что анкета архиепископа Макария заполнена Мокиным без него.

«Постановление от 31.8.1937: гр. Звездов Макарий достаточно изобличается в том, что он является активным руководителем контрреволюционной повстанческой и шпионской организации.

[Там, где «подпись обвиняемого»: «от подписи отказался».]

Ст. лейтенант Беляков»

Владыка Макарий был осуждён тройкой при УНКВД СССР по Свердловской области 20 октября 1937 года.

Обвинение: «глава к/р фашистской повстанческой организации церковников, ставившей целью свержение Соввласти и установление фашистской диктатуры, организацию террористических актов и диверсий в промышленности, с/х и на транспорте». Статья 58-10, ч. 2, 58-11, УК РСФСР. Приговор: высшая мера наказания – расстрел.

Из обвинения: «Активный член к/р повстанческой организации церковников. Имел связь с начальником этой организации Кривошековым. Вел активную работу по вербовке к/р повстанческих кадров и по подготовке вооруженного восстания против Советской власти. Используя церковную трибуну, вел особо злостную к/р пропаганду против политики партии и Советской власти. Активный участник к/р организации церковников на Урале, в которую был завербован в 1935 г. В период пребывания белых на Урале принимал личное участие в репрессиях и расстрелах коммунистов. Являлся руководителем к/р повстанческой группы». На допросе 17 октября 1937 года архиепископ Макарий категорически отверг обвинение в «активном участии в к/р повстанческой организации церковников».

Выписка из акта: «Постановлением Тройки УНКВД по Свердловской области от 20.X.1937 г. о расстреле Звездова Матвея (Макара) Дмитриевича приведен в исполнение 23.X.37 г. в 24 часа. Калугин».

Владыка Макарий был настоящим добрым пастырем для своей паствы, для священнослужителей епархии. Его любили, принимали как родного человека, о нём заботились, его слушали и слушались. Даже доносчики записывали за ним слова проповеди. И, возможно, приносили сухарики для посылки ему в ссылку.

Обращает на себя внимание человеческое и бережное отношение к людям, которое исходило от владыки Макария, а также его сильная и яркая личность истинно верующего человека и свидетеля веры.

Реабилитация – 31.08.1955 Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР. Дело прекращено «за недоказанностью обвинения».

А вот слова одной из его последних проповедей в Вознесенской церкви г. Невьянска: «Молитесь и за меня, грешного. Я беру на себя тяжесть молиться за всех до окончания моей жизни, а если умру и предстану перед Престолом Господа, [то] скажу: "Господи, не забудь, мои овцы остались сиротами"».

ДЕЛО АРХИЕПИСКОПА СВЕРДЛОВСКОГО ПЕТРА (САВЕЛЬЕВА)

Архиепископ Пётр (Пётр Александрович Савельев) родился 20 июня 1887 года в селе Новый Буюк Ставропольского уезда Самарской губернии в семье служащего.

В 1911 году окончил Самарскую духовную семинарию и поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1915 году. Кандидат богословия. 5 октября 1913 года рукоположен во диакона, а 23 декабря, на 4-м курсе академии, – во иерея.

Назначен на должность законоучителя и инспектора Вологодского епархиального училища в 1916 году.

В 1921 году овдовел.

С 21 августа 1921-го до 1922 года настоятель собора в г. Бугульма Самарской области.

С 1922 года – в обновленческом расколе.

30 сентября 1923 года хиротонисан обновленческими архиереями старого поставления во епископа. Тогда же назначен на должность обновленческого епископа Стерлитамакского, викария Уфимской епархии, до августа 1924 года.

4 августа 1924 года по принесении покаяния принят в сущем сане в лоно Русской православной церкви и назначен епископом Уфимской епархии. Должность – епископ Белеевский, викарий Уфимской епархии, до 4 августа 1924 года.

Первый арест – 1924–1927 годы, Уфимская губерния. Был освобождён в 1927 году.

С 6 апреля 1927 года по 10 ноября 1932 года – епископ Сергачский, викарий Нижегородской епархии.

С 10 ноября 1932-го по 21 марта 1933 года – епископ Пятигорский. С 21 марта 1933-го по 16 апреля 1935 года – епископ Моршанский. С 16 апреля 1935-го по 27 января 1937 года – епископ Кунгурский, а также временно управляющий Свердловской, Пермской и Челябинской епархиями.

В январе 1937 года стал архиепископом. С 27 января по 2 августа 1937 года – архиепископ Свердловский и Ирбитский.

Арестован 2 августа 1937 года в Свердловске.

По сути дела, показания архиепископа Петра Савельева являются краеугольными в этом коллективном деле.

Его допрашивали несколько раз и в течение продолжительного времени.

Протоколы многостраничные – более 80 листов. Кроме обычной антисоветской риторики, которую следователи копировали из дела в дело, там имеются списки всех священнослужителей Свердловской епархии с указанием их антисоветской деятельности, а точнее, диверсионной, шпионской и в целом повстанческой.

В судопроизводстве того времени был распространён вопрос: «Перечислите ваших знакомых».

Очевидно, что и владыке Петру было предложено назвать своих подчинённых.

А всё остальное было дописано.

Когда в 1939 году это дело было признано сфальсифицированным, появились признания тех, кто этим занимался.

Показания владыки Петра из протокола допроса:

«В начале 1936 года после арестов Макария Звездова и Глеба Покровского [епископ Свердловский Глеб был расстрелян в Новосибирске] я приехал в Свердловск, став руководящим лицом Тихоновской епархии Свердловской области, представилось мне более широкое поле для контрреволюционной деятельности.

Пользуясь своим положением епархиального епископа, я развернул весьма интенсивную вербовку в состав повстанческой организации. Буквально каждое посещение меня подчиненным мне священником или верующим мирянином я использовал для изучения человека и возможности вербовки его в повстанческую организацию. Действовал я весьма решительно и должен сказать, что после приезда в марте 1936 года от Сергия Страгородского мне удалось вовлечь в состав фашистской организации свыше 20 священников.

При выездах в Москву членов созданной мною повстанческой организации я поручал передать свою информацию Сергию Страгородскому. В частности, в январе – феврале 1937 года я посылал с этой информацией члена контрреволюционной организации, священника Коровина из города Невьянска, который по моему поручению информировал митрополита и получил от него для передачи мне указания – действовать как можно активнее – собрать все могущие выступить против Советской Власти контрреволюционные силы – ибо "война не за горами". Это мне было передано Коровиным по возвращении его из Москвы».

Дело архиепископа Петра Савельева находится в деле митрополита Петра Холмогорцева (григорьевского направления): «...настоящее архивно-следственное дело состоит из 17 томов материалов дела, установлено, что каждый том дела, за исключением 12 и 13, представляет из себя самостоятельное следственное производство, ничем не связанное с другими томами, и

объединение этих дел в одно было произведено с нарушением ст. 117 УКП РСФСР».

В этом же деле хранится объяснение Мокина С. П., бывшего сотрудника УНКВД, от 22 октября 1955 года (с. 255):

«В 1937 г. лично мною было подписано обвинительное заключение по делу митрополита Холмогорцева П. Г. и др. обвинявшихся в причастности к контрреволюционной повстанческой диверсионной организации.

По существу обстоятельств составления данного обвинительного заключения поясняю: каждый оперработник, участвовавший в следствии по делу, составлял по окончании следствия список-повестку на каждое подследственное лицо.

Митрополит Пётр (Холмогорцев)

Этот документ корректировался руководством, а затем печатался в 5 экз. и подписывался нач. отдела и нач. отделения.

Согласно такому списку-повестке выносился приговор обвиняемому.

Обвиняемое же заключение составлялось **потом** на основании списка-повестки.

По этой причине получилось, что Холмогорцев и др. уже были осуждены, а обвинительное заключение по делу составлено позднее.

Составить обвинительное заключение до этого никому поручено не было».

(Подпись: Мокин)

То есть люди были расстреляны, а обвинительного заключения ещё не было. Его дописали потом.

В протоколах 1956 года упоминаются бывшие арестованные Еркин, Ярустовский, Старцев, которые свои показания против архиепископа Петра Савельева не подтвердили. И, значит, они тоже были сфабрикованы.

«...Ни одной очной ставки между обвиняемыми не проводилось, факты антисоветской деятельности не проверялись».

Архиепископ Пётр (Савельев) был расстрелян 23 октября вместе с архиепископом Макарием (Звёздовым), митрополитом Петром (Холмогорцевым) – григорианского направления, епископом Леонидом (Марченковым) – обновленческого направления, в 12 часов ночи в подвалах НКВД г. Свердловска, затем погребены в общей могиле на 12-м километре Московского тракта.

О 12-М КИЛОМЕТРЕ МОСКОВСКОГО ТРАКТА

Первые сведения об этом трагическом месте появились в прессе в 1989 году. В частности, выяснилось, что в 1967 году при строительстве спортивной базы «Динамо» строители наткнулись в нескольких местах на захоронения людей. Множество человеческих останков лежало друг на друге. У всех в черепе были отверстия от пуль. О находке сообщили тогдашнему начальнику УВД Свердловской области Ерёмину. Но тот лишь приказал закопать всё обратно и забыть о происшествии, пригрозив невольным свидетелям в случае распространения информации расстрелом. Чуть позже, в 1989 году, нашлись свидетели того, как происходили захоронения. Двое охранников, стороживших в 1930-х годах территорию захоронений, рассказали, что рвы были расположены рядами. Каждый ров был 45 метров в длину, четыре метра в ширину и по два метра в глубину. Тела свозили сюда по ночам в грузовиках и скидывали в яму. После большого количества публикаций в прессе в 1990 году прокуратура произвела частичную эксгумацию одного из захоронений около Ново-Московского тракта. С одного только квадратного метра

Мемориал жертвам политических репрессий в Екатеринбурге

были извлечены останки 31 человека. Органам НКВД в то время спускали «сверху» план по расстрелам. В Свердловской области сталинский план перевыполнили. Невинных людей арестовывали, пытали, предъявляли совершенно абсурдные обвинения. В подвалах НКВД на Ленина, 17, только за неполные два года (1937–1938 гг.) расстреляли около 20 тысяч человек. Порой за одну ночь расстреливали до 400 человек.

На основании протоколов 1937 года трудно и во многих случаях почти невозможно представить духовный облик людей, оказавшихся под следствием. С некоторыми делами явно «поработали»: не по одному разу менялась нумерация страниц (первоначальные номера страниц зачёркнуты или подтёрты). О внешнем облике, о служении, о том, что пришлось пережить тому или иному человеку (а среди них есть и уже прославленные в сонме исповедников и новомучеников российских), можно получить более подробную информацию из дел начала 1930-х годов. В них отражаются этапы исповеднического пути священства за время Гражданской войны и первых лет коллективизации.

1937 год для многих стал «последним рубежом».

И всё же, несмотря на формализованность, «отжатость» материала архивно-следственных дел 1937-го, кое-где попадаются яркие детали, а в некоторых звучит открытое свидетельство веры.

В ходе массовых репрессий 1937–1938 годов Свердловская епархия была практически ликвидирована, большинство клириков были расстреляны или находились в лагерях. В эти годы в Свердловской области были расстреляны 7 архиереев, принадлежавших к разным церковным течениям, репрессированы более 150 священнослужителей (из них 93 расстреляны) и не менее 500 членов церковных общин. Всего в 1918–1944 годах были репрессированы не менее 340 священнослужителей, из них расстреляны 148. После 1938 года на Урале не осталось ни

одного епископа, уцелевшие священники переходили на гражданскую работу. В 1937–1938 годах было закрыто не менее 53 церквей.

Коварство органов, занимавшихся репрессиями, состояло ещё в том, что они занимались не просто подлогом (чего церемониться, когда разнарядка!), они инсценировали лжесвидетельствование. Когда ставится задача убить, и как можно больше, всё остальное отступает на второй план.

Они оставляли в делах документы всевозможных оговоров, чудовищной, придуманной ими же, «писателями» протоколов, лжи о совершенно невинных людях со стороны таких же невинных людей. И никто сейчас не может сказать, где правда, а где нет, потому что дела сотрудников НКВД были уничтожены в 1955 году.

Теперь стало ясным, что не было никаких оговоров и самооговоров, – это просто технологии уничтожения людей, которым не давали шанса спастись.

Высота духа невинных свидетелей веры и низость других, уничтожающих свой народ, – вот водораздел, который всегда существовал в мире, а в России особенно.

Но православная церковь так устроена, что она поминает своих детей. На небе и на земле.

Вечная и светлая память высокопреосвященным владыкам Свердловской епархии Макарию, Петру и Глебу. ■■

Татьяна ОСИНЦЕВА

ПЕСНЬ О СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЕ

По благословению отца Виктора (Явича)

*Посвящается Тамаре Ворониной,
народной артистке России*

Наталья ИВАНОВА,
поэт, заслуженная артистка России, Екатеринбург

СВЯТАЯ ЕКАТЕРИНА – ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА НАШЕГО ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА.
«ПЕСНЬ» БЫЛА НАПИСАНА МНОЙ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ОТЦА ВИКТОРА (ЯВИЧА) И ПОСВЯЩЕНА ТАМАРЕ ВОРОНИНОЙ, НАРОДНОЙ АРТИСТКЕ РОССИИ.
ПРИРОДА ЗДЕСЬ – ЖИВОЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО, А НЕ ФОРМАЛЬНЫЕ КАРТИНЫ, ЗАРИСОВКИ: ВСЁ РАБОТАЕТ НА ОБРАЗ. КАЖДОЕ СЛОВО, КАЖДАЯ БУКОВКА ПРОПУЩЕНЫ ЧЕРЕЗ МОЁ СЕРДЦЕ, ЧЕРЕЗ МОЮ ДУШУ.
ПОЧЕМУ «ПЕСНЬ»? ЭТО ДАЁТ СВОБОДУ ИЗЛОЖЕНИЯ – КАК В НАРОДНОМ ЭПОСЕ. ВО ВРЕМЯ ПОГРУЖЕНИЯ В МАТЕРИАЛ БЫЛО ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО ТЕКСТ ИДЁТ ОТКУДА-ТО СВЕРХУ (ПО ВЕРТИКАЛИ).
ПРИЧЁМ ШЁЛ ЦЕЛЫЙ ПОТОК СЛОВ, А МНЕ НУЖНО БЫЛО ВЫБРАТЬ САМЫЕ НУЖНЫЕ, САМЫЕ ТОЧНЫЕ СЛОВА, РАБОТАЮЩИЕ НА ТОТ ИЛИ ИНОЙ ОБРАЗ!

Боялась мучений –
Строптивного мужа
Жестокости мщенья.

Во сне ей явилась
Екатерина,
Блистая красой
Лучезарно-невинной.

Августа, упав
Пред святой на колени,
Молила чудес у ней
Богоявления!

Рубиновый перстень
Алел у перста,
Как капелька крови
Страданий Христа.

Горькая участь ждала
Екатерину и Августа,
Но они поклялись
В беспорочной
любви к Иисусу!

7

СМЕРТЬ СВЯТОЙ АВГУСТЫ

(По Дмитрию Ростовскому)

Жухнут листья,
Листья жухнут;
Жилы-вены
Синью пухнут.
И разорванный сосок
Бурно гонит кровотоки;
И пульсирует висок –
Градус импульса высок.

И блаженная Августа
Крест несла за Иисуса.
Кровь струилась рекой;
Царь презрел её покой:
Повелел отсечь мечом
Голову царице. В том

Непреклонен был
Мучитель!

Но с Августой
Шёл Спаситель:
Руки ангелов держали
Над её главой сжимали
И сияющий венец
За мучительный конец!

8

Я пред багряным кустом
Онемею:
Осень шуршит,
Каждый листик лелея.
Холод пронзает

До самых костей,
Падают листья
Для зимних вестей.
В соснах плутает
Закат золотистый,
Смыслом неясным –
Синиц пересвисты.
Тихо, всё тихо!
Лишь листья шуршат,
Их, опадая,
Творит листопад.

9

Хрупка, бесплотна,
Словно воздух горный,
Сквозь дымку
бирюзовую небес
Святая к нам идёт Екатерина
С сумой страдания наперевес.
Голубкой кроткою она
Мучительный конец прияла.
Но после смерти
Духом чистым воссияла
В молитве чудодейственной
Христа!
И благолепье тихой радости
И грусти созерцанья
Святой Екатерине
Ниспослал её Жених
От древа вечного
Цветущего познания.

10

Уж снегопадов
Хлипкие порывы
Сменяют осени
Охрипшие надрывы.
И утки в ледяной воде,
Сбиваясь в стаи,
В озёрносиней бороде
Кричать устали.

А напоследок
Лиственницы позолота,
И ветер отпевает лето,
Уходя в низинки и болота.

11

ОТКРОВЕНИЕ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ

(По Дмитрию Ростовскому)

Помолюсь я у креста
Кротко, яснопламенно;
Суть терпения проста –
И стою на камне я.

И теплеющей свечой
На душе волнение:
Бьёт ознобом горячо
Жертва во спасение.

Я земля и прах. Прими
Цвет мой увядающий,
Господи! И длань прости
На врагов карающе.

Кровью их моей омой,
Господи, молю тебя!
Чтоб незримою стезёй
Смерть пришла минутная.

12

И воины, связав Екатерину
Вели её на место усеченья¹.
Мужчины, женщины,
Что шли за ней, –
Все плакали,
Полны неясного волненья,
И говорили ей:

«Зачем, прекрасная
отроковица,
К себе жестокосердна ты,
Предпочитая смерть
Любви земной? Не лучше ли
Желаньям плоти покориться
И наслаждаться
благами царя,
Чем умереть
Позорной смертью зря?»

¹ Царь Максимин вынес приговор:
отсечь (усечь) голову непокорной ему
Екатерине.

И лишь взошла
туманная заря,
Цветущая и юная святая
Им отвечала,
Крепость духа сохраняя:

«Оставьте бесполезный плач!
Но лучше радуйтесь о том,
Что скоро повидаюсь
С Иисусом я Христом,
Который есть и

красота, венец

И слава;
С ним буду царствовать
И наслаждаться.
Итак, не обо мне, а о себе
Восплачьте –
Ведь за неверие своё
Пойдёте вы на
вечные мученья!»

Когда ж святую привели
На место усеченья,
То, светлую молитву
Иисусу сотворив
И помолившись за
врагов своих,

Она сказала палачу:
«Окончи приказанье».
И молча голову сложила
Для закланья.
Когда же воин поднял меч
И честную главу
Екатерины отсек –
Из раны вместо крови...
Молоко струилось.
Так Жениха Небесного о ней
Молитва сотворилась!

* * *

Из букета свадебного
Выпал на пол
Лилии цветок невинный.
Будет вечно непорочной
Душа святой Екатерины.
И, вся в сиянье света,
Христова княжна

Через века и лета
Приидет, как весна!

Сиреновой зарёю
Блаженства благодать
Колоколами всходит,
Чтоб в нас перестрадать.

Дорога к Храму нелегка,
Но подымается рука
К молитве, как к
чудесному оконцу!
Святой Екатерины
лик, что перелив
Божественной любви,
Божественного солнца!

Часовня святой
великомученицы
Екатерины в
Екатеринбурге

По благословению митрополита
Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла

СВЯТОЙ СИМЕОН ВЕРХОТУРСКИЙ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ

I

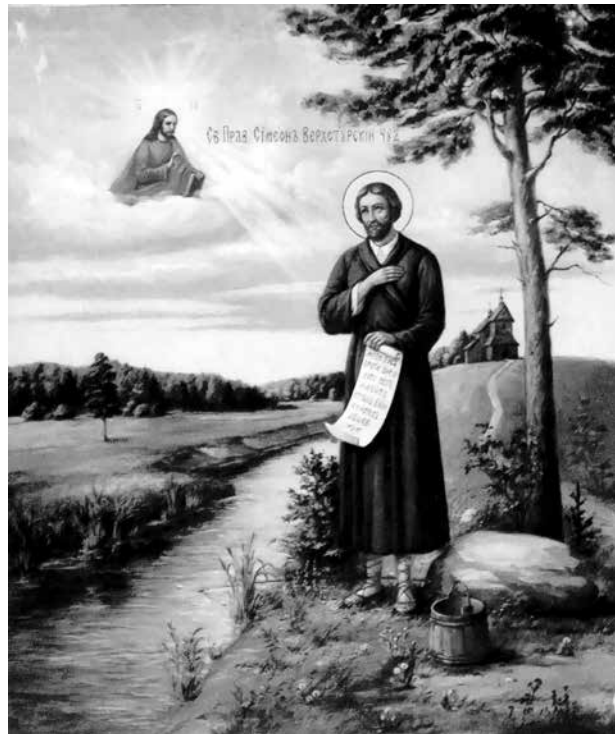
Раннее утро сиренево плыло,
Холод иголками жалил уныло;
Словно бессонные странники, мы,
Вырулив в свет-фиолет полутьмы,
Мирный в машине вели разговор;
Тихо зари разгорался костёр.
Путь в Верхотурский лежал монастырь,
Влажный туман под колёсами стыл...

Но неожиданно солнечный круг,
Брызнув лучами, всю землю вокруг
Вдруг озарил, одарил, расплескав
Рыжий огонь! И в расселине скал,
Гладкой змеёй извиваясь, дорога –
Путь направляет к избраннику Бога!
И вдоль дороги туманится крёс
Золотом милых уральских берёз.

Осень кудрявой смешливой девчонкой
Листьев багрянцы нам сыплет вдогонку.
Ветер свистит в светлый бруствер окна;
Синего неба висит глубина...
И монастырская площадь видна.
Площадь народом бурлит. Благовест
Солнечный день разливает окрест:
Словно нездешний малиновый звон
Милостью Божьей творит Симеон!

II

Праведный сын Симеон родился
В Смутное время убийств, преступлений;
Вместо луны освещало леса
Зарево жёлтых пожаров! Медведи,
Волки, лисицы свободно гуляли
По городским площадям. И свивали
Птицы гнездовья на трупах людских –
В Смутное время законов мирских

Не было словно! И слабого сильный
Мог уничтожить. И в непроходимых,
Тёмных, глухих и тернистых чащобах
Люди таились – выжить им чтобы!
В это кроваво-печальное время,
Полное козней, вражды нестроений,
Словно цепи разорвавшейся звенья, –
Бог посылает на русскую землю
Святости полного, духа смиренья,
Чуждого благам, земным треволнениям,
Праведного: Симеон с детских лет
Трепетно чтит христианский завет!

III

Праведный был из дворянского рода.
Он удалился в глубинку. Природу

С детства любя, поселился в селе –
От Верхотурья был не遠далеке...
Зелёные кедры, громады утёсов,
Речные извивы в пологих откосах
Его окружали своей тишиной;
В Меркушинский храм приходил он порой:
Молитвы усердной и благочестивой,
Как солнечных искр, разлились переливы.
В молитве беседа с Богом-Творцом,
Его сокрушаясь терновым венцом,
Хотел стать причастником Царства Христова:

Ходил по окрестным глубинкам и сёлам
И нёс назиданий Божественных слово!
Святой Симеон всем служил, помогал,
Работы портняжной он не избегал;
Другое занятие – рыбы ужение.
В работе для бедных искал утешенья...
Но вот и его настигает лишение,
И мир покидает Христов блаженный.

Он умер, но в светлый молитвенный час
Святой Симеон молит Бога о нас!

ПО СКАЗАМ ПАВЛА БАЖОВА

Подобно колокольцам росным,
Звенят тихохонько и просто
Бажовских сказов переливы!
И медяницею пугливой
Отстала от земли девчонка,
И всё прямёхонько стоит;
Повытянулася юбочка –
Змеиный след в кустах блестит...
А то, глядишь, Великий Полоз
Свой, золотом украшен, пояс
Оставит добрым людям впрок,
Но злым – ни-ни! И на замок
Закроются земные недра:
Не всем богатства дарит щедро!
Шумя, речушечка плыла,
Травой озябшею цвела.
И Полоз ровно бы растаял,
Лишь колышек в земле оставил.
Данилушка сидит над чашей,
Как потерял он день вчерашний;
Данилушке запала думка,
И под ногою камень хрумкнул.
Лазоревая, красная
Та дума ненапрясная.
А у дороги пыльной, длинной
Землицы бархатная глина;
Зелёный малахитный колер –
Дурман-травой во чистом поле! –
И оседает, словно дым,
Хозяйки голосом густым:
«Данило-мастер, слышь? Трава

Туманом росным поросла.
У чаши всё кайма резная,
Сквозным узором расписная».
Подсказочка на удивленье
Дарила сердцу вдохновенье.
Не лес шумит, то ключ журчит;
И Огневушка-поскакушка,
Рыжеволосая подружка,
По травушке юлой бежит.
Звал девку замуж рыжий парень.
Она ему с зарёю ранней,
Смеясь, задорно говорила:
«В семье два рыжих? Вот так мило!
Но веселее станет тут,
Коль опалёныши пойдут,
Как листики на рыжей ветке,
И многочисленные детки –
Что солнышка горячий жгут.
Наш дом они не подожгут?»
И на разрыв-траве цветок,
Как будто беглый огонёк...
Шкатулка, что из малахита,
Слезой Хозяйкиной умыта,
Рисунками Уральских гор
Волнует душу с давних пор.
Уральским мастерам и честь –
В бажовских сказах их не счесть!
Какая добрая вещьца –
И быть, и сказка-небылица:
Завязанные в узелок,
Тихонько лягут и... молчок! А

ТРАДИЦИИ ЗВЁЗДНОГО ГОРОДКА

Какая же это радость вдруг попасть – впервые – в Звёздный городок, участвовать в торжественной встрече вернувшегося из космоса экипажа!

Ты сразу оказываешься сам где-то над землёй! Забываешь всё мелкое и обыденное. С восхищением смотришь на космонавтов, ищешь в их лицах что-то особенное, космическое. А после просмотра документального фильма про работу вернувшегося экипажа – а там есть чудесные кадры великого космоса, снятые на орбите, – ты вообще улетаешь мысленно в такие дали, в такие непостижимые высоты, куда, может быть, всегда и стремится твоя душа, но до времени она должна проходить земные испытания...

Кадры, снятые в космосе, потрясающи! Млечный Путь, который мы видим с Земли, –

это только малая часть тех звёзд, которые открываются космонавтам там, за 400 километров от нашей планеты. Они говорят, что оттуда Млечный Путь виден ещё более насыщенным звёздами, можно рассмотреть примерно на один миллион звёзд больше...

Ты начинаешь вспоминать своё, скажем так, первое космическое чувство. У меня оно связано с первыми полётами наших спутников, с легендарными Белкой и Стрелкой. В конце пятидесятих годов прошлого века вся страна слушала по радио сообщения об этих полётах, восхищалась и фантазировала. Мы, деревенские мальчишки, вечерами ложились на лёд и долго смотрели в звёздное небо, искали пролетающий спутник и тоже что-то такое фантазировали... Потом, через годы, у меня напишутся стихи,

в которых эти мои первые космические чувства преобразуются в более сложные размышления, но что-то, именно то, из детства, останется.

ДАЛЁКОЕ

Полосы снега метельного
Ветер проносит по льду.
Над занесёнными елями
Первую вижу звезду.

Краткая радость открытия...
Вот и другая горит!
Господи, что за события –
Только душа их хранит.

Бабушка часто в раздумии
Учит, чтоб я уповал:
Люди, что жили, не умерли –
На небе век их настал.

Пруд с ледянистой осокою,
Горки соломенных крыш...
Небо такое высокое –
Как до него долетишь?

Здесь, на деревне, всё ясно мне –
Эта позёмка и мгла,
Вон вековуха Настасья
В горнице лампы зажгла.

А в небесах – уж не лампы ли
Тоже под вечер зажгли?
Есть ли там избы с полатами?
Много ль на звёздах земли?..

Есть ли там снежные россыпи?
Песни поют ли? О чём?
Разве с такими вопросами
Справишься с детским умом?

И по тропе припорошенной
Я возвращаюсь домой –
Светит изба мне окошками,
Греет дымком над трубой.

Мы приехали в Звёздный городок с писателем Анатолием Сергеевичем Трубой из

Мичуринска, который уже был здесь не раз. Приехали и участвовали в многолетней традиции Звёздного городка – торжественной встрече космонавтов, вернувшихся из полёта. В этот раз чествовали экипаж 55/56-й длительной экспедиции на Международную космическую станцию в составе космонавта Олега Артемьева и астронавтов НАСА Эндрю Фойстела и Ричарда Арнольда. Экипаж корабля «Союз МС-08» благополучно вернулся на Землю 4 октября 2018 года после выполнения 196-суточного полёта. Потом был реабилитационный период – и вот наконец встреча в Звёздном городке.

Опять же, следуя многолетней традиции, перед началом торжественного собрания в Доме космонавта экипаж, а также руководство «Роскосмоса», Центра подготовки космонавтов, предприятий ракетно-космической отрасли и представители иностранных космических агентств возложили цветы к памятнику Ю. А. Гагарину.

Открыл собрание начальник Центра подготовки космонавтов, Герой Российской Федерации, заслуженный лётчик-испытатель РФ Павел Власов.

Далее слово было предоставлено исполняющему обязанности командира отряда космонавтов «Роскосмоса» Олегу Новицкому, который выступил с кратким докладом о результатах работы экипажа на орбите.

Генеральный директор госкорпорации «Роскосмос» Дмитрий Рогозин, поздравляя экипаж, признался: «Техника не может быть абсолютно надёжной, поэтому надо всегда с огромным уважением и восхищением относиться к той работе, которую выполняют космонавты и астронавты. Величайшее напряжение сил, сгусток мастерства инженеров, конструкторов и космонавтов даёт нам возможность развивать пилотируемые полёты. Сегодня весь космический мир стоит на пороге перехода на совершенно новую ракетно-космическую технику. "Роскосмос" также самым интенсивным образом работает над обликом наших перспективных ракет и корабля. Мы планируем в 2022 году начать испытания нового многоразового корабля, а также новых ракет среднего и тяжёлого класса. Необходимо развивать техно-

ОЛЕГ НОВИЦКИЙ

ПАВЕЛ ВЛАСОВ

ОЛЕГ АРТЕМЬЕВ

ВИТАЛИЙ ТОКАРЕВ

ЭКИПАЖ 55-56

ЮРИЙ МАЛЕНЧЕНКО

ПАОЛО НЕСПОЛИ

ВАЛЕНТИНА ТЕРЕШКОВА

ЮРИЙ ОНУФРИЕВ

ЭНДРЮ ФОЙСТЕЛ

АРНОЛЬД РИЧАРД

логии, которые позволят экипажу стать более независимым от постоянной поддержки Земли. Именно поэтому мы нацелены на формирование отряда космонавтов, который будет состоять из высококлассных специалистов в самых разных областях. Безусловно, они будут пилотами, но при этом ещё и учёными-исследователями. Я очень рад, что эти мужественные парни прошли процесс адаптации, выглядят прекрасно. Поздравляю нас всех с успешным завершением этой миссии! И хочу пожелать, чтобы наши надежды в плане развития международного сотрудничества в космосе сбылись и чтобы будущие миссии также сопровождались международным сотрудничеством. Нам надо готовиться к новой технике, новым решениям и новым свершениям».

Д. Рогозин от имени «Роскосмоса» наградил Олега Артемьева знаком академика С. П. Королёва, а Эндрю Фойстела и Ричарда Арнольда – медалями «Космос без границ».

Выступали представители смежных организаций ракетно-космической отрасли, иностранных космических агентств, муниципальных образований и других объединений, коллеги-космонавты тепло приветствовали экипаж, вручая памятные адреса и подарки.

Слово было предоставлено и мне. Я поздравил экипаж с успешным завершением полёта, подарил цветы и подарки от Союза писателей России и рассказал собравшимся в зале, что в своё время писатели дружили со Звёздным городком и в этом зале нередко звучали стихи, что эту традицию надо бы восстановить. В заключение я прочёл свои стихи, которые были хорошо встречены слушателями. Будем считать, что таким образом начало возвращению традиции поэтических встреч в Доме космонавта положено.

В завершение торжественного собрания ответное слово взял экипаж МКС-55/56, чтобы поблагодарить всех причастных к их полёту.

Я рад, что в этот день Анатолий Сергеевич Труба познакомил меня с одним из руководителей Центра подготовки космонавтов, генерал-майором, два раза летавшим в космос, Героем России Валерием Григорьевичем Корзуном. Именно с ним мы обсудили воз-

можность дальнейшего сотрудничества Союза писателей России со Звёздным городком. Он настроен к такому сотрудничеству самым добрым образом.

Писателям надо побывать в Звёздном городке, проникнуться масштабом работы, которая в наши дни делается в космосе. Почувствовать и понять, что страна хотя и с трудом, но восстанавливает свои былые космические позиции. Да просто поговорить с героями-космонавтами. Ведь каждый полёт – это подвиг.

Геннадий ИВАНОВ

Родился в 1950 году в городе Бежецке Тверской области. Детство начиналось в деревне, в полях, в начальную школу ходил в бывший барский дом из имения Слепнёво, где когда-то жили и творили Николай Гумилёв и Анна Ахматова. Потом семья переехала в город Кандалакишу на Кольский полуостров – там жили в бараке на берегу Белого моря, там окончил школу, оттуда уходил в армию, в арктическое плавание, там работал в районной газете и начал писать стихи. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор десяти книг стихов. Написал три книги очерков о своей малой родине «Знаменитые и известные бежечане». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии Ф. И. Тютчева «Русский путь». Первый секретарь Союза писателей России. Живёт в Москве.

В ЧЕСТЬ НЕБЕСНЫХ ПОКРОВИТЕЛЕЙ ПОЭТОВ

Два года назад начался сбор средств на строительство в селе Градницы Бежецкого района Тверской области, рядом с музеем Ахматовой и Гумилёва, небольшого храма в честь небесных покровителей этих великих поэтов – Николая Чудотворца и Анны Кашинской... Прошло два года – и вот уже состоялось освящение этого нового храма. Получился даже целый храмовый комплекс.

В 1914 году прихожан Троицкой церкви села Градницы было 5039 человек из 35 окрестных деревень. Сейчас этих окрестных деревень, может быть, пять-шесть, в которых живёт человек триста... А дом, в котором жили Анна Ахматова и Николай Гумилёв, который стал музеем, в 1935 году был перевезён из помещицкой усадьбы в Слепнёве на центральную усадьбу колхоза в Градницы и стал школой.

Анна Ахматова написала в Слепнёве больше 70 стихотворений, многие из которых самые её известные. Например, такое:

* * *

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины жёлто-красной,
Слагаю я весёлые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.
Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озёрной лесопильни.
Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

Это из книги «Вечер», изданной в 1912 году.
Или вот другое очень известное стихотворение:

* * *

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля,
Но всё мне памятна до боли
Тверская скудная земля.
Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.
И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

Николай Гумилёв не очень любил эти
полевые, вроде бы скучные места. Его тянула

экзотика – Африка, Ближний Восток, Азия. Но и он кое-что написал в этих местах, стал именно здесь, как он сам признавался, понимать сокровенную Русь, Россию. Вот его очень тёплое стихотворение, списанное отчасти с Бежецка:

ГОРОДОК

Над широкою рекой,
Пояском-мостом перетянутой,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый.
Знаю, в этом городке –
Человечья жизнь настоящая,
Словно лодочка на реке,
К цели ведомой уходящая.
Полосатые столбы
У гауптвахты, где солдатики
Под пронзительный вой трубы
Маршируют, совсем лунатики.
На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие, –
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие.
В крепко-слаженных домах
Ждут хозяйки белые, скромные,
В самаркандских цветных платках,
А глаза всё такие тёмные.
Губернаторский дворец
Пышет светом в часы вечерние,
Предводителей жеребец –
Удивление всей губернии.
А весной идут, таясь,

На кладбище девушки с милыми,
Шепчут, ластясь: «Мой яхонт-князь!»
И целуются над могилами.
Крест над церковью взнесён,
Символ власти ясной, Отеческой,
И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой.

Надо сказать, что деньги на этот храм собирали, но набралось их мало. А помог, по сути, всё это построить замечательный русский человек – промышленник и меценат сибиряк Сергей Павлович Козубенко! Градницкий и бежецкий народ хором его благодарил. Сергей Павлович прибыл на освящение с родными из Сибири и Москвы.

Освящение храма провёл епископ Бежецкий и Весьегонский Филарет. Он также наградил С. П. Козубенко орденом Святого Симеона, первого епископа Тверского.

По окончании освящения состоялся литературно-музыкальный концерт, в котором принял участие один из инициаторов постройки храма, член Ассоциации тверских землячеств, первый секретарь правления Союза писателей России Геннадий Иванов. В своё время он учился в Градницкой школе. У него есть несколько стихотворений, посвящённых Дому поэтов. Вот одно из них, по-своему провидческое:

ГРАДНИЦЫ

Окна дома старинного матово
И таинственно светят во тьму.
В доме этом когда-то Ахматова
Тосковала лет сто уж тому...

Старый сад с деревьями высокими
И с большими грачами на них...
Там от сока – берёзы с подтёками,
Там витает ахматовский стих.

В том саду понемногу всё рушится,
Доживают свой век дерева...
Там всё рушится, травами глушится –
Там по пояс в июле трава.

Но однажды разруха там кончится,
Запустенье однажды уйдёт,
И стихи почитать там захочется,
И туда соберётся народ.

Нарисуют Пегаса крылатого,
Будет много возвышенных слов –
И там вспомнят не только Ахматову,
Но и вспомнят, что был Гумилёв...

Может быть, и музей там затеплится.
Прикоснётся к душе благодать.
Может быть, и лампада засветится –
И часовенка будет стоять!

От имени Ассоциации тверских землячеств за активное участие в строительстве храма святых Николая Чудотворца и Анны Кашинской в Градницах Геннадий Иванов наградил грамотами Ассоциации епископа Бежецкого и Весьегонского Филарета, протоиерея Ярослава (Шведова), директора бежецкого завода ЖБК Владимира Ивановича Бобошко, жительницу Градниц Тамару Яковлевну Чельшкову, бежецкого предпринимателя Анатолия Николаевича Степанова. **А**

Геннадий ИВАНОВ,
первый секретарь
Союза писателей России

НА ПУТИ К ИСТИНЕ

С XVIII века до революции священство было особым сословием, довольно закрытым. В советской и постсоветской России эта закрытость только усилилась. Сегодня всё изменилось. Наступило время диалога между духовенством и обществом. Служители церкви участвуют в телепередачах, выступают в СМИ, преподают в светских вузах. И поэтому важными для многих людей являются самые простые вопросы: что за люди – священники? И как правильно вести себя с ними? На эту тему рассуждает иерей Олег Ширишов, настоятель храма в честь великомученика Димитрия Солунского в селе Старое Хмелевое и мичуринского храма «Всех скорбящих Радость».

Иерей Олег Ширишов

О НАШЕМ ВРЕМЕНИ

? Отец Олег, какова, на Ваш взгляд, особенность эпохи, в которой мы живём, каковы главные проблемы человека сегодня?

– Прежде всего, это время, насыщенное событиями и потому необычайно интересное. При этом я не сбрасываю со счетов сложности в политике, в экономике, во взаимоотношениях между людьми. Мы – свидетели технических новшеств, которые кардинально меняют нашу бытовую жизнь. Хотя они нас не освобождают от проблем вечных: непонимания друг друга, стремления к богатству и славе, желания гла-

венствовать даже в мелочах. Эти проблемы – из разряда вечных, и независимо от их масштабности в основе их лежат наши людские пороки, слабости и нежелание побороть самого себя в такой внутренней духовной борьбе.

❓ Сельские храмы. Они отличаются от городских?

– Я восемь лет служу в Хмелевом, с момента освящения храма в честь великомученика Димитрия Солунского, и семь лет в Скорбященском храме. В Хмелевом число наших прихожан не столь велико – человек 50, в городе – более 200. Я бы не стал разделять так явно – городские и сельские храмы. В понимании Церкви они все равны. Другое дело, что сельские приходы сегодня немногочисленны, но одна из причин этого в том, что и население деревень сокращается. В Мичуринском районе официально зарегистрировано 13 приходов Русской православной церкви.

Говоря о храмах, нельзя не коснуться темы их сохранности и возрождения – большая часть церквей построены в позапрошлом веке. Хотя в последние годы в этом направлении сделано немало. Церковь в Хмелевом построена в 2007 году, рядом с тем местом, где был храм, разрушенный в годы советской власти. В Терском планируется начать строительство церкви.

О РАЗНОГЛАСИЯХ

❓ Оскорбление чувств верующих – тема, перешедшая из разряда духовных в плоскость юрисдикции. Не кажется ли Вам, что здесь видны явные перегибы?

– Я так не считаю. И если говорить о том, должны ли быть такие статьи, то полагаю, что должны. Если человек порой не понимает, где проходит та тонкая черта, которая разграничивает иронию и пошлость, то, возможно, в таком случае эту границу необходимо обозначить документально.

❓ Если бы речь шла только об этом, то я готов согласиться с Вами. Но, к сожалению, нередко ситуация заходит гораздо дальше. Например, в прошлом

году в Новосибирске в центре клерикального скандала оказалась авторская версия классической оперы Вагнера «Тангейзер», которую поставили в Новосибирском театре оперы и балета. Там городская прокуратура возбудила административное дело против режиссёра об «умышленном публичном осквернении религиозных символов». Поводом стало обращение главы местной митрополии, в котором он, в частности, заявил, что постановка «унижает чувства верующих людей, оскорбляет Православную церковь».

Пять лет назад в похожей ситуации оказалась постановка оперы Шостаковича «Балда» по мотивам сказки Пушкина «О попе и работнике его Балде» в другом театре оперы и балета – в Сыктывкаре. Спектакль, кстати, был подготовлен к 100-летию юбилею композитора и в итоге подвергся цензуре по требованию представителей местной епархии...

– Не готов комментировать то, что происходило где-то, всегда надо вникать в детали таких споров. Но уверен, что Церковь в своё время очень много дала всей мировой культуре. Конечно, немало в таких ситуациях зависит от образования тех, кто принимает подобные решения или инициирует сами ситуации.

❓ Насколько важно для священника образование? И необходимо ли сначала получить светское образование, а уже потом духовное?

– Хорошее образование, конечно, важно. Но пытаться выяснить, какое должно быть в приоритете, – лишняя дискуссия. Одно всегда дополняет другое. Тем более что у каждого в жизни свой путь. Кто-то приходит к вере в зрелом возрасте, имея за плечами солидный жизненный багаж. В том числе и багаж знаний. Наверняка он также играет свою роль в таком выборе. Если говорить обо мне, то я, до того как окончил Тамбовскую духовную семинарию, получил диплом экономиста Мичуринского сельскохозяйственного института. Но работать

по специальности не пришлось: были 90-е годы прошлого века, и тогда многие круто поменяли свои профессии...

ЗАБОТА О БЛИЖНИХ

? Говоря о служении Всевышнему, нельзя отойти и от дел земных. Есть ли в городе и районе примеры такой помощи со стороны Церкви, например, в больницах или домах престарелых?

– Конечно. В епархии существует отдел социального служения, который курирует именно это направление. Я являюсь помощником председателя отдела по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными органами протоиерея Игоря Орлова. В феврале 2016 года Его Преосвященство владыка Гермоген освятил молельную комнату в СИЗО № 3 города Мичуринска, где каждый месяц совершаются молебны, в ближайшем будущем комната будет переоборудована для служения Божественной литургии. Также я посещаю спецприёмник Мичуринского района в Заворонежском.

При храме Святителя Николая Чудотворца (Мичуринск, ул. Красная, 72) с 2015 года создано сестричество милосердия преподобномученицы Елисаветы – десять женщин оказывают помощь пациентам городской и районной больниц, роженицам в роддоме, помогают медицинским работникам. В мае сёстры милосердия прошли стажировку в Марфо-Мариинской обители Москвы, организованную синодальным отделом по благотворительности Московской патриархии. Список учреждений, окормляемых сестричеством, пополнился наркологическим отделением Мичуринской психиатрической больницы. В октябре этого года иерей Сергей Шуваев совершил в отделении первый молебен.

Кроме того, каждую среду в 16.00 в храме Святителя Николая Чудотворца совершается водосвятный молебен с чтением акафиста иконе Божией Матери «Неупиваемая чаша», помогающей в таких недугах, как алкоголизм и наркомания.

9 января 2018 года в Центральной районной больнице в Заворонежском состоялось

освящение часовни в честь святителя Луки (Войно-Ясенецкого). Чин освящения возглавил епископ Мичуринский и Моршанский Гермоген. А 11 января в детской больнице города Мичуринска открылась молельная комната. Это уже третья часовня, которая открывается при учреждениях здравоохранения города. Посвящена она памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

? Как вы относитесь к современной молодёжи?

– Нормально. По крайней мере, не вижу повода сокрушаться тому, как её представители себя ведут, если не говорить об отдельных вопиющих случаях. Идеалы и субкультура юного поколения всегда отличались и всегда будут отличаться от тех, которые были и есть у их родителей. Я не касаюсь крайностей. Но музыка, литературные и киногерои эпох не могут быть одинаковыми. Молодёжь активно ищет себя в жизни, и на этом пути не всё может выглядеть гладко. Да и потом, пусть каждый вспомнит себя в молодости, и часть вопросов, скорее всего, отпадёт.

? Ваше отношение к интернету и современным СМИ...

– У меня нет неприятия того, что даёт возможность выражать свои мысли и получать информацию. Если говорить об интернете, то там хватает всего: и хорошего, и плохого, и полезного, и вредного. Каждый ищет то, что ему кажется важным. Задача семьи, школы и Церкви – выделить и указать правильные нравственные и духовные ориентиры в этом хаосе. Это непросто. Это требует серьёзного совместного подхода.

О КУЛЬТУРЕ И МЕЦЕНАТСТВЕ

? В последние десятилетия в стране созданы десятки различных благотворительных фондов. Как строится эта работа с теми, кто помогает восстанавливать храмы: на постоянной основе или разовыми вливаниями?

– Это, скорее, зависит от тех, кто такую помощь оказывает. Кто-то может помочь и один раз в жизни, но при этом довольно ощутимо: построить храм или восстановить его. А кто-то, не имея таких финансовых возможностей, помогает постоянно, хотя и не столь мощно. Церковь никогда не разделяла помощь на большую и малую. Каждый жертвует в соответствии со своими возможностями и убеждениями.

❓ При этом Церковь понимает, что часть таких пожертвований может быть нажита нечестным трудом. И это, мягко говоря...

– Да. Но право на ошибку и на её исправление дано каждому. Церковь не судебная инстанция. И покаяние – осознание грешником своих грехов перед Богом – как правило, сопровождается радикальным пересмотром своих взглядов и системы ценностей. Это один из главных столпов веры.

❓ Деятельность епархии и руководства города, района имеет точки пересечения?

– Конечно. Прежде всего, это те самые вопросы социальной направленности. И создание сестричества, о котором я рассказывал выше, именно из этой области. Но не только. В этом списке и торжественные проводы молодёжи в армию. Уроки основ православной культуры в школах. Духовенство принимает активное участие в различных комиссиях, например, по борьбе с терроризмом, противодействию наркомании, работе с трудными подростками.

Этой осенью прошли VI Владимирские чтения «Молодёжь: свобода и ответственность». Главными организаторами чтений выступили Мичуринская епархия и Мичуринский государственный аграрный университет. Владимирские чтения охватывают различные направления, затрагивая систему взаимодействия церкви с государством, обществом, образованием, культурой, СМИ. В рамках VI Владимирских чтений плодотворно вели работу IV Юношеские и V Детские Владимирские образовательные чтения, которые год от года укрепляют свои традиции и наращивают количество участников.

❓ Бывает ли такое, когда люди невоцерковлённые при встрече не благословения просят, а протягивают вам руку, обращаются по имени-отчеству? Как Вы реагируете на это?

– Бывает и такое, к этому нужно относиться с пониманием. Не все имеют правильное представление о том, как это должно быть. Здесь важен сам диалог. Если собеседник потом придёт осознанно в церковь, то все эти канонические моменты общения встанут на свои места.

❓ Как выглядит Ваш обычный рабочий день?

– Если у меня в этот день служба в одном из храмов, то в 6.30 уже выхожу из дома. В город добираюсь на машине, в Хмелевом храм рядом с домом, поэтому удаётся экономить время. Утренняя служба начинается в 7.30 и длится часа полтора. Потом требы, в которых я участвую. Трапеза. Вечером – опять служба и потом покой. В престольные праздники, конечно, что-то меняется в этом распорядке.

❓ – У Вас есть отпуск?

– Работа священника регламентируется нормами КЗоТ. Есть и выходные, и отпуск. Но в действительности ни один светский документ не может предусмотреть все те ситуации, которые встречаются в служении Церкви. Я в отпуске так, как его представляет большинство, не был несколько лет. Да и желания отдыхать от того, чем я занимаюсь, нет. Это не та профессия, которая предполагает работу с восьмью до пяти. А самое главное – она не позволяет думать об усталости. Может быть, и потому, что усталость – в какой-то степени показатель того, что ты не стоишь на месте, а движешься вперёд. А путь к Истине всегда сопряжён с самоотдачей и препятствиями...

Поздравляю всех читателей журнала, прихожан храма в честь великомученика Димитрия Солунского с праздником Светлого Христова Воскресения! И желаю мира, любви и помощи Божьей во всех делах и свершениях! **А**

Вадим ГРАНИТОВ

Фото из архива епархии

ВОЛЯ БОЖЬЯ ИЛИ ИНОЙ ПРОМЫСЕЛ ТОМУ ПРИЧИНОЙ, НО ЖИТЕЛИ ОДНИХ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ РУССКОЙ ЗЕМЛИ ОТКАЗЫВАЛИСЬ ОТ СВОИХ СВЯТЫНЬ И СНОСИЛИ ИХ, А ДРУГИЕ НЕ ЖАЛЕЛИ СВОЕЙ СВОБОДЫ И ЖИЗНИ И ЗАЩИЩАЛИ СВОИ ХРАМЫ, НЕ РАЗДУМЫВАЯ ШЛИ В ЛАГЕРЯ ЗА ПРАВОСЛАВНУЮ ВЕРУ. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕМ ЗА ЭТО ЯВЛЯЕТСЯ ТО, ЧТО ЖИВО СЕЛО И ЛЮДИ ПОМНЯТ ОБ ЭТОМ ПОДВИГЕ.

Документы, хранящиеся в Государственном архиве Тамбовской области, донесли до нашего времени переписку советского периода между Первомайским райисполкомом, Советом по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР и жителями с. Новоархангельского, которые яростно отстаивали возможность функционирования храма в селе.

Деревянное ветхое здание церкви, построенной в с. Новоархангельском в 1879 году и прекратившей функционировать в 1935 году «по решению собрания граждан», хотя и имело с внешней стороны вид церкви, однако по заключению комиссии от 8 июня 1950 года и 3 сентября 1955 года было признано непригодным к восстановлению как имеющее серьёзные дефекты и угрозы обвалов. Основываясь на мотивах непригодности технического состояния здания бывшей церкви, Первомайский райисполком своим решением от 27 сентября 1955

года обратился в облисполком с ходатайством о разрешении разобрать здание бывшей церкви на достройку классных комнат к 7-летней школе и постройку клуба и детских яслей для колхоза им. Ленина.

Из акта от 3 сентября 1955 года, составленного при осмотре здания церкви в с. Новоархангельском комиссией в составе представителя от Первомайского райисполкома, техника-строителя М. И. Гусева, председателя Новоархангельского сельсовета С. А. Яковлева, заместителя председателя колхоза им. Ленина Новоархангельского сельсовета И. Г. Завьяловой, депутатов Новоархангельского сельсовета З. А. Беляевой и М. И. Щенёвой: «Кирпичный цоколь под деревянным зданием на высоте от поверхности земли 0,60 метра от выветривания разрушается, а имеющаяся в данном цоколе часть годного кирпича разбирается посторонними гражданами, вследствие чего нижний

венцы по периметру здания местами не лежат на цоколе, а висят в воздухе, поэтому деревянный корпус колокольни сделал отклонение по вертикали на 35 см в сторону запада. Нижние венцы от 3 до 5 рядов по периметру здания совершенно пришли в негодность, обшивка фасада тёсом также приходит в негодность и разбирается посторонними гражданами. Железная кровля по всему зданию совершенно пришла в негодность на 75 процентов, совершенно не имеется, вследствие чего верхнее перекрытие и полы пришли в негодность, а также стены основного корпуса по вертикали имеют отклонение в разные стороны от 10 до 15 см».

Из заключения комиссии следует, что здание храма, в течение 28 лет находившееся без хозяйственного надзора, в настоящее время грозит внезапным разрушением. Во избежание «несчастных случаев, так как рядом с данным зданием находится здание семилетней школы, где дети во время перемен бегают около здания церкви», и вследствие проведённого исследования общего состояния здания храма комиссия решила: «Деревянное здание церкви немедленно разобрать, годный материал передать на нужды школы, на постройку помещения библиотеки, а негодный материал оприходовать как дрова». На основании указанного выше акта проверки решением исполнительного комитета Первомайского районного Совета депутатов трудящихся председателя Новоархангельского сельсовета тов. Яковлева обязали «из пригодного материала от разбора церкви построить колхозный клуб и сельскую библиотеку; негодный лесоматериал оприходовать на дрова».

Заключениями Первомайского райисполкома неоднократно подчёркивалось, что «после закрытия церкви незначительная группа верующих гр-н села Новоархангельского в 1950 году обращалась с ходатайством об открытии в селе этой церкви, но решением облисполкома от марта месяца 1951 года это ходатайство было отклонено по мотивам непригодности здания. В январе 1956 года группа верующих граждан в количестве 20 человек с. Новоархангельского повторно обратилась с ходатайством об открытии церкви».

Из справки исполнительного комитета Первомайского районного Совета депутатов трудящихся от 22 июня 1956 года № 875: «Первомайский райисполком в своём решении № 540 от 27 сентября 1955 года просил облисполком разрешить райисполкому разобрать аварийное деревянное здание Новоархангельской церкви, расположенной на территории колхоза им. Ленина. Из пригодного к строительству материала Новоархангельской церкви будет построено: пристройка 3-х классных комнат к Новоархангельской семилетней школе, расширен сельский клуб до 200 мест с размещением в нём сельской библиотеки и будут построены детские колхозные ясли на 40 коек за счёт колхоза».

Фото середины XX века

Следует подчеркнуть, что жители с. Новоархангельского вели непрекращающуюся «войну» за право возвращения храма верующим. На протяжении нескольких лет актив верующих села неоднократно обращался с просьбой об открытии храма в правительственные органы – Совет Министров РСФСР, Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров, а также в облисполком.

Из заключения уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Тамбовской области тов. Пузанкова от 21 сентября 1957 года с грифом «секретно» следует, что все ходатайства жителей села были отклонены по причине непригодности к восстановлению здания и на-

личия в Первомайском районе трёх действующих церквей, из которых ближайшая церковь в с. Староклёнском, расположенная в 7 километрах от с. Новоархангельского, удовлетворяла религиозные потребности верующих граждан.

Доподлинно известно, что после состоявшегося 3 сентября 1955 года технического осмотра здания бывшей церкви и освобождения этого помещения от зернохранилища колхоза в январе 1956 года группа верующих граждан из с. Новоархангельского в числе 20 человек во главе с гр. В. Г. Сухаревым в третий раз обратилась с ходатайством в облисполком, райисполком и патриархию об открытии в селе церкви. На ходатайство этой группы верующих граждан был дан отказ.

Интересен тот факт, что настойчивая инициатива по разбору церкви принадлежит именно Первомайскому райисполкому и председателю тов. Липатову, который неоднократно обращался в облисполком с просьбой ускорить рассмотрение принятого 27 сентября 1955 года решения исполкома райсовета о разборе здания бывшей церкви в с. Новоархангельском, которое, по его заверению, было бы единодушно поддержано населением. Учитывая такие настойчивые и неоднократные просьбы председателя райисполкома тов. Липатова, 8 апреля 1957 года исполком облсовета принял решение, которым разрешалось Первомайскому райисполкому разобрать здание бывшей церкви в с. Новоархангельском с целью использовать материал для строительства культурно-просветительных учреждений.

Не беря во внимание действительные настроения верующих граждан, 6 августа 1957 года райисполком командировал в с. Новоархангельское заведующего строительным отделом тов. Рослякова с бригадой специалистов для разбора здания бывшей церкви. Собравшаяся в это время возле церкви толпа верующих граждан не допустила бригаду к уничтожению храма. С этого дня люди организовали круглосуточное дежурство внутри здания, приносили в церковь сохранённые иконы из собственных домов, собирали деньги и привозили строительные материалы для ремонта храма.

Доподлинно известно, что для выяснения создавшегося положения 8 августа был осуществлён выезд в с. Новоархангельское председателя райисполкома тов. Липатова и начальника милиции тов. Самсонова, которые с участием председателя сельсовета тов. Яковлева хотели закрыть двери храма и опечатать их, но этого сделать им не удалось, так как вошедшие в здание церкви граждане в количестве 40 человек категорически отказались выйти, а собравшиеся возле церкви более 200 граждан потребовали разрешения на право восстановления и открытия в селе церкви. Несмотря на разъяснения председателя райисполкома тов. Липатова собравшимся гражданам, что здание церкви как аварийное восстановлению и открытию не подлежит, верующие продолжали производить работы по восстановлению фундамента здания церкви.

При въезде в с. Новоархангельское 22 августа председателем райисполкома тов. Липатовым и начальником милиции тов. Самсоновым в присутствии председателя сельсовета тов. Яковлева собравшимся возле сельсовета двум сотням граждан было сообщено: разборку здания церкви никто производить не будет; восстановительные работы по ремонту здания церкви как связанные с незаконным сбором денежных средств и незаконным приобретением стройматериалов прекратить до решения этого вопроса в правительственных органах; создать экспертную комиссию по техническому осмотру здания бывшей церкви и акт технической экспертизы направить облисполкому для рассмотрения в вышестоящих органах; расследовать и выявить всех лиц, допустивших самовольные действия, для привлечения их к ответственности по закону.

Экспертной комиссией в составе секретаря райисполкома тов. Трушкина, инженера-строителя Первомайского механического завода тов. Никанорова, заведующего стройотделом тов. Рослякова, председателя колхоза им. Ленина тов. Иванова и представителей от верующих Аксёнова, Кузнецова и Чермошенцевой был произведён подробный технический осмотр здания церкви. Однако несмотря на все разъяснения и неоднократные предупреждения

граждан с. Новоархангельского органами райисполкома, верующие продолжали проводить восстановительные ремонтные работы, устанавливали круглосуточное дежурство в церкви. По определению местной власти, эти действия носили характер «самочинных и незаконных».

«Посланная 14 сентября с. г. от райисполкома группа работников в составе 8 человек по прибытии в село Ново-Архангельское приняла необходимые меры к закрытию всех входов в здание церкви – забили окна, навесили двери и закрыли их на замок, но собравшаяся толпа народа снова сняла двери и открыла окна. Особенно упорное сопротивление и незаконные действия представителям органа милиции оказали граждане И. Д. Шевяков, 1924 г. рождения, колхозник, и А. Ф. Облезнев, 1926 г. рождения, рабочий механического завода, которые 31 октября с. г. были осуждены нарсудом Первомайского района. Шевяков на 2 года тюремного заключения и Облезнев на 3 года условно – ввиду его болезни».

Из документов Тамбовского областного архива известно, что 17, 18, 19 октября 1957 года облисполком совершал повторные выезды в Первомайский район, а райисполком вызывал граждан В. С. Аксёнова, В. Г. Сухарева, Е. И. Яковлеву, Е. В. Чермошенцеву и М. Ф. Пузикovu для объяснения ситуации по организации и ведению восстановительных работ храма. Задавались вопросы и о том, кем и откуда приобретался строительный материал и кто производил сбор денежных средств с населения на восстановление храма. Цитата из заключения уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Тамбовской области от 21 ноября 1957 года: «...у этих бывших социально-чуждых и фанатичных элементов по всем вопросам был один ответ, что все это делал народ, не желая назвать фамилии конкретных лиц. Только после привлечения к судебной ответственности граждан Шевякова и Облезнева и более строгого контроля со стороны следственных органов в первых числах ноября были прекращены восстановительные работы в здании бывшей церкви в селе Ново-Архангельском, хотя круглосуточные дежурства в ней были до последнего времени».

Уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви тов. Пузанковым было вынесено на рассмотрение облисполкома заключение об отклонении ходатайств верующих по вопросу восстановления и открытия храма в с. Новоархангельском. Храм тем не менее удалось уберечь от разбора на строительные материалы. Верующие жители села проявили поистине героическую стойкость в борьбе за возможность совершать богослужения в храме, построенном во имя Архистратига Божия Михаила. Несмотря на то, что разрешение на открытие церкви так и не было выдано, жители смогли уберечь святыню своего села от разрушения руками человека. К сожалению, ветхость деревянной постройки и отсутствие возможности у жителей села своевременно производить ремонтные работы, прежде всего из-за контроля и неодобрения данных действий со стороны властей, стали причиной естественного разрушения храма.

14 октября 2011 года состоялся сход граждан, на котором обсуждался вопрос о строительстве церкви Михаила Архангела в селе Новоархангельском.

Строительство церкви началось 7 июня 2012 года. В 2012 году была построена колокольня и освящены её купол и крест.

Почти все жители оказали посильную помощь в строительстве храма, и всего было собрано 900 тыс. рублей.

Значительный вклад в восстановление церкви внёс уроженец села В. И. Мысютин. Помощь оказали также Ю. В. Гусев, Ю. А. Стребков, В. В. Чермошенцева, И. В. Жабин, С. П. Полунин.

В настоящее время в селе построен новый кирпичный храм. Его архитектура схожа с архитектурой старого храма 1879 года постройки. Быть может, именно благодаря неиссякаемому желанию верующих с. Новоархангельского сохранить святыню строительство новой церкви было завершено в короткие сроки. Сегодня храм является главным украшением села. **А**

Анатолий ТРУБА,
член Союза писателей России

ХРАМ-УСЫПАЛЬНИЦА ВО ИМЯ СВЯТОГО ОЛЕГА БРЯНСКОГО

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

*120-летию со дня рождения
князя крови императорской
Олега Константиновича Романова
посвящается*

Моё обращение к исследованию истории строительства храма-усыпальницы во имя святого Олега Брянского в Осташёво обусловлено интересом к жизни алапаевских мучеников – князей императорской крови Константина и Игоря Константиновичей.

Именно они, и прежде всего Игорь, руководили строительными работами по возведению этого храма, в котором должны были обрести покой останки их брата, князя Олега Константиновича, смертельно раненного в бою под Владиславовом 27 января 1914 года и скон-

чавшегося от ран два дня спустя в госпитале в Вильно.

Его, согласно его желанию, которое он высказал ещё 12-летним мальчиком, похоронили в Осташёво, в подмосковном имении Константиновичей, где прошли его детство и юность.

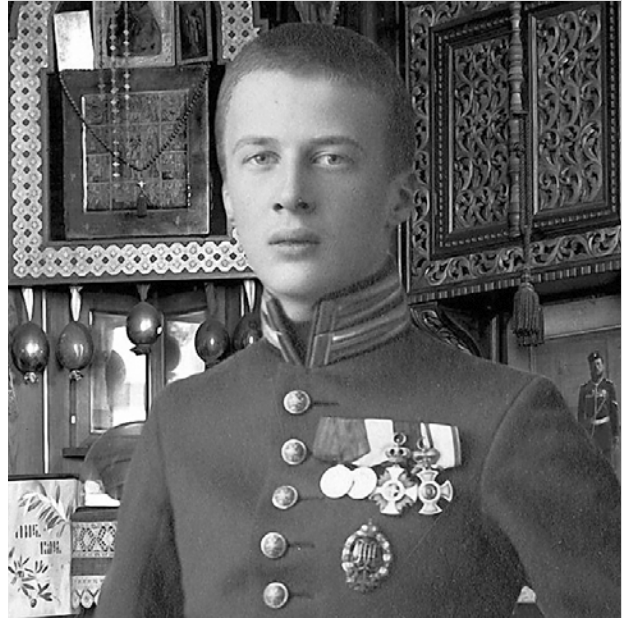
Осташёво расположено на левом берегу реки Рузы, ныне Рузского водохранилища. Его возникновение относят к самому концу XVIII века, когда князь А. В. Урусов, владевший расположенным на правом берегу Рузы имением

Петровское-Черёдово, решил перенести свою резиденцию на противоположный берег. И в 1790-х годах здесь был выстроен великолепный усадебный ансамбль, в разработке проекта строительства которого, возможно, принимал участие знаменитый архитектор Р. Р. Казаков. Во всяком случае, на эту мысль наводят и чёткий план усадьбы, и взаимодействие построек, основанное на гармоничном сочетании башен различной величины и формы, и, наконец, тот факт, что именно Казаков в эти же годы строил дом Урусова в Москве.

Великий князь Константин Константинович стал владельцем Осташёво в 1903 году. И, наверное, во время его первого приезда в имение, его, как и всех, кто приезжает сюда сегодня, встретила липовая аллея, ведущая в просторный парадный двор, ограниченный въездными башнями и флигелями по углам. В глубине двора некогда стоял двухэтажный дом с бельведером и четырёхколонным портиком на аркаде – в 1950-х годах его снесли, теперь там построено новое здание. К центральному двору примыкали два боковых двора с флигелями, которые ныне утрачены, как и весь комплекс хозяйственных построек, от которого сохранилось только здание конного двора. При усадьбе был большой парк – ныне его нижняя часть затоплена, восточная половина заросла и превратилась в лес, и только западная его часть, то есть именно та, где на холме возвышается церковь-усыпальница святого Олега Брянского, должно быть, по промыслу Божьему, дошла до нас почти в неизменном виде.

Судьба этой церкви удивительна. Она была заложена в самый тяжёлый для России год Первой мировой войны – 1915-й. Она так и не была достроена, не была освящена – этому помешала начавшаяся революция, вскоре обернувшаяся братоубийственной гражданской войной. И ей так и не суждено было стать родовой усыпальницей младшего поколения князей Константиновичей. Но зато ей было суждено пройти через безбожные советские десятилетия и стать одной из тех нитей, которые связывают Россию, в которой мы живем сегодня, с той Россией, которую мы потеряли.

Олег Константинович Романов

Её внешний облик строг: кубический четырёхстолпный одноглавый храм, у западного входа – крыльцо на кувшинообразных столбах, у юго-восточного угла – двухпролётная звонница. Многолопастные арки в верхней части стен срезаны четырёхскатной кровлей. Наружное декоративное убранство храма сдержанно – декоративные пояса с бегунцом, поребриком, впадинами, и лишь в карнизе барабана – аркатура.

Проект храма

Предельно скупо на украшения и оформление интерьера – стены оштукатурены и побелены, росписи отсутствуют, вдоль стен помещены саркофаги, над которыми в кладку были вмурованы надгробные доски, ныне утраченные.

И нет ничего, что могло бы смутить царящий здесь вечный покой скорби.

Решение о строительстве храма-усыпальницы над могилой князя Олега было принято в скорбные дни вскоре после его похорон – об этом свидетельствует запись в дневнике великого князя Константина Константиновича от 5 октября 1914 года, где говорится, что он и приехавшие на похороны с фронта князья Константиновичи, Иоанн, Гавриил, Константин и Игорь, решили «согласно желанию Олега выстроить над его могилой церквушку во имя преподобных князя Олега Брянского и Серафима Саровского».

Но смерть сына подорвала жизненные силы великого князя Константина Константиновича. 13 октября 1914 года императрица Мария Фёдоровна пишет великому князю Николаю Михайловичу: «Конечно, для него (князя Олега. – Прим. автора) была прекрасная смерть, но для несчастных родителей горе остаётся горем. Особенно бедный Костя (*великий князь Константин Константинович*. – Прим. автора) глубоко опечален. Ольга¹ говорит, что Олег был его любимый сын, самый близкий его сердцу, самый даровитый и такой добрый и прекрасный мальчик»².

В последних строках нет никакого преувеличения. «Светлым князем» называли Олега не только родные и близкие, но и все, кто его знал. Он был одарён многими талантами и не так уж мало успел сделать за свою короткую жизнь.

Единственный из братьев Константиновичей он унаследовал литературный талант своего отца, великого князя Константина Константиновича, который был известен в России и как поэт К. Р. Юношеские стихи и рассказы князя Олега свидетельствуют о его несомненном литературном таланте и поэтиче-

ском даре. В поэзии, в литературе он видел своё жизненное призвание, во всяком случае, именно об этом он пишет в дневнике: «Быть писателем – это моя самая большая мечта, и я уверен, убежден, что я никогда не потеряю желания писать». В 1914 году несколько его стихотворений и рассказ «Ковылин» были опубликованы в «Ниве» – одном из самых читаемых в России журналов.

Он первым из князей Романовых решил получить высшее образование – после окончания Полоцкого кадетского корпуса поступил в Александровский императорский лицей, который окончил с серебряной медалью, а за выпускное сочинение «Феофан Прокопович как юрист» получил Пушкинскую медаль, которой отмечались сочинения, имеющие не только научное значение, но и литературные достоинства.

С именем князя Олега Константиновича связано и первое факсимильное издание рукописей Пушкина – во многом благодаря ему в 1912 году был осуществлён их первый выпуск, который известный пушкинист П. Е. Щёголев оценил как «на редкость тщательно выполненное издание», которое «потребовало от издателя самого напряжённого и пристального внимания: с величайшей заботливостью он следил за неуклонной верностью воспроизведений подлинникам. Казалось бы, цинкографическое воспроизведение рукописей не требует особого присмотра в силу своего автоматизма, но князь Олег Константинович правил корректуры оттисков с клише и внёс немало поправок: оказалось, фотография не везде принимала точки и чёрточки пожелтевших от времени рукописей – и князь с изощрённым вниманием отмечал эти отступления»³.

После окончания лицея князь Олег собирався всерьёз заняться юриспруденцией, но прежде, как отпрыск княжеского рода, должен был исполнить свой воинский долг, чтобы, как запишет он в своём дневнике, «оправдать в глазах народа наше происхождение». Однако воинская служба продолжалась недолго – корнет Олег Романов тяжело заболел и был отправлен для излечения в Италию, где принял самое ак-

1 Великая княгиня Ольга Константиновна.

2 Боханов А. Н., Исмаил-Заде Д. И. Российский императорский дом. С. 178.

3 Цит. по Е. Семёнова. Князья Романовы на фронтах Великой войны.

тивное участие в строительстве русского храма во имя святителя Николая в Бари.

А потом началась война. И князь Олег, несмотря на болезнь, отправляется в действующую армию. 6 августа 1914-го он в составе лейб-гвардии Гусарского полка принимает участие в одном из самых тяжёлых сражений во время наступления русской армии в Восточной Пруссии – в сражении под Куашеном. А два месяца спустя получает смертельное ранение в бою под Владиславовом. О том, как это случилось, мы можем узнать из воспоминаний генерала Н. Н. Ермолинского: «Князь Олег, давно стремившийся в дело, стал проситься у эскадронного командира, графа Игнатьева, чтобы ему позволили с его взводом захватить зарвавшихся немцев. Эскадронный командир долго не соглашался его отпустить, но наконец уступил.

Все остальное произошло очень быстро. Преследуя отступающий неприятельский разъезд, князь Олег вынесся далеко вперед на своей кровной кобыле Диане... Вот они настигают отстреливающегося противника... Пятеро немцев валятся, прочие сдаются... Но в это время в князя Олега целится с земли раненый всадник... Выстрел. И князь Олег падает с лошади...

Первыми подскакали к раненому князю вольноопределяющийся граф Бобринский и унтер-офицеры Василевский и Потапов. Первые два принялись перевязывать рану, а Потапов был услан за фельдшером и с докладом эскадронному командиру.

На вопрос, не больно ли ему, князь Олег ответил отрицательно. Общими усилиями раненого перенесли в близкий хутор, где фельдшер Путь сделал ему первую настоящую перевязку.

Увидав прискакавших на хутор братьев, раненый обратился к князю Гавриилу Константиновичу со словами: «Перекрести меня!», что тотчас же было исполнено...»¹

Князя Олега отвезли в госпиталь в Вильно. В госпитале умирающий князь вёл себя мужественно, о чём написал навестивший его генерал-майор В. А. Адамович в письме к его отцу, великому князю Константину Константиновичу: «Его Высочество встретил меня как

бы “не тяжёлый” больной. Приветливо, даже весело, улыбнулся, протянул руку, жестом предложил сесть... Войдя, я поздравил князя с пролитием крови за Родину. Его Высочество перекрестился и сказал спокойно: “Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух. В войсках произведёт хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского Дома...” Его высочество был оживлён и сиял в счастливом для него сознании своих страданий. Мгновениями же были видны подавляемые им мучения»².

На следующий день он умрёт.

После гибели сына в дневнике великого князя Константина Константиновича редко встречается день без упоминания об Олеге, без тревоги о судьбе остальных сыновей. Уже 4 октября 1914 года он записывает: «Временами нападает на меня тоска, и я легко плачу. Ужас и трепет берут, когда подумаешь, что с четырьмя сыновьями, которым вскоре нужно вернуться в действующую армию, может случиться то же, что с Олегом. Вспоминается миф о Ниобе, которая должна была лишиться всех своих детей. Ужели и нам суждено это?»

Постоянными становятся его встречи с людьми, знавшими князя Олега, служившими с ним в полку, видевшими его в последние дни жизни. Великий князь старается как можно чаще лично присутствовать на заупокойных службах о сыне.

«Олега по моим указаниям, – записывает он в своём дневнике во время пребывания в Павловске, – поминали в Вильне «новопреставленным воином, благоверным князем», а здесь поминают «новопреставленным воином за веру, Царя и Отечество, на поле брани живот свой положившим, благоверным князем»³.

В память о сыне Константин Константинович учредил стипендию в Полоцком кадетском корпусе, где числился Олег⁴, а Елизавета Маврикиевна – специальную медаль для награждения лицеистов за лучшие сочинения по отечественной словесности.

2 Цит. по Е. Семёнова. Князья Романовы на фронтах Великой войны.

3 ГАРФ. Ф. 686. Оп. 1. Д. 3. Л. 142 об.

4 Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и циркуляров Главного Штаба за 1914 год. Пг. 1914. С. 47.

1 Цит. по Е. Семёнова. Князья Романовы на фронтах Великой войны.

Государь император Николай II после гибели Олега присвоил первой роте Полоцкого кадетского корпуса наименование «Рота Его Высочества князя Олега Константиновича».

Первоначально постройкой храма-усыпальницы святого Олега Брянского в Осташёво ведала контора великого князя Константина Константиновича, но уже на стадии проектирования к строительству его привлекается князь Игорь Константинович. Во всяком случае, именно ему уже 7 сентября архитектор Сергей Николаевич Смирнов, который был назначен непосредственно руководить строительством, направляет следующую телеграмму.

«От 7 октября 1914 года. Осташёво

Его Высочеству Князю Игорю Константиновичу

Будьте добры снять фотографию холма со стороны дома, отступив шагов 30–40 от холма.

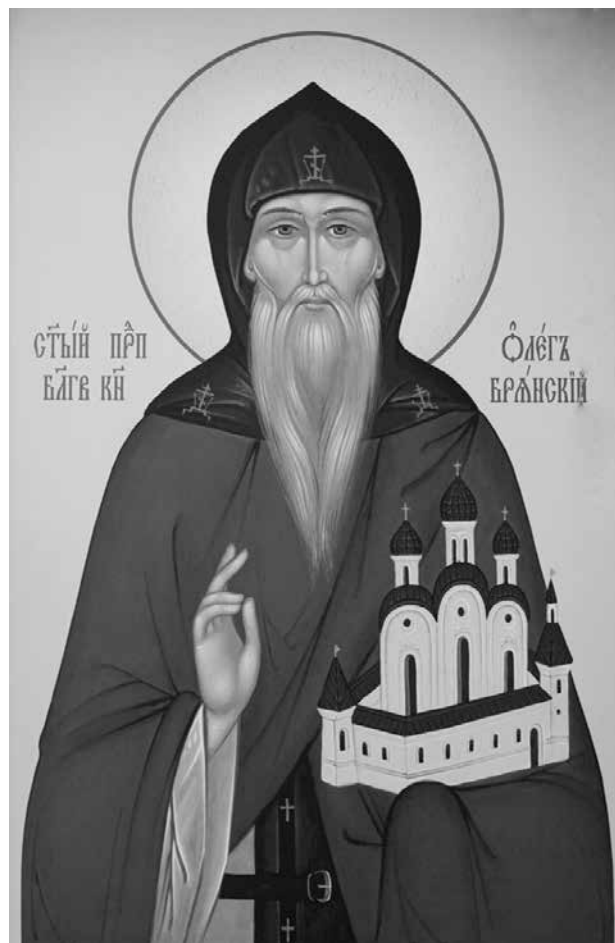
Крайне желательно для проектирования. Смирнов»¹.

Обращение Смирнова именно к князю Игорю не случайно.

Князь Игорь Константинович в свои 22 года уже имеет немалый опыт в решении вопросов как церковного строительства, так и управления храмовым хозяйством в целом.

Об этом, например, свидетельствует датированное 16 октября 1912 года повеление великого князя Константина Константиновича Павловскому городскому правлению о назначении князя Игоря Константиновича ктиторм церкви Святых апостолов Петра и Павла при Павловском дворце².

Князь Игорь Константинович был также членом комиссии по сооружению храма во имя святой Ольги на её родине в селе Выбуты близ Пскова. О его активном участии в этом строительстве мы можем узнать, например, из протокола заседания комиссии, проходившего в Мраморном дворце 19 февраля 1914 года, в котором, в частности, записано, что князь Игорь «горячо высказался за постройку храма из плит, указывал собранию на то, что все

Святой благоверный князь Олег Брянский

древние храмы Пскова построены из плит и затем снаружи затерты известкой»; поддержал предложение С. Н. Смирнова «научно разработать икону Святой Ольги в иконостасе, чтобы эта икона была особенно хорошо видна, с помещением на той же иконе вокруг самой Святой событий из Ея жития». Неудивительно, что именно князю Игорю Константиновичу комитет дал ответственное поручение передать августейшей вице-председательнице (её императорскому высочеству великой княгине Ольге Александровне) ходатайство комитета о представлении проекта храма августейшему президенту Академии художеств на заключение академии³.

Вот и сейчас, получив телеграмму от А. Н. Смирнова, князь Игорь поспешил выполнить его поручение. Фотография была снята. Но на этом дальнейшее участие князя Игоря в

1 РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 240.

2 РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 40.

3 РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 928. Л. 3–5 об.

работах над храмом в Осташёво было приостановлено, так как он вместе с братьями должен был вернуться на фронт.

А великий князь Константин Константинович, чувствуя, что силы покидают его, торопится продолжить работы по строительству. Сразу после отъезда сыновей на фронт началась работа над проектом храма. По желанию великого князя его автором стал академик архитектуры, гражданский инженер Марьян Марьянович Перетяткович, который давно и плодотворно сотрудничал с семьёй великих князей Константиновичей, в частности, по его проектам были построены храм-памятник Спас-на-Водах и храм во имя святой Ольги на её родине, в селе Выбуты близ Пскова. В разработке проекта храма принимал участие и другой известный архитектор С. М. Дешёвов.

Как видно из пояснительной записки к смете, проект храма был утверждён великим князем 31 января 1915 года. По проекту церковь должна была представлять из себя «кубический четырёхстолпный одноглавый храм крестово-купольного типа с пониженной апсидой... по образцу древних псковско-новгородских церквей»¹.

На основании утверждённого проекта храма, результатов бурения или отрывки грунта для определения заложения фундамента, а также сведений, полученных от князя Игоря Константиновича и Г. Э. Гернета, о количестве материалов, «которые можно иметь на месте, которые можно достать в окрестностях, которые надо привезти из Москвы и Рязанской губернии, о ценах на них с доставкой на место стройки, о количестве местных рабочих рук и перевозочных средств и ценах на них»² были составлены ведомость количества работ и материалов, а также смета строительства.

Для испытания кирпича князь Игорь Константинович обещал строителям в начале 1915 года «отвезти три штуки в Петроград и прислать их архитектору»³.

В Москве он встретился с князем Алексеем Александровичем Шихматовым⁴, и между

ними состоялась плодотворная беседа о разработке сюжета за престольного обряда.

Из письма С. Н. Смирнова к Н. Ф. Рооту от 21 января 1915 года мы узнаём о том, что князь Игорь после беседы с князем А. А. Ширинским-Шихматовым пригласил С. Н. Смирнова в первых числах февраля в Осташёво для утверждения проекта сметы. «Там вместе с Управляющим Их имением мы сдадим подряды на поставку материалов», – сообщает С. Н. Смирнов.

Вскоре после этой встречи князь Игорь снова уезжает на фронт: 27 февраля 1915 года великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Игорь уехал на войну. Сохранит ли его Господь?»

Между тем здоровье самого великого князя продолжало ухудшаться. Ещё 2 февраля 1915 года в Мраморном дворце в Павловске он записывает в своём дневнике: «Удушье и перебои сердца мучили меня ночью до 4 утра. К утру прошло. С тех пор я проводил дни, сидя на большом кресле в моей приёмной, и никуда не ходил...»

На первой неделе Великого Поста у него, как напишет позднее в своих мемуарах князь Гавриил Константинович, «снова начались удушья. Он очень плохо выглядел и еле стоял в церкви». Состояние здоровья великого князя не позволило ему поехать с сыновьями Гавриилом и Игорем в Осташёво «на могилу Олега по случаю полугодового дня его смерти, где была отслужена панихида».

Младшая дочь великого князя Вера Константиновна вспоминала: «Здоровье “папа”, как мы называли его дома, всё ухудшалось. У него обнаружили грудную жабу. Приступы становились всё сильнее и сильнее. Один из них был настолько силён, что казалось, наступил конец. Однако на этот раз наступило облегчение и даже такое, что было решено ехать на лето в наше любимое Осташёво, где был погребён брат Олег»⁵.

Совета и Императорской Археологической комиссии, создатель Общества возрождения художественной Руси (1915), председатель комитета для постройки Николо-Александровского храма в Санкт-Петербурге и комитета для постройки такого же храма-близнеца в итальянском городе Бари (1915 год).

⁵ Сборник памяти Великого Князя Константина Константиновича. К.Р. Париж. 1962. С. 58.

¹ Цит. по <http://volokblag.ru>

² РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 67.

³ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 67.

⁴ А.А. Ширинский-Шихматов – член Государственного

Но поездка так и не состоялась. Пасха 1915 года стала последней в жизни великого князя. Смертельно больному Константину Константиновичу не суждено было увидеть начало строительства храма-усыпальницы над могилой его сына. Вместе с князем Игорем он только смог ознакомиться с рабочими чертежами храма (как сказано в помете на рабочих чертежах храма, они были предоставлены «Его Высочеству 24 апреля 1915 года»).

К маю 1915 года на месте стройки была лишь «вырыта большая часть фундаментных рвов, но всё же оставалось нетронутым место под четыре пилон храма, а для звонницы выемка земли только что началась. Имелись уже необходимые временные строения»¹.

О смерти отца Игорь узнал в Мцхете, где двумя днями раньше участвовал в погребении мужа своей сестры Татьяны, князя Константина Багратион-Мухранского, убитого 19 мая под Львовом. Позднее Татьяна Константиновна вспоминала: «Через два дня после погребения в Мцхете Игорь получил телеграмму о кончине отца и сейчас же уехал по Военно-Грузинской дороге, и я с ним. В Петербурге его шофёр сказал, что накануне состоялось перевезение тела в собор Петропавловской крепости², и мы поехали прямо туда. Гроб стоял высоко, над несколькими ступенями, и почетный караул вокруг. Государь Император сделал замечание, почему духовенство не было в одинаковых облачениях. Старший брат Иоанн пригласил столько епископов, столько священников, всех, кого только знал, так что не хватило придворного облачения».

В этот же день, 6 июня 1915 года, в 9 часов утра в Осташёво был отслужен молебен отцом Иоанном Малининым и заложен первый камень в юго-восточном углу храма-усыпальницы. На молебне присутствовали помимо служащих в Осташёве и крестьяне, следовавшие затем на могилу покойного князя Олега Константиновича, где была отслужена панихида.

Спустя два дня после описываемых событий,

8 июня 1915 года, великий князь Константин Константинович был похоронен в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора.

Теперь все «расходы по постройке храма-усыпальницы за последовавшей кончиною Великого Князя Константина Константиновича уплачивались в равных частях из трёх сумм: Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны и Их Высочеств князей Константина и Игоря Константиновичей...»³

Спустя месяц после смерти великого князя «бетонный фундамент храма <...> был закончен и выровнен»⁴.

Ко дню торжества закладки храма, то есть к 5 июля 1915 года, в восточной стене храма «был заложен цоколь из булыжного камня средней крупности... чем преследовался примитивный вид его в связи с древним стилем, а также возведена кирпичом вся алтарная часть на высоту более ½ сажени. В середину полукружия вложен камень, предназначенный для закладки мощей.

К моменту прибытия крестного хода, к 12 часам дня, всё место стройки было украшено гирляндами из дубовых листьев, образовавших горку над местом престола <...>, а также пальмами и цветами. Исполненное со вкусом садовником П. Богдановым убранство очень гармонировало с идеей памятника.

Богослужение совершал епископ Модест Верецкий в присутствии Их Высочеств князей Игоря и Георгия Константиновичей, почётных гостей и многочисленной толпы крестьян и рабочих.

30 июля рабочие перешли к кладке самого храма <...>, точно по проекту.

Кровельные работы начались 31 октября.

Кладка звонницы была закончена 25 октября.

В западной стене храма, согласно указанию С. Н. Смирнова, для усиления света было пробито ещё одно окно.

Внутри храма вырыты котлованы для бе-

1 РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 131–138.

2 2 июня 1915 года Великий Князь Константин Константинович умер от приступа стенокардии в Павловске. 6 июня 1915 года после панихиды гроб с телом Константина Константиновича перевезли в Петроград.

3 РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 287. Л. 148–149.

4 РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 280. Л. 240. Из «Отчёта о ходе работы по постройке храма-усыпальницы в Бозе почившего Его Высочества Князя Олега Константиновича», составленного архитектором С.М. Дешёвым.

тонных ячеек десяти гробниц», – читаем мы в отчёте о строительстве.

Таким образом, из отчёта архитектора видно, что в основном строительство храма-усыпальницы было завершено в конце октября 1915 года, оно заняло 5 месяцев.

В это время князь Игорь Константинович «серьёзно заболел воспалением легких и его привезли с фронта в Петроград». В письме от 24 октября 1915 года государыня императрица Александра Фёдоровна сообщает супругу: «Игорь вернулся весь больной, воспаление легких и плеврит, сейчас он вне опасности – бедное дитя отдыхает в Мраморном дворце; какое у них слабое здоровье, и как мне жаль бедняжку Мавру». «Оправившись от болезни, – пишет в своих мемуарах князь Гавриил Константинович, – Игорь поехал к Государю доложить ему о решении врачей. Он не знал, что ему делать, раз он не может служить в строю. Ему очень хотелось, чтобы Государь назначил его флигель-адъютантом и чтобы он был отчислен в свиту. Он так повернул разговор (один только Игорь умел это делать), что Государь тут же назначил его флигель-адъютантом и отчислил в свиту, разрешив ему продолжать носить полковой мундир <...>. Игорь дежурил в Ставке при Государе. Государь очень хорошо относился к нему»¹.

Несмотря на плохое самочувствие и постоянные дежурства в Ставке (которая первоначально находилась в Барановичах, а затем была переведена в Могилёв), князь Игорь находил время для участия в делах строительства храма в Осташёво. 28 ноября 1915 года, находясь в Ставке, он получил письмо от С. Н. Смирнова. Зная о том, что князь будет с 4 по 6 декабря в Петрограде, инженер просил его о встрече, на которой хотел бы обсудить несколько вопросов о внутреннем убранстве храма.

В этом письме, в частности, С. Н. Смирнов писал князю Игорю: «Наше свидание: Роот, Перетяткович, Ходов и я, состоялось в среду у Маар. Маар-ча (*Марьяна Марьяновича*. – Прим. автора) на квартире. Ходов теперь занялся вычерчиванием разрезов в большом масштабе

и потом на днях явится сюда, чтобы получить все данные для иконостаса, его деталей, полок, киотов и т.д. <...> Роот показал на куске бумаги эскизы печей, как он их себе представляет, М. М. одобрил, и теперь тот уехал во Псков разрабатывать проекты в большом масштабе. У печки проектируется сидение на столбиках, отдельные изразцы будут все с изображением древнего русского орла или грифона (в шахматном порядке), в верхней части печи будет ниша для урны, а посередине венчать все будет древний герб Великого князя или Царя. Довольно неудачно я это изобразил здесь, но в общем Вам понятна должна быть идея. Сначала мы думали сделать печь подобно пестрым ярославским изразцам, но для усыпальницы это не годится, а потому мы пришли к выводу, что надо её сделать одного цвета и не яркою, а, например, коричневого или темно-зеленого. Теперь ожидаю рисунки. Во всяком случае рисунки, конечно, будут Вам представлены и к работе не приступят, пока Вы не одобрите. Образцы изделий школы Роот оставил у Альберта Бенда, и я могу их там всегда получить для представления Вам. Беседовали мы и о Святославове кресте, и о надгробии, но это ещё не вылилось в определенные формы, а скорее будет окончательно намечено, когда Ходов принесет большие расчеты. Затем расчеты пойдут во Псков Рооту, дабы там они смогли сами наметить апсиду в мозаике, а в связи с ней и прочую растительность. Мне думается, что привлечение этой школы с её опытными и идейными руководителями, с её традициями в духе русской старины, с её средствами и музейными предметами старины в Поганкиных палатах лучшим образом позволит нам с вами довести дело до конца, строго придерживаясь старины и дав возможность молодежи делом участвовать в этой идейной постройке. Не шутка при Ваших средствах оплатить первейших художников, обставить дело знаменитостями. По-моему, Вы этого вовсе не хотите.

Я пересматривал на днях разные снимки икон Лихачёва. Там большое разнообразие рисунков басмы. Оттуда можно будет выбрать кое-что для иконостаса.

Дешёвов сдал мне недели полторы тому назад чертежи и отчеты по усыпальнице. Он

¹ Великий Князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М., 2001. С. 277.

писал его уже здесь. В общем, отчет представлен подробно, но я бы хотел сначала его с Вами пересмотреть прежде, чем сдать в контору. В которую контору сдать этот отчет? Это своего рода будущие архивные документы по постройке Вашей родовой усыпальницы. Где они должны будут храниться? Здесь или в Осташёве? Дешёвову пришлось поэтому (ввиду представления отчёта) уплатить ещё за один месяц, это уже последний, его квитанцию я посылаю сегодня в Мраморный. Мне бы хотелось пересмотреть денежный отчет по Усыпальнице вместе с Герингом, и когда, Вы надеетесь, его можно было бы увидеть здесь?

Кармалин вновь прислал письмо Дешёвову, указывал на убыток около 200 р. По договору он все получил, так что Вы ему ничего не должны, но я верю, что работа обошлась ему дороже, чем он предполагал, так как дело затянулось из-за кирпича. Может быть, когда Вы будете здесь, позвольте с Вами возобновить разговоры об этой добавке Кармалину, может быть, хотя бы наполовину. Впрочем, на это, конечно, Ваша добрая воля. Здесь нет никакого обязательства. Кроме того, надо проверить, действительно ли только из-за затяжки в кирпиче он понес убытки. Лучше всего, конечно, переговорить здесь при встрече. Крепко жму Вашу руку.

Искренне Вам преданный, Ваш Смирнов».

Как видим, архитектор предупреждает князя Игоря в этом письме о том, что утверждение деталей иконостаса и рисунков печей будет невозможно без согласования с ним.

Неизвестно, состоялась ли эта встреча, но из письма Н. С. Смирнова видно, что работа по внутреннему устройству храма к концу 1915 года шла полным ходом.

Наступивший 1916 год принёс князю Игорю новые заботы и проблемы. 30 января 1916 года князь Игорь Константинович получил ещё одно письмо архитектора С. Н. Смирнова о ходе работ по строительству храма с просьбой разрешить различные технические, художественные и финансовые вопросы¹.

1 февраля 1916 года управляющий делами великой княгини Елизаветы Маврикиевны

князь Шаховской извещает управляющего делами князя Игоря Константиновича Д. Ф. Заякина о том, что он «определил расход, приходящийся на часть Великой Княгини, в шесть тысяч восемьсот пятьдесят шесть рублей семьдесят четыре копейки. Ныне за выплатою из сумм Великой Княгини 5484 рублей 13 копеек остается доплатить 1372 рубля 61 копейку, каковая сумма может быть теперь уже внесена в кассу Управления для упрощения расчета, на чем и оканчивается уплата из сумм Ея Императорского Высочества по постройке храма в Осташёво, о чем мною уже было сообщено, как Вам, так и С. Н. Смирнову, при личном свидании и разговорах на эту тему».

Таким образом, все расходы по строительству храма дальше пришлось нести уже одним только князьям Игорю и Константину.

Вскоре управляющий великого князя Константина Константиновича сообщил управляющему конторой князя Игоря Константиновича о том, «что вся переписка по строительству храма будет поступать в контору князя»². Таким образом, князь Игорь Константинович взял на себя всю ответственность за строительство.

Однако здоровье князя Игоря в этот период оставляло желать лучшего. Обратимся к письму государя Николая II супруге от 9 мая 1916 года, которое он отправил из Ставки. Однажды во время прогулки по реке он заметил, что «Игорь не может грести, даже после нескольких гребков у него начинается кашель и кровохарканье! По той же причине он не может быстро ходить – бедный юноша, а ему всего 22 года».

Правда, 20 сентября 1916 года управляющий конторой великой княгини сообщил управляющему конторой князя Игоря Константиновича барону Э. Ф. Менду следующее: «На отношение вверенного Вам Управления, от 13 сентября с. г. за № 544, имею честь уведомить Вас, что мною сделано распоряжение о взносе в Кассу Управления из сумм Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны, – 2 218 р. 09 к., составляющих 1/3 суммы, приходящейся на долю Ея Императорского Высочества, на уплату счетов Эрихсона

1 РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 1–14.

2 РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 7–7 об.

и Оловяншеникова по постройке храма-усыпальницы в Осташёве. За выплату означенной суммы – всего из сумм Великой Княгини уплачено на постройку храма-усыпальницы – 5 487 р. 13 к. При вступлении моем в должность Управляющего Двором Ея Императорского Высочества и принятии всех дел я был осведомлён, что стоимость всей постройки храма-усыпальницы, определенная раньше в 30 тысяч рублей, ввиду вздорожания рабочих рук и строительных материалов увеличилась до 40 000 рублей...»

Сохранился и ответ князя Игоря на это письмо:

«Петроград 1917 года, января 20-го

Многоуважаемый Владимир Александрович, благодарю вас за присылку копии с бумаги № 740 от 20 сентября 1916 года, которая мне была прислана Бар. Мендом в начале октября на Царскую Ставку и до сих пор хранится у меня в делах по постройке храма-усыпальницы. Вы пишете, что не были уведомлены о новых расходах по постройке храма.

Барон Менд мне доложил, что в конце прошлого года он в конторе двора показывал Вам новую смету и ознакомил Вас с отдельными предстоящими расходами и что на Ваше указание на письмо № 740 он Вас просил отменить повеление Великой Княгини о принятии на Себя 1/3 стоимости постройки повелением же для хранения оно в делах по постройке храма-усыпальницы. Из Вашего письма от 20 января с. г. я не усматриваю, каково окончательное решение Великой Княгини по этому делу, и, в случае нежелания Великой Княгини участвовать в постройке в будущем, прошу Вас сообщить мне, будет ли Великой Княгине угодно уплатить 1/3 счетов и заказов, произведенных до 1 января 1917 г.

Искренне уважающий Вас

Игорь».

В протоколе же осмотра постройки церкви от 28 сентября 1916 года мы читаем, что «Их Высочества Князь Константин Константинович и Игорь Константинович и Николай Николаевич Давов внесли следующие поправки:

1/ На восточной и северной стороне снять пласт земли у фундамента на пол-аршина, чтобы открыть кладку фундамента.

2/ На западной стороне уширить площадку (насыпь), выдвинуть откос на аршин 1 1/2».

3/ Перекрасить купол тоном светлее.

4/ Окно для подачи дров застеклить одним стеклом (рама без переплета), снаружи закрыть железною решеткой, откидывающейся книзу.

5/ Вывести по откосам от водосточных труб отводы из кирпича желобом.

6/ На рундуке навес над иконою сделать шириною не более 4 вершков.

7/ Наружные иконы на рундуке Спас Мокрая борода со склоненными херувимами, над столбами поставить майоликовые изразцы. На северной стороне звонницы вырубить по рисунку (силуэт трехглавого храма). Место для иконы святой великомученицы Натальи (память 26 августа). На восточной стороне звонницы икону Николая Можайского. На восточной стороне церкви Покров пресвятой Богородицы. Над входом в ризницу врубить медный литой крест. На северной стороне церкви – Георгий Победоносец на белом коне, поражающий дракона – с предстоящей Царицей Александрой.

Внутри храма 8/ Опустить уровень пола в алтаре и солеи на одну ступень, оставив ширину солеи по существующей первой ступени.

Амвон срезать по прямой, оставив ширину в 4 вершка, считая от прямой солеи.

9/ Сделать шириной в 2 вершка полувальную тягу с перехватами вокруг входной двери. Константин. Игорь. Н. Дивов»¹.

Последний документ о строительстве храма в 1916 году датирован 28 ноября. Это записка архитектора С. Н. Смирнова о работах, которые должны быть проведены для завершения строительства храма-усыпальницы в имении Осташёво в 1917–1918 годах. Записка была подана князю Игорю Константиновичу перед его поездкой в Осташёво с целью проверить работу центрального отопления, выяснить причины недостатка света в церкви, уточнить форму солеи, сделать общий осмотр работ, произведённых после последнего приезда С. Н. Смирнова в Осташёво в августе, выявить неоплаченные счета, уточнить стоимость летних работ 1916 года, оплаченных конторой имения и, наконец, выяснить списки

¹ РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 48. Л. 8–9.

программы и приблизительную стоимость работ, которые ещё надо произвести, чтобы приготовить церковь к освящению¹.

На записке – собственноручная резолюция князя Игоря Константиновича: «На обсуждении 19 января 1917 года в Мраморном Дворце мы, нижеподписавшиеся, решили:

1) исключить из намеченных заказов хорос (500 рублей), крест на престольный заменить более дешёвым, т. е. в 250 рублей (вместо 700 рублей), а полученную экономию в 950 рублей обратить на заказ басменных престола и жертвенника, т. е. назначив за них не свыше 1 450 рублей;

2) утварь (в 1 500 рублей) отложить на 1918 год.

Итак, мы предполагаем разрешить на 1917-й следующие заказы:

- престол и жертвенник – 1 450 рублей
- иконы добавочные в иконостас – 3 750 рублей
- 4 двери дубовые с железным окладом – 1 200 рублей
- клироса – 500 рублей
- киот на левый столб – 650 рублей
- киот на правый столб – 500 рублей
- витрина для окровавленной одежды – 300 рублей
- каменная гробница – 1 500 рублей
- свечная выручка – ящик – 100 рублей
- скамьи и мебель – 300 рублей
- счёт Осташёва за 1916 год – 7 500 рублей
- счёт Тюлина (за иконы иконостаса. – Прим. автора) от 19 декабря 1916 года – 1 360 рублей

Итого расходов на 1917 год – 19 110 рублей. Девятнадцать тысяч сто десять рублей. Игорь»².

Но осуществить намеченное князю Игорю Константиновичу не удалось. 23 февраля 1917 года в Петрограде начались беспорядки. 2 марта 1917 года император Николай II на железнодорожной станции Дно Псковской губернии подписал отречение от престола в пользу своего младшего брата, великого князя

Михаила Александровича, который на следующий день, 3 марта, также отрёкся.

8 марта 1917 года Николай II был арестован и отправлен в Царское Село к своей семье...

20 марта 1917 года контора князя Игоря Константиновича вынуждена была объявить архитектору С. Н. Смирнову, что «ввиду прекращения денежных отпусков князьям покорнейше прошу Вас временно остановить расходы по постройке храма в Осташёво...»³

В эти тревожные дни строитель храма князь Игорь Константинович написал духовное завещание, утверждённое 22 февраля государем Николаем II. Кроме распоряжений, относящихся к недвижимости, капиталу, учреждению пособий, было оговорено желание князя о месте его погребения. «В случае кончины моей в бою или от ран, полученных в сражениях, завещаю хоронить себя в склепе при Свято-Троицком лейб-гвардии Измайловского полка соборе, в случае же кончины моей от причин, не относящихся к военным действиям, завещаю хоронить себя в вотчине Осташёво Долгие Ляды тож».

В жизни всех членов династии Романовых, в том числе и братьев Константиновичей, вершились необратимые, трагические перемены, которые будущие алапаевские мученики могли принять душой и понять сердцем. В году, тяжкую для Родины, они строили храмы, участь которых оказалась так же трагична, как и судьба их строителей. Пуста сегодня могила князя Олега в склепе храма-усыпальницы во имя святого Олега Брянского, преподобного Серафима Саровского и святого Игоря Черниговского в Осташёво, пусты в ней саркофаги, в которых должны были обрести покой князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи. Не ведомо, где сегодня их останки, не ведомо, кто, когда и куда перенёс останки князя Олега. Пока всё это сокрыто от нас. Осташёвская, так любимая князем Олегом, земля хранит свою тайну. Схоронила и сохраняет её до лучших, более достойных времён.

А они наступят. Потому что хоть не служит сегодня церковь в Осташёве, но и не разоряется. И постепенно восстанавливается усердием местного духовенства.

1 РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 35.

2 РГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–4.

3 РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 286. Л. 35.

Храм-усыпальница, недостроенный и неосвященный, также стал объектом поругания – большевики устроили в нём склад. При небесном предстательстве алапаевских мучеников братьев Константиновичей, её строителей, он чудом уцелел, устоял в годы лихолетья.

«Сегодня, если заглянуть за решётки на окнах храма, можно увидеть глубокую могилу, на дне которой лежит бетонная плита. Храм не бесхозен. Он заперт на крепкий замок, зарешечен, внутри и вне – следы ремонтно-строительных работ», – эти строки написаны в 2008 году, и напрашивается вопрос: не слишком ли поздно начался ремонт и не слишком ли он затянулся? К 2008 году на месте гибели алапаевских мучеников, среди которых строители храма-усыпальницы в Осташёво, уже 7 лет стоял монастырский храм (он был освящён 18 июля 2001 года в память всех новомучеников российских), уже 4 года в этом храме покоились мощи святых преподобномучениц великой княгини Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары. Да, алапаевская земля увековечила память об убиенных представителях царской фамилии, несмотря на то, что гибель князей принесла ей проклятое бессмертие. Осташёвской земле благочестивые Константиновичи¹ подарили благословенное бессмертие.

И опять напрашивается параллель: останки алапаевских мучеников и прах князя Олега в Осташёво утеряны.

В июле 1919 года белая армия оставила Алапаевск. Вместе с ней на восток отправились гробы с останками убиенных князей. В сопровождении игумена Серафимо-Алексеевского монастыря Пермской епархии Серафима (Кузнецова) скорбный груз проследовал в товарном вагоне в Читу, а оттуда в Пекин, где находилась Русская духовная миссия в Китае. 16 апреля 1920 года тела алапаевских мучеников были захоронены в храме Святого Серафима Саровского в Пекине. Гробы с останками великой княгини Елизаветы Феодоровны и инокини Варвары были отправлены в Иерусалим, где 30 января 1921 года были погребены в крипте

православной церкви святой равноапостольной Марии Магдалины.

Первоначально о могилах князей Романовых в Пекине заботилась Русская духовная миссия. Однако после китайской революции её территория была передана СССР. В 1950 году при перепланировке церковь Серафима Саровского и другие старинные постройки пошли на слом, а останки князей, предположительно, были перенесены на православное Свято-Серафимовское кладбище XVIII века.

В конце 1980-х годов на его месте был разбит парк отдыха «Озеро молодёжи». В настоящее время место погребения князей неизвестно.

Как неизвестно и то, где сейчас покоится князь Олег Константинович. В советское время в поисках шпаги с золотым эфесом мародёры пытались разорить могилу князя Олега в Осташёво. Чтобы избежать дальнейших попыток мародёрства, местные власти перезахоронили останки князя Олега на противоположном берегу Рузы, на кладбище возле церкви Александра Невского. Однако место этого перезахоронения неизвестно. ■

Людмила ЮГОВА

¹ Так называлась семья ещё при жизни великого князя Константина Константиновича.

Вениамин ПОБЕЖИМОВ

МОЛИТВА

Не дай мне, Боже, глупо умереть –
Сойти на нет с отлаженного темпа.
Постичь судьбу, что постигает ветвь,
В костёр случайно брошенная кем-то.

Я по Твоим законам чётко жил.
Старался брать высокие октавы.
Детей родил, деревья посадил,
Домов построил целые кварталы.

И вот, уже седой, Тебя молю
Бесцеремонно, грубо – без мороки:
Хочу, чтобы продлили жизнь мою
Когда-то мной написанные строки...

Всё на Земле Тобой заведено:
Так должно быть – хотите, не хотите...
Подольше пусть Твоё веретено
Моей судьбы наматывает нити.

* * *

В развратном смоге долго не живут –
Там гнилью тянет, нет зловонней чада.
Но заставляет жизнь то там, то тут
Хоть изредка, а всё ж хлебнуть из ада.

И только после, после – не спеша,
Уже за тем, за бесовским порогом,
Откроется тебе, как хороша
Простая жизнь, подаренная Богом.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ ЖАДНОСТЬ

Сегодня нам не грустно.
Сомнений никаких.
Пускай накроют вкусно
Нам столик на двоих.

У нас сегодня дата
Рождения любви.
С восторгом, как когда-то,
Смотрю в глаза твои.

Я обликом лукавым,
Как в первый раз, смущён.
Нам этой жизни мало,
Нам хочется ещё.

Чтоб было, как вначале,
Дыханье молодым,
Чтоб нас всегда встречали
И дочери, и сын...

Я поднимаю чашу
В приливе новых сил.
Хочу, чтоб жадность нашу
Господь благословил.

ЗЕМЛЯ

Неба синяя шаль
На Земле повязана.
И озёра-глаза
Смело голубы.
Расстелились леса
Елями да вязами,
Малахитом горят
Юные сады.

Ах, Земля ты Земля,
Как создание Божье,
Кормишь нас и хранишь
Наши очаги.
Мы живём на тебе,
На тебя похожие,
И навеки уснём
На твоей груди.

КРАСНОБЕЛОПУЗЫМ

Не замолить построенными храмами
Всех ваших душ бесчестных черноты,
И со святыми не бывать вам равными:
Бог видит всё с небесной высоты.

И лбы крестя конечностями в золоте,
Не обольщайтесь слишком наперёд –
Молитва ваша в светлом Млечном холоде
К Создателю обманно не пройдёт!

СВЯТОЕ СЛОВО

О наша речь – первооснова:
Мы с нею в дом и за порог...
Впервые в жизни через слово
К ребёнку в душу входит Бог.

И нам потом уже не странно,
Когда с восторгом, в свой черёд,
Ребёнок пролопочет: «Ма-ма!»
И улыбнётся во весь рот...

Уже вкусив любви, обмана,
Влетев в последний поворот,
Конь жизни вынесет на лёд...
Седок наш тихо вскрикнет: «Ма-ма!..»
И под копыта упадёт.

ДОРОГА

У нас у всех одна дорога.
Её земная полоса
Ведёт от отчего порога
К порогу Бога – в небеса.

Она одна, в том нет сомнений,
Хоть плачь – не выберешь другой.
Идут по ней дурак и гений,
Идут иуда и герой.

В конце пути падёт завеса.
Там, за чертой небесных врат,
Нас разведут, под хохот беса,
Кого-то в рай, кого-то в ад.

РАЗНЫЕ МЫ

Начинаем с чистого листа –
Воин и предатель, вор и стоик.
Всех Господь расставит по местам –
Каждый будет знать, чего он стоит.
Разные мы.

Кто-то прям, кто лис.
Хмурые и радостные лица,
А услышав соловьиный свист,
Кто-то плюнет, кто-то прослезится...
После жизни средь забот и лир,
После передряг и заморочек,
Всей судьбы вспоминая почерк,
Кто-то породит «Войну и мир»,
Кто-то не создаст и пару строчек.

ДЛЯ РАВНОВЕСЬЯ

Лечу за правду каждый раз
Клинком из ножен.
Как человек велик подчас
И как ничтожен.

То он, вобрав героя стать,
Плюёт на страхи.
То мать свою готов предать
При виде плахи.

Чтоб достучаться до небес –
Сотрёт колени.
А после может бросить крест
В костёр сомнений.

Он часто делится добром
И верит в чудо,
Но с Моисеем рядом в нём
Живёт Иуда.

Мы все такие или нет?
Творцу виднее.
В одном сияет яркий свет,
В другом бледнее.

Разделит нас, придёт пора,
На две сторонки:
В одной – вершители добра,
В другой – подонки.

Кому потом подать ладонь?
Душа едина.
Она сегодня как огонь,
А завтра – льдина.

Где правды трепетный венок?
Он хрупче блюда...
Дрожит в руках моих клинок,
Не промахнуться б.

Но всё Творцом заведено.
Уверен здесь я:
С добром бывает рядом зло –
Для равновесья...

...Всё чаще мыслю я томлюсь,
Уже не скрою:
Выходит, что всю жизнь борюсь
Я сам с собою.

Олег СЕЛЕДЦОВ

Майкоп – Краснодар

Пасха в Москве

Купола над землёй, и ещё купола.
Вся Москва словно купол с единым крестом.
И безудержным звоном тревогу смела
Ширь пасхальная в радостном часе святом.

В ярком золоте радости взглядом окинь:
Слёзы Чистых прудов и бульвары Кольца,
Где, взмывая с трезвоном в небесную синь,
Раскалились, как колокол, наши сердца.

И уже не остыть и душой не уснуть,
Ведь средь тысяч прохожих, знакомых до слёз,
Суету обращая в единственный путь,
В ослепительно-белом шагает Христос.

Оптина пустынь

А в Оптиной звонили полунощницу,
И, поборов предутреннюю дрожь,
Покинешь скит и вековую рощицу,
К Казанскому собору подойдёшь.

И позабудешь в пении акафистном
Вчерашнее роптанье суеты,
Осколки гнева чёрного и зависти,
Монахом тихим сделаешься ты.

И где-то рядом, приглядишься внимательно, –
И духом светел, и душой красив,
Является из трудников и братии
Последний верный полк Святой Руси.

Веди же нас, избавив от лукавого,
Наш Полководец Святой жизни всей,
Под знаменем Твоим за дело правое
На сечу с тьмою собственных страстей.

И ты, отбросив думы беззаботные,
Поднимешь меч на бой с самим собой.
Жиздра, как жизнь, богата поворотами,
Но молча старцы стали за спиной.

Лавра

Звоны раскатные, радость пасхальная.
Чудо! Чудо! Чудо!
Люда российского море бескрайнее.
Кто? Зачем? Откуда?

В прошлом остались вёрсты, околицы,
Деньги, слава, небыть.
Только б служителю Святой Троицы
Боль свою поведать.

Церковь заветная, рака бесценная –
Блётнет даже золото.
Даждь исполнение мне сокровенного,
Сергий! Отче святой.

Князь или лапотник (в этом ли разница?) –
Всех он любит равно –
Церкви апостольской дивное празднество
Вечный игумен лавры.

Покаяние

Он плакал, стоя на коленях,
Ревел навзрыд, припав к земле,
О гордости своей и лени,
О непростении и зле.

И боль моя казалась пылью
При покаянных тех слезах,
Что под святой епитрахилью
Взывали к Богу о грехах.

Он плакал, стоя на коленях, –
А свечи плавилась, тихи.
И, как полуденные тени,
Смывались прежние грехи.

Здесь тайна явлена незримо:
Всесилен покаянья дух.
И шелест крыльев херувима
Под куполом раздался вдруг.

Дубеево

Да разве измеришь рассказами
Путь сердца к стезе неземной?
Идём по канавке, указанной
Её невесомой стопой.

Печали, обиды и горести
Слезам омыты в пути.
И мира властитель – дух гордости –
Сюда не посмеет войти.

И сердце проснулось и просится
В незримые мчатся края,
А сверху и справа доносится
Чуть слышное: «Радость моя».

Петербург

Город-пристань надежды и веры.
Там, где ночь, словно пена, седа,
Где трепещут часовни-галеры
И качаются храмы-суда.

На бизани туман закружится,
Купола развернутся к ветрам,
Православного царства столица
(По начальной задумке Петра)

Под напевы дождя-музыканта
Распускает кресты-паруса,
И паломники чутко по вантам
Прикоснутся душой к небесам.

И матросы у вечных штурвалов
Чёрной ризой прикроют бушлат
И прославят своих адмиралов,
Флотоводца Христа восхвалят.

И уверенней с каждой минутой
Сквозь туманно-дворцовую статую
Я на маленькой лодочке утлой
Этот город пытаюсь догнать.

Литургия

На покосившемся кресте грустит туман.
Нет никого, хоть здесь когда-то кто-то жил.
И тихий вечер посвящён в духовный сан.
Чин литургии в старой церкви отслужил.

С кадилом сумерек по храму бродит тень,
Молитв и судеб вороша водоворот.
И регент ветер, не грешивший в этот день,
На мёртвом клиросе ектинии поёт.

Случайный дождь на службу капельки привёл.
В сакральный час вдруг осветился «Храм
в пыли».

И во Святая, где когда-то был престол,
Христовы Тайны снова чашу обрели.

Свершилось. Чудо! Чудо! Ожил храм.
Благодарение пропел на хорах гром.
И, причастившись, где-то в прошлом,
где-то там
Забывший ангел плакал бережно псалом.

Храм Христа Спасителя

А он поднялся. А он воскрес.
Он жив! Соборное наше чудо.
Сияет золото в даль небес –
Маяк спасения всем и всюду.

А ведь казалось ещё вчера
В бесовском кружеве испарений,
Что нет безбожным конца пирам,
Что не поднимется Русь с коленей,

Что вера взорвана, что распят
Дух Православия в сердце нашем,
Что навсегда суетой затмят
Кресты рубины кремлёвских башен.

Но он поднялся и победил
И страх, и зависть, и удивленье.
Он нам надежду собой явил
На непременно воскресенье.

В ПАСХАЛЬНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

*Другу Борису Беликову
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Весенний апрельский день. Тёплый, безветренный. Будто сам Господь Иисус Христос послал с небес на землю такую благодать. Купола церкви купаются в первых ярких лучах солнца, отражая оцинкованной кровлей его блеск. Сегодня Светлое Христово Воскресение! Идёт пасхальное богослужение.

Перед воротами церкви хаотично припаркованы легковушки, подводы с привязанными к изгороди лошадьми. Люди идут и поодинач-

ке, и парами, и небольшими группами. Встречаясь, низко кланяются друг другу, некоторые целуются троекратно, радостно восклицают: «Христос воскрес!» и слышат в ответ не менее радостное: «Воистину воскрес!»

В ворота церковной витиеватой изгороди вошли два старичка – дед Николай и его двоюродный брат Алексей, моложе Николая на пять лет, приехавший в гости с женой. Дед Николай шёл медленно, опираясь левой рукой

на палочку. Миновав ворота, приостановились. Дед Николай повернулся лицом к храму, перекрестился.

– Путь земля будет ему пухом. Царство Небесное! Теперь есть где народу помолиться.

– Николай, ты бы рассказал про этого глухонемого, – попросил Алексей.

Он был небольшого роста, худощав, с впалыми щеками на морщинистом лице. Лишь голубые глаза придавали немного свежести. Хоть Алексей моложе Николая, но выглядел старше брата.

– Давай присядем вон на ту скамеечку у изгороди. Подождём, пока наши старушки из церкви выйдут, – предложил Николай.

Сели на недавно покрашенную скамейку. Николай поставил палочку возле больной ноги, жалуюсь:

– Болит, стерва. Время берёт своё, брат.

– Ничего не подделаешь, – вздохнул сочувственно Алексей, – стареем, – и напомнил просьбу: – Так поведай о глухонемом.

Брат откашлялся и начал рассказывать.

– Значит, так было дело. Не было у этого человека ни имени, ни фамилии. Откуда появился, никто в селе не знает по эту пору. Так как человек был глухонемой, народ дал ему прозвище Купырь. Это глухонемой и значит. А началось всё с того, что однажды летним вечером убогой с детства Агафье Иевлевой было странное видение. Будто идёт по улице человек прямо к её калитке. И излучает он яркий свет. Агафья испугалась, окаменела. Ноги отнялись. Она глядит на странного человека, хочет что-то сказать, а не может языком пошевелить. А он ей говорит:

– Не бойся. Или не признала? Я – Николай Угодник.

– О, Господи! Господи! – только и вымолвила Агафья.

А он перекрестил её и говорит:

– Прими от меня благую весть. Господь услышал твои молитвы. Скоро явится к тебе святой паломник. Прими его – чудотворца земного. Ты на земле прожила в бедности и хвори, а в раю ты будешь жить в радости и вечно...

– Проговорил так тот человек и исчез так же незаметно, как и появился, – рассказывал дальше Николай.

– А ты-то откуда это знаешь? – перебил брата Алексей.

– Сама рассказывала, Царство Небесное ей, – ответил Николай и повёл рассказ дальше: – И вот к самому Петрову дню с большой дороги пожаловал к нам в село человек. Высокого роста, крупного телосложения, с котомкой за плечами. И направился прямо к дому Агафьи. Был он седой, как мы, брат, с тобой сейчас. Брови и глаза чернее угля. Взгляд пронизывающий. Глянет на тебя, будто насквозь пронзает. Аж дрожь колючая по всему телу пробегает. И стал он жить у Агафьи. Но народ почему-то невзлюбил пришельца. Даже побаиваться его стал. Особенно взгляда. Посчитали того человека колдуном. Заинтересовался им участковый. Откуда, мол. А потом отступился: «Бог с ним. Пусть живёт».

Зимой Агафья занемогла. Глухонемой мечется по селу, ыкает что-то, губами шевелит и на пальцах что-то показывает каждому встречному. На дом Агафьи показывает. Видимо, хочет сказать людям что-то, а никто не понимает его. «Наверно, с Агафьей что-то случилось», – предполагали люди, а идти к ней с глухонемым не решались.

А глухонемой продолжал настойчиво «восклицать». И решился один только кузнец Терентийч войти с Купырём в дом Агафьи. А у крыльца её сразу собрался любопытный народ. Ждёт, когда кузнец выйдет. И выйдет ли. Вышел. Снял шапку с головы. Не сходя с крыльца, сообщил грустно:

– Умерла она.

Толпа заволновалась, закричала.

– Купырь виноват! Пусть убирается прочь колдун!

– Успокойтесь, люди! – крикнул кузнец. – По-моему, он тут ни при чём. Она умерла сама. По старости. – И сошёл с крыльца...

Хоронили Агафью в ненастный день. Снег валил валом, непрерывно. После похорон на поминки пошли не все. Боялись. И надеялись, что Купырь покинет дом покойной. Но проходили дни, недели, а он не уходил. Однако и на улице не показывался. Целый месяц...

– Забавная история, – произнёс Алексей, когда Николай сделал паузу, и спросил с интересом: – Что же, брат, потом было?

– А то. Всего одна история поменяла отношение к Купырю.

– Интересно, какая же? – загорелся любопытный брат.

– Сам суди, – ответил Николай и продолжил рассказывать: – Хоронили Агафью зимой. А вот пришла и весна. Ранняя. Тёплая. Быстро подошла земля. Начались полевые работы. Тогда-то и случилась история эта. Терентьич в кузнице грел какую-то болванку. Тяжеловатую. Стал из горна вынимать. Не удержал её, горячую, клещами, выронил. Упала она прямо на ногу кузнецу. А потом, от убога или ещё от чего, гангрена пошла. А врачи как у нас? Ампутировать! Терентьич духом пал. Как же без ноги жить в деревне? Не жизнь – труба!.. И как о беде кузнеца узнал Купырь, неизвестно. Появился он в доме кузнеца. Жена Любовь Ивановна как увидела Купыря, так оробела до смерти. А он прошёлся по горнице взад-вперёд, остановился возле неё и стал пытаться жёсткими губами, гримасами что-то сказать ей. Она не могла понять. Лишь плечами передёргивает да руки разводит. А он-то её понял. А как объяснить? Тогда он разорвал штанину и ногу голую показывает. Догадалась жена...

– Гипнозом обладал Купырь!

– Чем?

– Гип-но-зом, – по слогам повторил брат.

– А тут Терентьич сам на костылях из другой комнаты выходит к ним. Сел на табуретку. Купырь хоть сам глухой, но, оказывается, по губам мог прочесть, что ему говорят. И кузнец согласился на лечение. Купырь внимательно осмотрел больную ногу, пожестикнул и вышел. Как только вышел и дверь за собой закрыл, робость жены кузнеца стала спадать. Поглядела на больную ногу мужа и заохала в слезах:

– Ох, запустишь ногу, как бы хуже не стало.

– Лучшие сатане отдамся, чем ногу потерять, – решил Терентьич. – А медики, они что? Оттяпают её в момент, и будь здоров.

– Ой, боюсь, толк не выйдет, а только хуже будет.

– Если этот человек от Бога, то Господь не допустит беды.

– Рискуешь, отец!

– Молчи, баба! А как мне потом без ноги жить?!

Купырь явился на следующий день рано утром. Хозяйка уже бодрствовала. Он прошёл в горницу. Перекрестился на образа в красном углу. Любовь Ивановна позвала мужа. Он, как и вчера, сел на табуретку, поставил рядом костыли. Купырь опустился на колени перед иконами и стал молиться. Закончив, налил в тазик воды, поставил кипятить. В кипяток положил каких-то трав. Настой остудил до температуры, которую вытерпит рука. Поставил тазик с травами возле больного. Засучив штанину на больной ноге, снял с неё носок и опустил её в таз с приготовленным отваром. Нога была синя и опухшая. Купырь стал поливать её отваром, гладить вверх-вниз, что-то шептать. При этом пронзал взглядом ногу насквозь, словно рентгеновскими лучами. Кузнец почувствовал лёгкое жжение в ушибленном месте, но после каждого прикосновения Купыря боль стала уменьшаться. Он взял принесённую с собой бутылочку с жидкостью, вязкой, как клей, и нестерпимо вонючей. Намазал ею ногу и стал втирать...

Рассказ прервала подошедшая к братьям-старикам соседка.

– Христос воскрес! – произнесла она.

– Воистину воскрес! – ответили они вместе.

– А где же ваши половинки? – спросила соседка.

– Ещё в храме, – ответил дед Николай.

– Понятно, – сказала соседка и отошла.

– Что дальше с кузнецом? – заторопил заинтригованный брат.

– Не спеши, Алексей. Сейчас сварганю козью ножку...

Алексей терпеливо ждал. Закурив, брат Николай продолжил рассказ:

– Такое лечение длилось три утренних зари и три вечерних. И ожил человек! Опухоль начала спадать, боль – проходить. А кузнец стал помаленьку и ушибленной ногой наступать.

– Вот мистика! – воскликнул Алексей.

– А? Чё говоришь? – не понял или не расслышал дед Николай.

– Ми-сти-ка, – повторил по слогам брат.

– Вот тебе, Лексей, и мистика, – серьёзно проронил Николай, хотя не знал значения этого слова. И заговорил дальше о чуде: – С той поры Купырь стал целителем от Бога. Потекли к нему потоки людей с разными своими болячками. А однажды осенью пошёл я на рыбалку и очутился на мосту. Смотрю – машина, шикарная такая, промчалась через мост и вдруг остановилась. Из неё вышли двое ребят. Молодые, упитанные, одеты прилично, не по-деревенски. Поздоровались со мной культурно. Один из них спрашивает:

– Отец, это село Заревое?

– Оно самое, – ответил я.

– Глухонемой целитель тут живёт? – оживился другой.

– Есть такой. Лечит хорошо, – ответил я.

Он же просит:

– Папаша, не укажешь нам дорогу до него точно? Мы тебе заплатим хорошо, – пообещал и деньги зелёные показывает.

– За что заплатите? – спрашиваю его.

– За то, что дорогу к целителю покажешь, чтоб нам не путаться, не мотаться по селу попусту.

– Нет, – отказываюсь, – денег с вас не возьму, ребята.

– Да что ты, папаша? Пенсия твоя, небось, кот наплакал. А это доллары американские. Наверное, в жизни такие не видел. Что-нибудь хорошее на них купишь себе. Бери, не стесняйся. – И сунул «зелёные» мне в карман.

Дед Николай сделал паузу. Поглядел на дверь церкви. Их жён ещё не видать. И он повёл рассказ дальше:

– Сел я к ним в машину. А там, оказывается, ещё один человек. Барышня молодая. Но мне не до неё. Дорогу указываю. С шиком подкатали к дому Купыря...

– И что дальше? Что за люди в машине? – всё торопил брат.

– Оказались, как ноне говорят, новыми русскими. А барышня та – жена одного из них. Забеременеть никак не могла много лет.

Где только не лечилась, бедолага. По каким только курортам и заграницам не моталась – без толку. А Купырь вылечил! Будто чудо свершилось. Через год объявляются опять эти же люди у нас в селе. И уже не трое, а четверо. С новорождённым... Вот тебе, Лексей, и мистика. А Купыря энти самые новые русские завалили деньгами американскими. Да так, что он решил на них церковь эту вот строить и тут же при ней жильё для батюшки. А как построил Купырь церковь, так сам отец Сергей приехал с семьёй и освятил храм. Но, увы. Через год после этого умер Купырь. Народу понаехало хоронить – тьма!.. Добрый след на земле оставил после себя Купырь. Нашу церковь. Видно, сам Господь наградил его целительным даром. А скольких людей Купырь к жизни возвратил чуть ли не с того свету, об этом одному только Богу известно.

– А вон и наши старушки идут! – пальцем показал дед Алексей.

Вместе с жёнами братьев шёл высокий мужчина, косая сажень в плечах, худощавый. Дед Николай восторженно воскликнул:

– О! С ними Терентьич! Лёгко на помине. Про него тут речь, а он навстречу!

– Христос воскрес! – поклонился кузнец старикам-братьям.

– Воистину воскрес! – дружно ответили они.

– Что, уже отслужили старики пасхальную службу? – спросил у них Терентьич.

– Дык мы вперёд них ушли, – ответил дед Алексей.

– А дальше куда вы? Домой, что ли?

– Куда ж ещё нам? Самое время пасхой разговеться да куличами, – напомнил дед Николай.

– Тогда нам по пути. Подвезу вас. Забирайтесь в мою телегу. – Показал рукой: – Вон коняга моя рыжая стоит.

Старики потихоньку взобрались на телегу.

– Все сели? – спросил, оглянувшись, кузнец.

– Все, Терентьич, – хором ответили они.

– Но-о! Пошла, рыжая! – скомандовал хозяин, и телега тронулась с места, тихо поскрипывая...

Виктор ФОМЕНКОВ

БЫТ КРЕСТЬЯН СЕЛА МУТАСЬЕВО

МОРШАНСКОГО УЕЗДА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ОЧЕРК

Среди холмов, ложбин и оврагов, среди золотистых пшеничных полей и поросших чапыжником пригорков, в округе тенистого Карельского бора, благовонных сенных покосов, верстах в двух от реки Цны, Волжского водного бассейна, над сонной маловодной речкой Пичаевкой, по её пологому береговому склону, где вдоль берега идёт улица, называемая Гора, больше чем на версту вытянулось с тремя сотнями домов, крестьянскими усадьбами село Мутасьево. От большой улицы по обе её стороны вниз по угорам идут три порядка: Алексеевский, Лоскутовка и Кресты, а за рекой – порядок Заозёрный, через речку Пичаевку устроены два моста. Дома небольшие, добротные, тёплые, с печами и голландками, с хорошими вытяжными трубами. Крытые железом, черепицей, но чрезвычайно тесно построенные; беда, ежели вспыхнет пожар, да ещё если при ветре, не успеют очнуться, как всё село дотла сгорит. Но за последние двадцать лет Бог отвёл мутасьевцев от такой беды.

Строены дома в основном из кирпича местного производства, но есть и деревянные, рубленные из здорового парленского леса. На склоне спуска к речке тянутся амбары, за ними до уреза воды сады да огороды, так называемые передние. На самом высоком месте порядка Гора – большая церковь Воскресения, каменная, построенная в 1870 году на деньги сельчан. Новая железная крыша церкви выкрашена зелёной краской, колокольня высокая, с двумя медными колоколами. Наличники, карнизы, сандрики, выкрашенные белой краской, два входа в церковь устроены с навесами, опирающимися на кувшинные столбы из кирпича, вокруг церкви площадка, а рядом с ней невдалеке сельское кладбище, как гово-

рили мутасьевцы, для упокоя сельщины-деревенщины. Рядом с церковью два добротных каменных дома, в одном расположилось мутасьевское волостное правление, в другом – торговый магазин купцов Гребенниковых. За кладбищем – ветряная мельница, своя, и ехать никуда не надо, смолют тебе и провеют, плати хочешь деньгами, хочешь мукой или в долг, дело хозяйское. Сторона мутасьевская, как говорили сельчане, исконно кондовая Русь, с той поры, как зачиналась на берегах реки Цны земля Русская, с того времени в селе чуждых насельников не было.

Село Мутасьево исстари на чистоте стоит – какова была при прадедах, такова сохранилась до начала XX века. Добрая сторона, хоть и смотрела на чужака сердито. Мутасьевцы – народ досужий, бойкий, смышлёный, ловкий; судя по людскому наречному говору, он стоит ближе к волжской разговорной речи, следовательно, родовые корни мутасьевцев идут с реки Волги.

Земля при селе Мутасьево добрая, родит хорошо, да ещё с навозом, благодать одна, не обижается житель села на землю, говоря: «Что Бог послал, тем и владеем». Но на три тысячи душ её маловато, выручала земля за рекой Цной, отданная в пользование мутасьевской земельной общине, и называли сельчане её «мутасьевским выгоном».

Село Мутасьево в начале XX века достигло своего пика развития, оно, как тяжело гружённая телега, медленно двигалось по годам истории без малого пятьсот лет, ещё до описания его путешественником В. В. Кропоткиным в 1623 году оно уже существовало. В 1328 году нижегородский князь Константин Васильевич разрешил «русским людям селиться по рекам Оке, Сура, Мокша, Цна и на мордовских

жилищах, где кто похочет». К середине XIV века земли Волжского бассейна оказались под властью Московского княжества, поэтому можно с уверенностью сказать, что основание села приходится на середину или конец XIV века. В духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV–XV веков область Московского княжества включала в себя практически все мордовские земли. Путями, дорогами были тогда реки, и доселе по рекам приметны следы старорусского расселения. По рекам Оке, Суре, Мокше, Цне и по их притокам жил народ другой, чем вдали от этих рек, – ростом выше, станом стройней, из себя красивый, силой могуч, умом богаче соседей, смешанной и обрусевшей мордвы, позабывшей свои корни родовые и принявшей православие. И у русских людей, и у мордвы предания о расселении русских по рекам одни и те же. Жители сёл, расположенных по берегам реки Цны, являются далёкими предками той обрусевшей мордвы. В шестидесятых годах я неоднократно слышал от жителей одну легенду об основании села: «И плыл русский князь Московский по рекам Оке, Суре, Мокше, Дне, встречаясь с мордовскими племенами, обрусевшими уже, и какое ему приглянулось место, указывая, что здесь, в этом месте основать город, в другом село, вот и выбрал князь место для села Мутасьево». Говорили тогда старики-мутасьевцы: «Слава тебе, Господи, что для нашего села место основания сам великий князь выбрал, ни вода дурная нас не заливают, земля благодатная, урожайная, и рыбы в реке много, рядом лес кондовый, Богом посаженный, с тёмными рощами, грибными делянами, орехом, ягодами».

Мутасьевцы, которые ещё помнили предреволюционное время, расцвет села, видя, как засыхает село, властью придавленное, разоряемое, так сердцем болели по былым временам, вспоминая и плача о них, как о потерянном рае: «Не нажить нам прошлых дней, – жалобились мутасьевцы, – не светить на нас солнышку по-старому».

Но то была далёкая старина, а с началом XX века новая жизнь началась в селе. Семьи у мутасьевцев немалые, но советные, любовные, всегда в них тишь до крыш, мир, да лад, да

Божья благодать. Сельчане – народ терпеливый, подолгу не спали, вставали ранёхонько, ложились потемну, иногда говаривая: «Много спать – добра не видать», и дело-то у них ладилось, спорилось. Не кидались мутасьевцы опрометью в омут новой жизни, не смотрели презрительно на старую дедовскую жизнь с легкомыслием дикаря, но и не отставали от технического прогресса, обдуманно брали всё новое, сверяли, как бы не повредить законным Божьим устоям, обычаям, идущим от прадедов, дедов. Правда, щеголяли модницы да парни села в обновках, но на то мода, воля Божья, зато лицо заморскими кремами да мазями не мазили, запрет был строгий, берегли естественную красоту. Была тогда в селе поговорка: «Страдай не страдай, а красоту оберегай, шей себе обновы новы, а лицо не трожь, не гневи Бога».

Всю седмицу-то народ в поле, кто сено косит, кто хлеб убирает, кто за хозяйством приглядывает, корову подоить надо, на стойло сходить, да огород пополоть, да мало ли какие дела дома. Иной раз мужик-то в летнюю страду поздно вечером заглянет в церковь, к образам приложится да свечи поставит, немного службу отстоит да домой скорее, щи хлебать, ужинать. Батюшка-то допоздна церковь не закрывал, знал, что крестьяне большим делом заняты, день-то год кормит. А наш мутасьевец, идя из церкви домой, думает: придёт зима, отдохнёт сполна. Да какое там, на базар надо ехать торговать, хлебушек определять, скотину сдавать-продавать, а барыш лежебок не любит. В селе убогих да чухах не было, и народ зря не глаголил, пустое не перебирал языком, нет для этого времени, делом занимался; куликать – пьянствовать – в горячее время грех большой, в праздник, конечно, мужик и выпьет лишний стакан медовухи или рюмку ерофеича, и будя, но чтобы в заводную идти – спаси, Господи! Жизнь в селе Мутасьево не пылала красотой, огневыми всплесками, была цельнее, своеобразнее и интереснее. Жил мутасьевец, конечно, небогато, хоть и в труде, но в достатке, исстари мужик в селе ходил в сапогах, а бабы – в котах или юфтовых полусапожках. Лаптей видом не видали, хоть и знали про них, плести их уже никто, особенно из молодёжи,

не мог, разве какой старичок, сто лет которому в обед, ещё помнящий плетение лаптей, иной раз и ковыряет их для себя, в них будут его в домовину обряжать, да нищей братии подать. В селе был такой обычай: летом в сапогах, зимой – в валенках, на тот свет отправляться – так в лапотках.

В селе Мутасьево у крестьян родовые прозвания велись, одни фамилии настоящие, другие звались по-уличному, вот и разберись, что к чему, путаница. Есть и свои родовые сказания, но ни в одной книге не писаны, передаются из поколения в поколение устно, да если есть фотографии, то их берегут и вешают в рамках на стену, украшая рушниками.

Край старорусский, кондовый, коренной, родовые сказания из истории идут, чай, им не менее четырёхсот лет, а дошли до наших дней, и слава тебе, Господи, что нынешние поколения мутасьевцев помнят своих предков.

Если чего земля недодала, за дело берётся сельчанин, плотники да столяры в селе отменные, леса вдоволь, вот и строгают мутасьевцы всю зиму, делает гребни, донца, веретёна, ушаты, ведра клепают, кадки и другой щепной товар или собираются артелью и рубит всю зиму лес в Парленском лесничестве.

За чистотой села, улиц, огородов, домов следило волостное правление, постоянно были обходы. Кто общественную чистоту ленился соблюдать – на это урядник есть, а с ним разговор короткий: огреет штрафом, вот и думай, полоть тебе огород или нет. Иной раз урядник села Иван Максимович скажет: «Пора бы тебе, Николай Иванович, домишко-то побелить, подкрасить». Урядник – власть, а её нужно уважать, лебеды да чертополоха по улицам отродясь не было.

Мутасьевцы возлюбили святую милость и не переставая её творили. Как говорил на проповеди батюшка Воскресенской церкви отец Александр: «И дай вам Господи многолетнего здоровья и души спасения, что вы не забываете ни сирых, ни убогих, ни святую церковь».

Сельчанин так воспитан, что угостить хорошего человека, подать нищему чем бог послал завсегда рад. Старинную дедовскую утварь берегли и по наследству передавали: братины, ендовы, стопы, кубки, столовую и чайную посуду, особенно трепетно относились к самоварам, бывало, не нарадуются своему добру, ведь не один год всё это наживалось, не одним поколением, и знал мутасьевец, что и когда куплено.

Ещё была одна страсть у жителей села – покупать старинные иконы, подсвечники,

лампады, книги, псалтыри; если кто из мутасьевцев приобретёт такую старинную икону, то всё село сходилось посмотреть и приложиться к ней. Жители села – набожные люди и никогда не скажут «купил икону», а скажут «выменял». Выменивая иконы или другую церковную утварь, обязательно что-то преподнесут в дар церкви Воскресения. Рассказывал мне сосед моей тёти Ларион Куличенков, что его отец подарил нашей сельской церкви икону Богородицы Московской, вымеченной им в храме Христа Спасителя в граде Москве в 1910 году. Мой дедушка Ф. Кондрашов преподнёс в дар церкви икону Серафима Саровского, вымеченную им при посещении Саровской пустыни в 1908 году, Лоскутовы передали в церковь села старинную лампадку с образом на ней храма Святой Магдалины и подсвечник о семи свечах с позолотой. Это те случаи передачи церкви утвари, икон, которые я тогда по рассказам сельчан записал, их, конечно, было больше. Часть икон и иконостас резной работы были отреставрированы, покрыты позолотой на средства, выделенные графом И. И. Воронцовым. Иконостас мутасьевской церкви Воскресения считался самым красивым во всей Тамбовской епархии, по рассказу моей тёти А. Ф. Кондрашовой. Кузнецы Шигаевы, участники Московской промышленной выставки, отковали из металла входные ажурные ворота для церкви.

Мутасьевский родовой корень не боялся прививок и не чуждался браков со стороны, стоял род крепко на двух опорах: на силе веры и соблюдении обычаев и традиций предков. Жители села никому не завидовали, ибо не считали себя обиженными судьбой или несчастными, и следовали своему правилу: не всем же в золоте ходить, в руках серебро носить, хоть и каждому русскому человеку такую судьбу мамы да няньки напевают, когда он в колыбели лежит. Сыт, одет, обут, и податные заплачены, чего же ещё надо? И слава Тебе, Господи, что всё так устроил. Мутасьевец привык, что без горячего спать не ложится, по воскресеньям да по будням щи хлебают мясные, дом у него добрый, тёплый, а главное, печь с лежанкой – первое дело от хворобы, о чёрных избах да соломённых крышах он только слышал, во всём

Моршанском уезде их уже не стало, правда, кое-где ещё по деревням да сёлам ещё есть, но живут-то в таких домах престарелые жители, слабые здоровьем, и не до крыши железной им, думают, как бы век свой дожить. Любят сельчане чистоту в доме, в крови у них сидело: иконы, фото предков, картины, в основном божественного письма, украшали вышитыми рушниками, на окнах цветы в горшках, занавески, в иных домах шторы висят московские от купца Кожина, а цветы полевые всё лето в вазах стоят, не переводясь, над входной дверью в дом обязательно у хозяина икона висит с пучком освящённой вербы. Полы во многих домах деревянные, печи – голландки, если они устроены в домах, хозяин старается их кафелем обложить, в рамках из красного дерева зеркала красуются, стулья тоже красного дерева, крытые малиновым трипом, крыша железная, крашена красным червяком. В красном углу, обычно в общей комнате, или, как её мутасьевцы называли, «моленной», устроен «иконостас» в три тябла (ряда), денег на иконы сельчане не жалели, до двенадцати образов в нём было ставлено, и все старого письма. Мутасьевца насчёт письма икон провести было трудно, знал доподлинно, где и когда писана была икона, стоящая ли она или какая-нибудь скороспелка, дурно писана. Зайдет, бывало, мутасьевец в иконную лавку в Моршанске иконы посмотреть да, может быть, и выменять, а хозяин нахваливает товар, желая сбыть, да за хорошую цену. «Нет, брат, ты меня не проведёшь, ничего у тебя стоящего нет», – думает мутасьевец. Повертит икону Богоматери в руках да молвит: «Где же, мил человек, видно, чтобы Богородица находилась в страданиях и тоске, нигде в писаниях об этом не сказано». А хозяин лавки говорит: «У греков-то завсегда так писали, а вера наша греческая, и писана икона на их манер». И ответит ему мутасьевец на этот сказ: «То дело греков, не нашего ума дело, а у нас, на Святой Руси, всё по-другому», перекрестится да уйдёт из лавки.

На воротах расшива с прибитым родовым крестом на ней, кресты все разные на воротах, касаемые только семьи, и ни у кого в селе не найдёшь одинаковых. Например, у моего де-

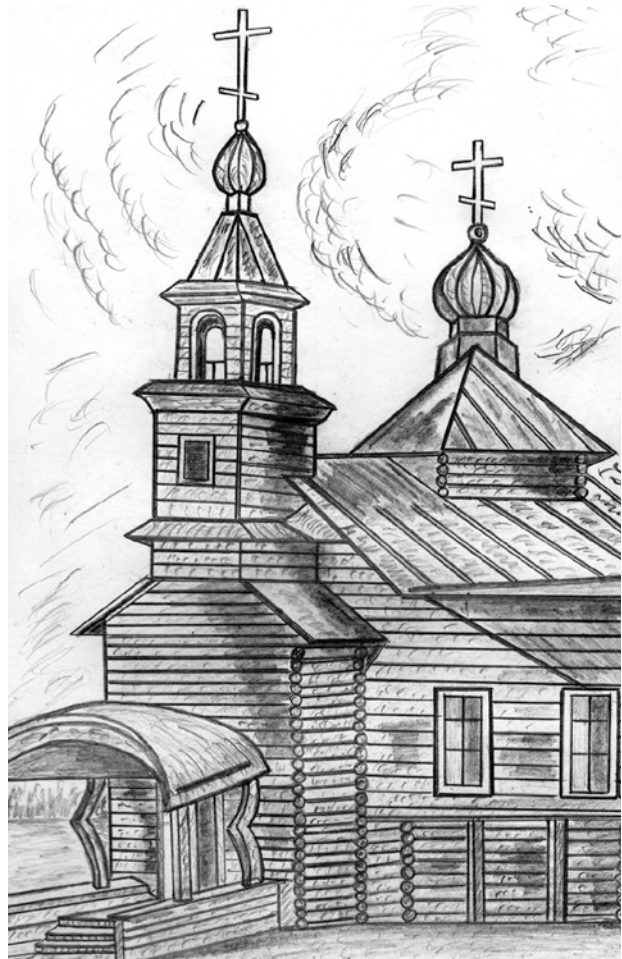

душки Ф. Т. Кондрашова крест был такой: сам крест, а наверху солнышко ясное; у соседей Куличенковых – сам крест литой, а наверху пшеничные колосья с лучами солнца; были кресты литые и кузнечной работы.

Плотницким ремеслом мутасьевцы владели в совершенстве, казалось бы, иди в отхожий промысел, руби, ставь дома, вяжи рамы, двери, но сельчанин в начале XX века на сторону не хаживал, считая это дело самым распоследним. Говорили мужики: «Честней под оконьем Христовым именем кормиться, чем на стороне плотничать». И правда, ценили сельчане родительский кров и не отрывались от него, как ни толкуй, своё родное дороже всего на свете и приятнее. Что может сравниться с домом родителей или даже тем местом, где ты увидел свет Божий и вырос там, каждая вещь, каждый уголок дома дорог сердцу, веселит твой взор и улаживает твою душу.

Мутасьевцы всегда старались соблюдать посты, но чересчур жёстких не было, деды говорили молодёжи, наставляя: «Пост-то заключён не в том, чтобы молока да яиц не есть – это дело телесное, при тяжёлой работе Господь разрешает есть скоромное, и нечего об этом заботиться. Душой надо поститься, сердцем, родителей почитать, Богу молиться и от мира не удаляться, трудом да заботами надо душу и сердце отдавать, о семье заботиться – вот истинный пост».

Мутасьевские девицы умели по канве шерстью, синелью да цветом вышивать. В городе Моршанске на базаре такое изделие ценилось на вес золота, вот и изобретались узоры один лучше другого. В селе Мутасьево говорили: «Хорошая рукодельная девица дороже червонного золота». Традиционная одежда мутасьевских девиц и женщин – это сарафаны, на голову повязывали платки: в тёплую погоду канаус из лёгкой ткани, в холодную – вязаный шерстяной, носили тёмно-красные юбки, из верхней одежды – зипунки и шумпаны. Молодые и средних лет мужчины надевали рубахи-косоворотки из ситца, лёгкие сапоги, на голову – кепи, в холодную погоду надевали зипуны, свитки, вязанные подшивные балахоны, в морозы, конечно, шубы, тулупы. Широко были

распространены пиджаки, брюки с ремнём. Модницы села носили приталенные кофточка, пальто, в холодное время, если семья побогаче, – шубки из меха. Нарядные обновки, имею в виду нижнюю одежду, в селе девицы шили себе сами, а женщины – на себя и детей, как таковой детской одежды практически в продаже не было. Увлечение ремеслом модистки пошло из-за того, что в Моршанске был открыт магазин швейных машинок, а также работало несколько магазинов по продаже тканей. Кроме того, в городе в свободной продаже были журналы мод, привозимые из Санкт-Петербурга и Москвы, такие журналы я видел у своей тётки А. Ф. Кондрашовой, год издания 1908-й. Иной раз мутасьевец, глядя на сельских модниц, скажет: «Наши девицы во всех нарядах хороши, пожалуй, лучше моршанских, видит Бог!» Девицы села были горделивого и кроткого нрава, благовоспитанные, почитали своих родителей, поэтому от женихов не было отбоя. Ещё одно занятие было у девиц, женщин села – плести

кружево относительно высокого художественного качества, правда, до брабантского (немецкого) не дотягивали, но спрос на такое кружево на базаре в Моршанске был большой. Посконные рубахи да штаны мутасьевцы не носили, считая унижением, но по хозяйству надевали, говоря: «В навозе возиться сгодится». Мякинный хлеб сельчане знать не знали, овины у них стояли по два года не обмолоченные, риги да половни для сушки хлеба и обмолота, почитай, у каждого хозяина двора были на задних огородах. Прошло то время, когда пустые щи и то не каждый день ели, отопком (стоптанный лапот) хлебали, богачами не стали, но хлебушка-то вдоволь пожевать было.

Алкужата, бывало, скажут про мутасьевца: «Ну зажил муташка – рвана рубашка на большу ногу». Вот вам и щи пустые, этот афоризм и прозвище и до наших дней дошли как напоминание о той зажиточной жизни. Обиды, конечно, тут никакой не было, ведь в начале XX века алкужата тоже жили сытой размеренной жизнью, пустые щи не хлебали. Но было у них с мутасьевцами негласное соревнование, кто лучше обустроит жизнь. Не меньше прозвищ придумывали мутасьевцы в отношении алкужат, но всё шло по большому раскладу. Выслушает реплику мутасевец да ответит алкужатам: «Что мы, безродные какие-нибудь люди? Не нищие и не хуже других живём, как можем, побираться не ходим, своим умом довольствуемся, постель у нас пуховая, не трава-мурава, одеяло шерстяное, не тёмная ночь над головой – крыша, не звёздное небо, не мёрзнем, живём, хлебушек жуём, и слава Тебе, Господи». А алкужата выслушают мутасьевца да скажут, извиняясь: «Ну, брат-сосед, и в обиду сразу, мы ведь шутим, прости нас Христа ради».

В церкви мутасьевцы крест клали по-писаному, согласно уставу церковному, Минеи почитывали, с кафизмами да псалтырями ладили. Бог не без милости, на него сельчане и уповали и не унывали. Деда говорили: «Мы к Нему с земной почестью, а Он, свет, к нам с небесной милостью, и не моги отчаиваться, не ропщи по-пустому, знай, что на каждого человека Бог по силе крест налагает».

Не любит мутасевец на мир ходить (на сход), а если и придёт, то пустых разговоров не ведёт. Зачнут, бывало, трын-траву разводить, так и скажет он миру: «Некогда мне, господа мир, лясы точить, пора домой, а то щи простынут, поболтать да поговорить всегда найдутся желающие». В разговорной речи мутасевец, кроме слова «чай», употреблял ещё часто слово «коленкор» – название хлопчатобумажной ткани, полюбились это слово сельчанам, бывало, в разговоре с алкужинцем скажут. Алкужинец: «Но это, друг мой, совсем другое дело». А мутасевец скажет: «Да это, брат, совершенно другой коленкор».

На мясоед наш мутасевец, бывало, курнёт малость денька два, попьёт ерофеича, да будя, дела зовут, на базар ехать надо за барышом – торговать, а барыш лежебок не любит. На базар в город Моршанск – торговать – ездили на небольших лёгких повозках, так называемых фурманках, ходовую часть повозки изготавливали кузнецы Шигаевы. Съезды на базар мужики да обыденкой назад в село. Какой барыш наторгуют, хранят в специальном кожаном мешочке, называемом киса, изготовленном из хорошей добротной кожи, с завязками или с застёжками, такие кисы-мешочки я видел в семидесятых годах во многих мутасевских домах. Какие залежные деньги у сельчан были, в банк в Моршанск не торопились нести, не видя в этом проку, да и банковских законов не знали, боялись обмана. Копеечка мутасевцам доставалась дорого, в трудах да заботах, вот и старались её на пустые дела не тратить, гамзили денюжку на чёрный день, то есть копили, откладывая в кису. Иной раз надо какую-либо вещь купить, для хозяйства необходимую, например железо на кровлю, вот сосед и скажет: «Чего ты, Иван Петрович, думаешь, гамзу-то развязывай, не скупись, не на пропой тратишь свой барыш, а на большое дело, кровля – дому голова».

У сельчан был особый обычай – пока печь не истопят да чаю не напьются, в поле не выходят. Самовар в селе – первое дело, к нему у мутасевцев особое почтение, и дня не могли без него прожить. Обычай был в селе такой, от дедов и прадедов шедший: парень женился, имея свой самовар, а если девица замуж выхо-

дит, да со своим самоваром, то в селе считали её в доме хозяйкой, главой семьи, муж у неё на втором месте, и никуда от этого не деться, обычай предков уважать надо. Поэтому парень расшибись, а к свадьбе самовар-то готовь, не позорься на всё село. В селе говорили «кушать чай», пить «пару чая». Имея даже небольшие средства (денежные), сельчанин всегда старался приобрести самовар и чайные приборы к нему лучше, чем у соседа, чтобы в селе создавалось впечатление зажиточности, хорошего хозяйства, благополучия в доме. В семидесятых годах я во многих домах сельчан видел самовары и чайные приборы, изготовленные в 1895–1910 годах, причём посуда и самовар были в хорошем состоянии. Поэтому у мутасьева было ещё одно прозвище – «чаёвник». Бывало, торговцы из Моршанска, соседних городов, сёл скажут: «Понаехали тут чаёвники-сомятники со своим товаром, цены собьют как пить дать», забыв при этом, что этого торговца из Крюкова, Ивеня и других сёл лет сорок назад где-нибудь на ярмарке в Н. Новгороде, Москве, Саратове называли бы моршанцем-сомятником, в ту пору у всех жителей Моршанского уезда было прозвище «сомятники». Смеясь, торговцы на ярмарках спросят у моршанцев: «Ну-ка расскажи, расскажи, моршанец, умна головушка, про то, как вы заодно с кадомцами-целовальниками сома в печи ловили». В то далёкое время, в начале XIX века, в реке Цне водились в большом количестве сомы, и моршанские купцы поставляли на ярмарки в вышеуказанные города копчёного и мороженого сома. Но в результате хищнического лова популяция сома сократилась в разы, поставка его на ярмарки прекратилась, и постепенно это прозвище стало забываться. Никто из жителей сёл, расположенных по берегам реки Цны, этим промыслом не занимался, только одни мутасьевцы продолжали его ловить и продавать на базаре в рыбных рядах г. Моршанска, поэтому за ними и сохранилось прозвище «сомятник», забыли, что было сорок лет назад.

Иногда мутасьева на базаре услышит от моршанца – «щёголя-философа» – неподобающую речь, оскорбляющую достоинство мира, веры, душа у него захохочётся от такой

речи: «Мир во лжи лежит, и всяк человек есть ложь». И не сдержит себя мутасьева и ответит горе-философу: «Забываешь ты древнее благочестие к Богу, ересями прельщаешься, приемлешь слова, противные Богу», перекрестится: «Спаси, Господи, от таких речей» и богоявленной водой окропит место и своё лицо. Святую крещенскую воду мутасьевцы называли богоявленной и запасали её впрок. Что бы селянин ни делал, какое бы дело ни затевал, обязательно окропит святой водой.

В осеннюю пору жители села активно собирали грибы, называя их волвянками, для себя на питание, а если грибной год, то и на продажу. Эльтонка – соль – в домах сельчан не переводилась, в городе Моршанске были специальные соленные магазины. Такой деликатес, как рахат-лукум – восточная сладость, завезённая в уезд моршанскими купцами, – был не редкость на столах сельчан. Сколотня – сбитое из сметаны масло, не топлёное, – была в избытке. На покос или жатву хлеба брали вместо воды пахтанье, лучшего питья в жару не придумаешь.

Любили мутасьевцы варить пресный саоматный кисель из любой муки, да сдабривали его фруктовыми отварами, да медком, да сахаром заправляли, такой кисель не грех подать на обеденный стол губернатору или его пресвятейшему Тамбовскому архиерею.

Яблоки сельчане мочили в рассоле поспы – это отвар отрубей, специально приготовленный для мочения яблок – антоновки, да ещё с травами, всё шло в дело, ничего не пропадало, на базаре бочонок таких яблок за полчаса расходился, а какая была антоновка! Ныне в селе такую вряд ли сыщешь. Тогда, в семидесятые годы, я был крайне удивлён рассказом соседа моей тётушки Лариона Куличенкова, что для всех антоновских садов в селе закупали саженцы, выращенные в садах писателя графа Л. Н. Толстого. Мутасьевцы посещали Ясную Поляну специально, чтобы весной или осенью привезти оттуда саженцы яблонь. Рецепт мочения яблок взят из имения Толстых Ясная Поляна.

На сенокос или уборку хлеба хозяйки готовили так называемые кислые щи – шипучий

бодрящий напиток вроде кваса из ржаной муки с добавлением трав, – к ним пекли шанежки (сырники) или пряглы – в современном понятии пшеничные оладьи. В другом случае готовили взваренец – компот из сушёных фруктов и плодов, запивая им те же оладьи.

Пасху мутасьевцы почитали за главный праздник, тут уж у хозяюшек суета вокруг печи, дел невпроворот: кулич испечь, освятить, сырок сготовить, блинов напечь, табалков пресных с творогом деткам, внукам да крестникам на разговенье отнести, в церкви на службе отстоять. Поэтому народ-то и говорил в благословенном селе поэтическим языком: «Жарь, пеки да вари, и пойдёт у нас пир на весь Божий мир – пост проводил, не жалея денег на брагу». Мужики обычно к Пасхе запасали водички, вина для разговления, говорили: «Под кулич не грех и стопку выпить, Господь не возбраняет». Бегают молодые ребята по селу и кличут: «Ноне разговины, разговины, подавай пирожки любимы». Готовили жители села обычно к празднику хмельной квас – бражный, называли они его квасёнком, пчелиный мёд разводили водой кипячёной, заправляли его хлебной закваской с хмелем да травку клали, доспевал он вовремя: запах свежей дыни, сладко, остро, и хмель шибает – одно удовольствие. Тело от такого напитка насыщается быстро, а душа у мутасьевца всегда в полёте, хныкать не моги. Мужики говорили про квасёнок: «Славный, малиновый, кипучий, самый лучший, с игрой, с иглой – бьёт в нос метёлкой, не пьян да ядрён, а стаканчиков пяток нальём да весело споем». К квасёнку сельчане коптили мясо – говядину – по дедовскому рецепту: кусок такого мяса выдерживали в рассоле с гадючим луком, полынью, донником и другими травами, смородиновый лист добавляли, коптили в дыму ореховых веток или дубового прелого листа, затем довяливали на солнце, и был такой окорок сочен, мягок и остёр на вкус, как варёная дичина, на базаре такой окорок с руками отрывали, вот мужики и пили квасёнок, заедая окороком, радуя свою душу.

Последнее воскресенье перед Вознесением в селе проходил ежегодный массовый молебен от засухи, градобоя, собирались у церкви

и шли с крестным ходом в поле напротив Карельского бора, что рядом с сельским кладбищем, освящались хлеба, читалась молитва, затем крестный ход шёл по дороге в сторону Алексеевского порядка, далее по порядку Гора возвращался к церкви Воскресения и, обойдя её три раза, расходился (по рассказу Лариона Куличенкова). И говорили мутасьевцы, молясь: «Поддай нам, Господи, прибыли хлебной в поле: ужином, в сусеке спором, на гумне умолотом, в квашне всходом, из колоска бы оснимку, а из зернышка единого каравай. И жить бы нам с Господом воедино да богатеть, добра наживать и лиха избывать». Начиная покос, мутасьевец обязательно прочтёт молитву и молвит: «Батюшка Пётр-Павел! Заткни в небе дыру, разгони тучи-облака, не лей дождём! Поддай нам миром, Господи, зелен покос убрать подобру-поздорову. Аминь!»

В первое время общинное владение землёй и частые её переделы доводили мутасьевцев до бедности. По виду есть земля, но она истощённая, есть навоз, но никто его не возит в поле, никто не хочет работать на чужого человека: удобри участок, а на следующий год он перейдёт к соседу. Какой резон горбиться? И вот мутасьевцы на миру решили закрепить земельные наделы за каждым членом общины, а кому будет мало земли, пусть берёт свободные за рекой Цной. Вольготно вздохнули крестьяне, за год весь навоз со дворов вывезли, хлеба – тучные поля, урожай хороший, кто-то, поднакопив деньжат, стал выкупать землю, говоря: «Прах её возьми, эту общину». Хлебушек каждый год в цене, киса полнёхонькая, вот и стал лянсин-чаёк попивать мутасьевец каждый день, промашки тут нет, да и скотина выручает, барыш даёт.

Выгон скота на пастьбу – ещё одна страница истории села: обычно это происходило на день Святого Георгия – 23 апреля, молебен был грандиозный, всё село отмечало этот день как праздник, освящали скотину, кропили святой водой, но мутасьевец ещё до выгона окроплял богоявленной водой свою животинку. Но были ещё и тайные заговоры на выгон скота. Рассказывали мне Лоскутовы: «У нас в селе на каждом порядке имелся представитель по тайному за-

говору, жители села приносили ему дары: хлеб, яйца, мёд, воск с шерстью домашнего скота, пироги, блины; они ходили на луг, в лес, к реке Цне, часть зарывали, а часть раскладывали на газете, клеёночке, тем самым задабривая лешего, прося у него здоровья скотине и чтобы он оберегал стадо от волков, кражи, болезней». В целом это был языческий обряд, но он существовал на селе, тесно переплетённый с православием, обычай предков – хочешь не хочешь, а соблюдай, таков порядок, не обижай предков.

Что же сеяли мутасьевцы на полях? Просо, ячмень, овёс, горох, картофель, коноплю, сахарную свёклу, табак. В 1882 году в городе Моршанске была открыта табачная фабрика, и жители села первые в уезде приступили к выращиванию табака. Про него мутасьевцы говорили, что табак не зелье проклятое, а такая же божья травка, как и другие.

Заведён был в селе обычай: первый сжатый сноп хлеба отдавали в церковь, и хлеб, выпеченный из этого снопа, назывался «ильинская новь» или «моленный каравай»: добавляли в выпечку богоявленную воду, хлеб получался пушистым, лёгким.

Не любили сельчане затягивать начатые дела, веря в пословицу «всякое дело красно концом», поэтому и урожай убирали вовремя, и торговать время находили, и благие дела успевали делать. Смотрели на свои дела сельчане пошире, чем в других сёлах, на счётах кое-что прикидывали, умели барыш рассчитать и прикинуть, как его устроить. Иной раз на базаре в Моршанске торговец из другого села скажет мутасьевцу: «Кубышка-то у тебя, муташка, давно полна, сидел бы дома, в своём Мутасьеве, с детьми да внуками, гамзу-то им твою в жизнь не прожить». А мутасьевец ответит на реплику уважаемого торговца: «В чужой карман неча глядеть, в свой почаше заглядывай». Не всегда, конечно, коту масленица, бывали случаи, что и торг шёл плохо или другие дела начатые не ладились, и тогда он вспоминал пословицу: «Без горя да без печали, что без греха, человеку не прожить вовек». И сразу на душе теплей и светлей становилось.

Жили мутасьевцы между собой ладно, никогда между ними серая кошка не пробегала,

не раз друг друга из беды выручали. По своей натуре и воспитанию житель села был, как говорили о нём в соседних сёлах, мужик вожеватый, то есть обходительный. Каждый год на зелен покос да зимой у мутасьевцев с алкужатами кулачные бои были, начиная с Крещения и до Христова воскресения, да ещё и Троицын день прихватывали. Но прежней вражды между сёлами не было, как мутасьевское и уездное правление разделили луг между сёлами и утвердили регламент кулачных боёв, сводя, по существу, к спортивным соревнованиям, обе стороны на миру у себя в сёлах раздел и регламент утвердили. И с той поры родниться стали меж собой да в добром ладу зажили, как подобает добрым соседям. Но в 1917 году революция словно одурь на селян нанесла, вспомнили старую вражду и заквасили новый передел луга на старых дрожжах, но это уже другая тема и моего рассказа не касается.

Примерно в 1887 году в сёлах Алкужи и Мутасьево появился новый обряд. По рассказу Лариона Куличенкова, на Троицу на алкужинско-мутасьевском лугу волостное правление, после службы в церкви конечно, устраивало выставку-продажу кулинарных изделий девиц и молодежи сёл – пирогов, пряников, тортов, кваса, печенья. Оценивала всё это комиссия правления во главе с батюшкой церкви. Замужние женщины в конкурсе не участвовали, для них конкурс устраивался на Успенье во дворе церкви при той же комиссии. Занявшие призовые места награждались грамотами «Первая кулинарная мастерица села» (три ступени), затем кулинарные произведения съедались пришедшим на конкурс народом. Выигравшая конкурс девица-молодица дарила своё кулинарное изделие приглянувшемуся парню, а это означало: засылай, парень, побыстрее сватов. Если парень отказывался от такого предложения, то век в нечести в селе ходить, тогда уж у молодежи женихов труд пруди, от сватов отбоя нет. Тут уж родители мошну-то развязывай да свадьбу гуляй.

Весенние гулянки у молодёжи в селе Мутасьево начинаются с качелей Святой недели и тянутся до Петрова дня. До солнечного восхода раздаются звонкие песни и топот удалых плясок на гульбищах, кроме обрядных дней,

запрещённых церковью. В ясный тихий вечер молодёжь, забыв усталость от дневной работы, резво бежит весёлой гурьбой на урочное место и до свету водит хороводы, громко припевая: «Селезень по речке сплавливал», или «Лебеди белые, соколы ясные», или «Вольная птичка журавушка». Водили обычно хороводы обрядные, песни пели старинные, от дедов да бабушек, и хранимые в памяти. То-то были забавы, веселье, милованью да затейным играм конца не было. Собирались обычно на лугу, у порядков Алексеевского и Горы, у речки Пичаевки. На Троицу у молодых девиц особенное гулянье, гадание на венках, затем в сумерках шли всем хороводом по дороге от Алексеевского порядка в сторону кладбища с берёзками в руках, били ими по земле, разгоняя блудливых русалок, водяниц, с этого дня можно было купаться в речке. А у старушек и женщин своя забота: освящёнными веточками берёзок украшали кресты, могилки родных.

Пришёл день Успения Богородицы – с одного края села летит в другой конец колокольный звон с колокольни Воскресенской церкви, собирая народ-сельщину-деревенщину на службу. С раннего утра и стар и мал надевают лучшую одежду и идут на службу, молитвой справлять праздник, сегодня день отдыха, нельзя работать – Богородица может на тебя обидеться, нешуточное дело – в следующем году урожай хлебов будет плохим. После службы в церкви вся семья садится обедать, приглашают на обед соседей и другую родню. Последний сжатый сноп, украшенный цветами, цветными ленточками, – в красном углу внизу под иконами. Хозяин окропляет стол, уставленный яствами, читает молитву, после установленных дедовскими преданиями приветствий и взаимных пожеланий усаживаются обедать. «Ну-ка, кум, перед чайком-то, – говорит хозяин дома, – хватим по рюмочке сорокатравочной, что от сорока недугов лечит». Перед чаем непременно надо выпить, «закрепить живот», и хозяин с кумом, чтобы не «хромать», выпивают да ещё наливают ерофеича без промедления, закусив окорочком. Тому, кто не пьёт крепкого, наливают ренского да квасёнка, на столе щи с мясом, яблоки мочёные, каша, рыба, кислое

молоко с толокном, зовётся оно в селе «деженем», пироги, блины из муки нового урожая. «Без деженя, – говорили мутасьевцы, – на Пречистую как на Пасху без кулича». К водочке-то мужики добавляли по кружке браги сычёной да квасёнком ядрёным, что ставлен на трёх солодах, всё запивали, затем за чай брались, по семь чашек выдували с липовым сотовым мёдом, да ещё заваривали лянсина, а водки более ни-ни, завтра пахать, сеять надо. А молодёжь после обеда – на луг, хороводы водить да песни успенские петь. Бывало, как запоем песню Настя Девятова, по-уличному Маковкина (видимо, от слова «мак»)... Ох и голосистая девка была: в цветочном сарафане, её чёрные волосы небрежно раскинуты по спине и плечам, убраны полевыми цветами, глаза ровно незабудки, что цветут по болотистой чарусе, длинные, пушистые ресницы, тонкие, чёрные как уголь брови, красавица первая на селе. Под сумрак наступающей ночи льётся её изумрудный голосок: «Закатилось красно солнышко за зелен виноград, целуемся, милуемся, кто кому рад». Ну уж и девка, кипиток! Бедова была Настя Маковкина.

Накануне Успенья сельчане заканчивают жать хлеб, управляют потеплу да посуху. Как не радоваться такой благодати?! Красивое было село Мутасьево, и название поэтическое, талантливые люди населяли его, с деловой стрункой. Конечно, село не знало «великого богатства», но было крепко обычаями и трудолюбием, и всегда у сельчан был хлеб насущный на столе. У русского простонародья нет летописных записей, ни повести временных лет, ни иных писанных памятей про то, как люди допрежь живали в селе. Но есть народная память, передаваемая из поколения в поколение правдивая молва о былой славе села, о его людях. Лишь через глубины веков нам становится яснее и понятнее то время, его истинность и ценность. Короткие записи, которые я вёл в 60–70-х годах, беседуя с жителями села Мутасьево о бытовой жизни, традиции, культуре и истории, легли в основу очерка, ибо уважение к предкам есть первая и главная основа всякой культуры. Всякое, и личное и общественное, деяние человека, проживающего в селе Му-

тасьево, требовало обязательного церковного благословения, будь то закладка дома, начало пахоты, уборки хлеба, сенокоса, выгона скота, отсюда и глубокая вера в Господа.

Войны, революции, гонение на церковь, уничтожение нравов, обычаев, сложившихся веками уставов, заведённых порядков подорвали живительные силы села, и они уходили, как пролитая вода, и уже не было такого задора, когда на праздничных гульбищах девицы и парни водили хороводы, пели песни под звонкий распев гармошки, вдыхая влажный воздух весны, напоённый незримым теплом. Он врвался в распахнутые двери домов, шевелил ветви деревьев, омывая своим живительным существом лица благословенных жителей села Мутасьево.

Р. С. Описанный мною обряд чаепития в селе Мутасьево, так называемая пара чаю, существовал, конечно, во многих регионах России, но мутасьевцы делали это на свой манер: перед едой читали молитву «Пред вкушением пищи», а перед вкушением чая – другую молитву, обязательно выпивали один-два глотка заварного чаю, а затем приступали к чаепитию. Если были гости, то они обязательно возводили хвалу хозяину. После чаепития читали молитву «После вкушения пищи» с благодарностью Богу, что всласть напились чаю. В чайной таверне, что была расположена в каменных палатах города Моршанска, висел портрет, можно сказать икона, знаменитого китайского святого, покровителя чая Лу Юй, который первый в истории написал трактат о чае и чаепитии. Моршанск – купеческий город, поэтому купцы и привезли портрет-икону, – молиться, конечно, никто из моршанцев ей не молился, а вот небольшие брошюры, как правильно надо пить чай да заваривать, покупали, почитывали. Такую брошюру с портретом Лу Юй, изданную в 1908 году московской типографией, я видел у моей тёти А. Ф. Кондрашовой в семидесятые годы. ■

Александр ЧУГАЕВ,
Тамбов

«В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Выставка Якова Яковлева

Всероссийский открытый фестиваль графики «УРАЛ-ГРАФО-III» – масштабный проект, призванный познакомить зрителей с образцами современного графического искусства, с творчеством признанных мастеров отечественной и зарубежной графики, в 2017–2018 годах представил произведения признанных мэтров и выявил новые имена, обозначил горизонты поисков для начинающих художников, а также приоткрыл для широких кругов неизвестные страницы творчества состоявшихся мастеров. Двадцать две групповые и персональные выставки сделали звучание фестиваля панорамным. Среди них – персональная выставка Якова Яковлева «В круге первом».

Яков Яковлев (отец Иннокентий) с 2011 по 2018 год осуществлял пастырское служение в чине епископа Нижнетагильского и Серовского. Он родился в 1947 году, был крещён в Москве в 1952 году, в 1975-м стал членом Союза художников РСФСР. «В круге первом» – это своего рода рассказ о жизни художника и тех, кто был дорог как человек и творец. Рассказ о времени, единомышленниках и о себе, своём творчестве, об искусстве 1970–1980-х годов. У каждого человека есть свой путь и свой круг – область общения, переживаний, сотворчества, взлётов и падений, поисков и найденных решений... Только с теми, кто близок душевно и духовно, можно обсудить сокровенное. Это тот круг, в котором ценится недосказанность, и довольно лишь встречаться, говорить, порой ни о чём... Но в результате такого общения возникает тот редкий момент душевного единения, который и рождает взаимный творческий импульс, особое состояние выработки общих ответов, хотя, казалось, каждый занят лишь собственным творческим процессом.

Время развития графического искусства 1970–1980-х годов ждёт своего описания – иного, пристрастного. Небольшая выставка произведений художника Якова Яковлева (епископа Иннокентия) и работ из его коллекции, как в капле воды, отражает историю развития графики тех лет. Печатные листы, выполненные в основном в различных офортных техниках, были подарены друзьями по искусству во время встреч, работы в группах на творческой даче «Челюскинская» или на выставках экспозиций. Так собрался круг – личная коллекция, повествующая о мире общения между художниками, об общих поисках и устремлениях, о личностях, о самом искусстве... Но, естественно, отправной точкой для каждого автора являются его собственные произведения, раскрывающие особенности творчества. «Круги» формируются вокруг этого личного ядра – всё остальное «примыкает» той или иной стороной, сопрягается темой, техникой, образом, методом, стилем и т. д. Данная выставка и данная коллекция – это память о минувшей

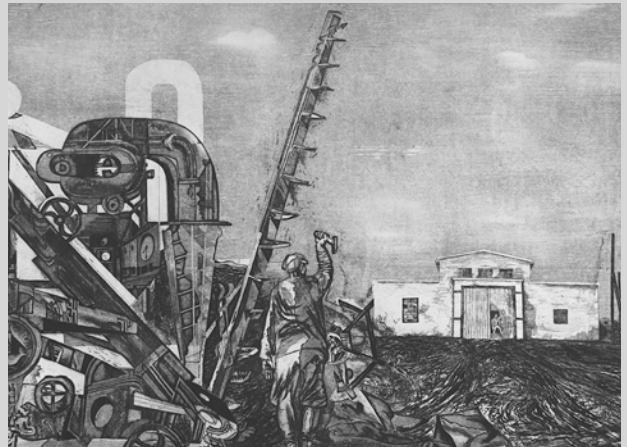

жизни, дружбе, о художниках, которые сегодня уже ушли, – многие слишком рано, как А. Бочкин, Г. Курочкина-Домашенко, Б. Французов, Л. Серков, С. Заровный, – других время размело, разъехались в разные города и страны.

По мнению самого художника и коллекционера епископа Нижнетагильского и Серовского Иннокентия (Я. Яковлева), «в 1970-е годы было столько искренности, столько открытости в отношениях между художниками, которые делали совершенно удивительные работы. Мы все выявляли свои творческие проблемы, представляли работы на разные выставки, а в результате решали вместе одни задачи, поставленные временем и искусством». Совместно, в общении художники вырабатывали единые идеи. Тематически работы точно соотносятся с требованиями времени – прежде всего, это изображение трудовых будней и сельских или промышленных пейзажей и напрямую соотнесённые с ними сюжетные сцены. Но пластически художники-семидесятники в рамках заданного формата решали сугубо творческие задачи, создавая новое для своего времени искусство, отличное от предыдущего периода. Пустынные промышленные пространства с нагромождением форм становились «площадкой» для сомнений и давали возможность привнести элементы иных стилей и течений (С. Юнтунен). Пустынны были и городские (А. Бочкин) и деревенские пейзажи (Б. Французов), в которых порой возникали одинокие фигурки (Я. Яковлев, А. Ганин). В других работах разворачивались целые сценки с забавными «рассказами» о делах и действиях (Б. Французов, Г. Курочкина-Домашенко, Я. Яковлев). И это соотносилось с душевностью, человечностью, которых искало общество, с эстетикой прозы популярных тогда писателей-деревенщиков, с ностальгическими поисками «настоящей Родины». Только переживание бытия, образы у писателей складывались в слова, а у художников – в штрихи и линии, в цвета. Художники-семидесятники продолжали и тему прославления подвига трудового, но это стало не самоцелью, а фоном, за ним пряталось наслаждение творчеством и пластической эквилибристикой – активно вводилась клеймовость, нагромождение планов, уплот-

Станция 45-й км. 1905. Из серии «Станции Кругобайкальской ж/д». 1976

Ремонт техники. 1977. Офорт

Берегите лес. Акв., м. лак

Вечер на охотничьей базе. Офорт

День субботний. М. лак

Деревня в Барабе. М. лак.

щение и упрощение пространств, герои порой обретали «скульптурность» форм. В противовес брутальным образам рабочих художники – и живописцы, и графики – стали создавать виды тихих художественных мастерских, где сила мысли и муки творчества (С. Заровный, В. Наулин) превосходили по энергии сильные и мужественные образы рабочих. Именно в это время промышленная тема стала лишь причиной для размышлений о жизни, истории, неизвестных личностях, и чем сильнее были эмоции, тем были энергичнее композиции – изображения «летели» в бешеном круговороте, текли непрерывным потоком на листе, повествуя об истории страны нашей, тогда ещё не открытой, не рассказанной (Я. Яковлев). И на всё это нужна была смелость, истинность внутренняя.

Одиннадцать крупноформатных листов в технике офорта художника России Якова Яковлева представляют в «сжатом» формате историю становления творчества одного художника. В эти два десятилетия – 1970–1980-е годы – автор искал свой почерк, темы, стремился к индивидуальности и одновременно к поискам общности. Композиции ранних работ многофигурны, динамичны, насыщены событиями, деталями, в них сохраняется жанровая повествовательность, сюжеты велеречивы, порой забавны и приглашают вместе посмеяться. Но сюжетная линия всегда точно и гармонично встраивается в просторы пейзажей. Во всём сквозит молодой задор. Новосибирский период успешен: окончивший в 1970 году архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института художник приглашён преподавать, он создаёт целые серии овеянных романтикой гравюр о земле сибирской, вступает в 1975 году в Союз художников, неоднократно ездит работать на творческую дачу «Челюскинская». Постепенно растёт мастерство, меняются темы, образы. Гравюры художника обретают утончённость, деликатность, словно затихают. В 1983 году Я. Яковлева приглашают во Владимир, где наступает не менее плодотворный период. Постепенно меняется сама концепция листа. Найденное, нащупанное ещё в сибирский период упрочивается: фигур становится всё меньше, начинают «разговаривать» само пространство

листа и тональные переходы, порой нежнейшие. Сюжет как таковой упрощается, а уплотнённое пространство ранних работ, напротив, начинает «дышать», разворачивается глубинными планами, становится бездонным. Активно явленный штрих становится буквально «исповедальным», тает в мастерском травлении, почти исчезает. Но вопрос о том, какой метод и техника лучше, не возникает: всё истинно передаёт своё время, свои технические особенности, точно соответствующие поставленным автором задачам, главная из которых – поиск свободы. Свободы самовыражения, высказывания, возможностей, безграничностей. Свободы, творимой им самим и всеми, с кем соприкасался на своём пути душой и мыслями.

С началом 1990-х многое изменилось, появились иные предпочтения. Но это совсем другая история. А в этой – в прошлом осталось прекрасное содружество художников, о многих из которых сегодня мало знают. Выставка – возможность напомнить о том, как творилась не просто История, но Пути для будущего. И это тоже «концентрические круги» творчества, расходящиеся от одного художника... **А**

Елена ИЛЬИНА,
искусствовед, заместитель
директора по науке НТМИИ

Ужин трактористов. Цв. оф.

Утро за околицей

Лето, июль, сенокос. Цв. оф.

«СТАРШАЯ СЕСТРА»

В МИЧУРИНСКОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

2019 год объявлен Годом театра. Акция эта – уникальная возможность привлечь внимание к театральному искусству, поддержать интересные проекты и инициативы, сохранить и популяризировать лучшие отечественные театральные традиции и достижения.

Первой яркой премьерой в рамках Года театра в Мичуринском драматическом театре (Тамбовская область) стала «Старшая сестра» по пьесе А. Володина (режиссёр – Николай Елесин).

Для большинства россиян эта история хорошо известна по советскому художественному фильму, снятому в середине 60-х годов прошлого столетия Георгием Натансоном. В киноленте снялись Татьяна Доронина, Михаил Жаров, Виталий Соломин, Леонид Куравлёв, Евгений Евстигнеев, Олег Басилашвили, Инна Чурикова и многие другие знаменитые артисты.

Эта пьеса Володина также часто ставилась в Советском Союзе и продолжает ставиться в России. Именно из этой истории многие наши соотечественники помнят вопрос Белинского: «Любите ли вы театр?» И, естественно, для театральной публики эта пьеса давным-давно уже стала классикой.

«Лишь ненормальный психически человек может утверждать своим творчеством, что жизнь ужасна. Только – помогать жить. Потому

что другой жизни – вместо этой, лучше этой – не будет», – когда-то оправдывался Александр Володин, которого советские идеологи обвиняли в дегероизации. Действительно, в его лирических пьесах изображены совершенно простые люди, не совершающие никаких героических поступков. Они живут своей обыденной невзрачной жизнью, но честно и достойно живут, заставляя всех вокруг становиться лучше.

Именно поэтому, быть может, Н. Елесин определяет жанр своего спектакля как «размышление о счастье в 2 частях». Мичуринский театр предлагает свой взгляд на эту историю. По словам режиссёра, спектакль «Старшая сестра» – попытка прочесть пьесу с позиции дня сегодняшнего. И действительно, в каких-то моментах эту постановку от уже названного фильма отличает более жёсткая, более иронич-

ная трактовка и в целом иная оценка действий героев.

Перед началом спектакля, пока публика собирается, в фойе театра запускается пролог, автором-составителем которого выступил артист театра Сергей Холкин. Пролог настраивает зрителя на настроение будущего представления. В интермедии звучат стихи и песни 60-х годов XX века.

Почти в самом начале спектакля мы слышим диалог сестёр:

– В чём счастье нашей жизни? Счастье в труде?! Некоторые считают, что нельзя отказываться от личного счастья во имя труда...

– Трудиться для себя – это не приносит ни радости, ни счастья. Надо трудиться для других...

– Мне кажется, сказать: «Я счастлива» – просто неудобно, как бы сознаёшься, что большего тебе от жизни не нужно, ты довольна тем, что есть. Но всё-таки хорошо, когда человек умеет радоваться и тому, что есть.

– Но не каждый человек способен испытать счастье. Хорошо извлекать для себя счастье из всего – из того, какая сегодня ночь, какое небо, какие люди вокруг...

И, в общем-то, вся дальнейшая история показывает нам, «какие люди вокруг». А люди-то разные, но все как один ищут своё счастье, надеются на него, хотя само понимание счастья меняется со временем, меняется вместе с людьми.

Оригинально подходит режиссёр к видению остановки спектакля. Действие на сцене развивается как бы в вагоне поезда. Рампа свер-

ху переливает свет, как это обычно бывает в ночном поезде. Два яруса пассажирских мест плацкартного вагона. Зритель видит сразу несколько купе.

Оба действия спектакля начинаются с ритмической прелюдии, во время которой героини сидят в одном вагоне, отбивая каждый свой ритм по разным предметам, создавая крайне оригинальное музыкальное звучание и настроение для зрителя. Создается стойкое впечатление, что каждый из героев в этот момент находится в своём микромире, живёт своими проблемами, погружён в свои мысли. И кажется, что здесь всё как в современном мире – человек может находиться среди огромной многолюдной толпы, но быть, как говорится, на своей волне или совершенно одиноким и брошенным.

В судьбе старшей сестры Нади были и есть лишения, устремления, желания и мечты, как, впрочем, и у сотен других людей на этом свете. Однако у неё есть и чувство долга перед дядей, и мера ответственности за младшую сестру Лиду. Всё это уверенно проживает на сцене артистка Наталья Попова. Все уже названные чувства остаются с Надей всю жизнь, но трансформируются по мере взросления, по мере изменения жизни героини. За этим интересно наблюдать в работе актрисы.

За ростом и развитием Лиды в исполнении артистки Ксении Морозовой также любопытно следить. Из юной идеалистки, верящей в правильность мира, в верность жизненных позиций сестры и дяди, Лида становится дерзкой студенткой, уверенной только в себе и надеющейся толь-

ко на себя. Однако, как часто бывает в жизни, эта самоуверенность ставится под удар. В ключевой финальной сцене Лида задаёт вопрос: «Как же теперь жить? Как жить дальше?» И этот вопрос так ставится актрисой, что внимательный зритель наверняка вернётся к нему не один раз в ближайшее время после похода в театр.

Интересным открытием для зрителя Мичуринского театра стал новый актёр труппы Павел Шуть, сыгравший Кирилла, друга детства и первую любовь Лиды. Эта любовь и станет камнем преткновения в поисках счастья героев.

Тонок подход к работе и у артистки Элеоноры Моревой, исполнившей роль Шуры, жены Кирилла. Из последних моральных сил героиня борется за своё счастье и готова жертвовать собой ради счастья любимого человека.

Украшает спектакль участие заслуженных артистов России Виктории Дзидзан и Якова Волговского, исполнивших роли членов приёмной комиссии. Небольшой, на первый взгляд,

эпизод становится поворотным для жизни не только Нади, но и её сестры и дяди.

Постановку отличает душевное музыкальное оформление. Во время действия помимо фонограммы звучит живая музыка – гитара и аккордеон. На инструментах играют артисты театра Андрей Шепелев, Сергей Дубровский и Андрей Широкий. Многие мизансцены ритмически перекликаются с теми музыкальными лейтмотивами, что звучат во время спектакля. Это безусловные успех и заслуга режиссёра – выпускника Российской академии музыки имени Гнесиных.

В целом от спектакля остаётся добрый и светлый след. Постановка заставляет зрителя задуматься о своём счастье, ведь оно, счастье, есть у каждого, только нужно его разглядеть, понять и почувствовать. **А**

Роман ЛЕОНОВ,
член Союза журналистов России
Фото: Вадим ИЗМАЙЛОВ

СВЯТЫЕ ПОКРОВИТЕЛИ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК

Сам факт возрождения казачества говорит нам о действии благодати Божией в человеческой истории... Именно в казачестве преемственно сохранялись патриотизм, глубокая воцерковлённость, жертвенная готовность защищать наши ценности. Именно поэтому казачество и подверглось жесточайшим репрессиям, пострадав, может быть, больше, чем какая-либо иная социальная группа старого общества.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

Во времена Российской империи казачьи войска имели свои административные территориальные образования – Войска. Управление этими территориальными казачьими образованиями велось наказными атаманами, которые назначались императором. Таких Войск в Российской империи было одиннадцать. Наиболее многочисленным являлось Войско Донское.

После революционных событий 1917 года казачьи войсковые территории, исторически сложившиеся в течение многих столетий, были упразднены. Вместе с этим уничтожалось казачество как опасная группа, способная к момен-

тальной самоорганизации. Кроме этого, казаки считались защитниками веры и царя. Новая большевистская власть сделала всё возможное, чтобы искоренить не только казачий уклад жизни, казачье самоуправление, но также и православную веру.

Спустя десятилетия казачество начало возрождаться, а вместе с этим и православная история казачьего народа. Одной из особенностей составляющих исторической православной традиционной жизни казаков было почитание святых. Для казаков святые являются небесными покровителями в личной и семейной жизни,

а также всего Войска. В истории каждого казачьего Войска был свой покровитель. Ему служили молебны, обращались в молитвах перед походом и боем. В жизни каждого казака и казачки святой покровитель играл особую духовную роль. Это был в первую очередь небесный защитник как самого казака-воина, так и его семьи. С именем Господа, Богородицы и святого покровителя казаки шли в бой и возвращались домой. Сейчас, спустя многие десятилетия, православная традиция казаков вернулась в войска. Сейчас насчитывается двенадцать современных казачьих Войск, столько же святых апостолов.

ПОКРОВИТЕЛИ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК

Образ «Покров Пресвятой Богородицы» – самый почитаемый в Войске Донском. Казаки почитают этот образ в память о чуде, которое было явлено во время «Азовского сидения» – так называют знаменитую оборону Азова донскими и запорожскими казаками в 1641–1642 годах. Когда стало ясно, что силы иссякли и оборонять Азов уже нет возможности, казаки решили идти в рукопашную схватку. В ночь на 1 октября, в канун праздника в честь иконы «Покров Пресвятой Богородицы», казаки после молитв выступили из Азова. Некоторым явилось видение – Пресвятая Богородица идёт перед ними и указывает путь, защищая их своим Покровом. Когда утром начало светать, землю покрыл густой туман. Таким образом, казаки невидимо приблизились к турецкому лагерю. Лагерь оказался пустым. Ночью турецкий паша снял осаду Азова и отвёл войска к кораблям. Казаки увидели явное чудо и защиту пресвятой Богородицы!

Праздник в честь иконы «Покров Пресвятой Богородицы» также является и всеобщим традиционным праздником казачества. Он отмечается во всех казачьих войсках, так как Покров Пресвятой Богородицы является защитой для каждого казака. Этот праздник стал духовной составляющей жизни каждой казачьей семьи, каждого хутора и станицы.

Табынская икона Божией Матери – покровительница Оренбургского казачьего войска. Она сопровождала предков казаков с давних времён. Во время Гражданской войны эту икону спасли казаки атамана Дутова. Чудотворная икона пребывала в Китае, потом в Сан-Франциско. В настоящее время её местонахождение неизвестно. В 1992 году по благословению митрополита Уфимского и Стерлитамакского Никона крестный ход со списком иконы был возрождён. С 3 июня 2010 года начался круглогодичный крестный ход Оренбургского казачьего войска с Табынской иконой Божией Матери. С крестным ходом этот образ Пресвятой Богородицы побывал в приходах России, Сербии, Абхазии, Южной Осетии. В 2013 году икону пронесли с крестным ходом по Афону и подняли на самую вершину Святой горы.

Великомученик Георгий Победоносец – покровитель Волжского казачьего войска и новообразованного современного Центрального казачьего войска. Святой Георгий Победоносец является покровителем всех русских воинов. Высшая военная награда Российской империи носила имя Святого Георгия. Императорским военным орденом Святого великомученика и победоносца Георгия были награждены многие казаки и офицеры.

Святитель Николай Чудотворец, архиепископ Мирликийский, – покровитель Иркутского и Сибирского казачьего войска. Именно святитель Николай Чудотворец помогал первым казакам-первопроходцам в освоении Сибири, морских путей, и эта путеводная помощь оставила в исторической памяти его светлый образ.

Святой Алексей, человек Божий, – покровитель Забайкальского и Уссурийского войска. По повелению российского императора Николая I именно в День святого Алексея было создано Забайкальское казачье войско.

Апостол Варфоломей – покровитель Терского казачьего войска. Святой апостол Варфоломей просвещал язычников Малой Азии. Император Александр III своим указом от 24 декабря 1890 года установил проводить 25 августа (7 сентября по новому стилю) Большой круг Терского казачьего войска и считать этот день войсковым праздником. Таким образом, День памяти святого апостола Варфоломея стал войсковым праздником терцев.

Защитник земель русских, святой благоверный **князь Александр Невский** – покровитель Кубанского казачьего войска. Центром его духовного окормления является войсковой собор имени Александра Невского в Краснодаре. В этом старом разрушенном храме до событий 1917–1918 годов хранились регалии Кубанского казачьего войска.

Архангел Михаил – покровитель Яицкого (Уральского) казачьего войска. Сооруженный в 1751 году в городе Яике (Уральске) войсковой

храм был назван в честь Архангела Михаила. В истории яицкого казачества упоминается важный факт. При переходе в православие некоторые калмыки, якуты и буряты, служившие в войсковых казачьих подразделениях, нарекались именем Михаил. Во время Гражданской войны в 1918 году Уральский войсковой съезд утвердил крест (орден) Архангела (Архистратига) Михаила. Этой боевой награды удостоивались казаки и офицеры, которые отличились в боях против Красной армии.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл объявил 1 сентября (19 августа по ст. стилю), День иконы Божией Матери «Донская», праздником православного казачества. Согласно преданию, икона Божией Матери «Донская» была преподнесена православными казаками святому благоверному князю Дмитрию Ивановичу (Донскому) перед Куликовской битвой. В «Гребневской летописи, или повествовании об образе чудотворном Пресвятой Владычицы и Приснодевы Марии», составленной в 1471 году, говорится: «И когда благоверный Великий князь Дмитрий с победой в радости с Дону-реки, и тогда тамо, народ христианский, воинского чину живущий, зовомый казаций, в радости встретил его со святой иконой и с крестами, поздравил его с избавлением от супостатов агарянского языка и принес ему дары духовных сокровищ, уже имеющиеся у себя чудотворные иконы, во церквах своих. Вначале образ Пресвятой Богородицы Одигитрии, крепкой заступницы из Сиротина городка из церкви Благовещения Пресвятой Богородицы».

Кроме покровителей казачьих войск в истории казачества светятся благочестивые имена святых казаков. Пройдя с честью и верностью свой земной путь, воины Христовы вошли в сонм святых подвижников Божьих. С «небесных станиц» они своими молитвами и чудесами помогают достойно нести звание воина Христова – казака! **А**

Слава Богу, что мы казаки!

Игорь МАРТЫНОВ,
атаман Межрегиональной общественной организации «Союз донских казаков»

«СВЯТЫЕ ЛАВРЫ» В МИЧУРИНСКЕ

2 февраля в Мичуринске состоялось торжественное подписание соглашения о взаимодействии и сотрудничестве между некоммерческим партнёрством «Международный центр развития социально значимых проектов "Святые Лавры Руси Православной"» и религиозной организацией «Мичуринская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)».

Соглашение подписали епископ Мичуринский и Моршанский Гермоген и директор Международного центра развития социально значимых проектов «Святые Лавры Руси Православной» Владимир Васильевич Березовский.

Стоит отметить, что Международный центр развития социально значимых проектов «Святые Лавры Руси Православной» координирует деятельность акции «Международный фруктовый сад мира "Благодатное кольцо"», которая была запущена весной 2017 года. Суть акции – сохранение исторической памяти на территории стран святой Руси – России, Украины и Беларуси. 27 миллионов фруктовых деревьев планируется посадить в рамках акции, по количеству погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Позже подобное соглашение было подписано с Федеральным научным центром имени И. В. Мичурина, от лица которого выступил директор Михаил Юрьевич Акимов. На встрече также присутствовали члены Попечительско-

го совета Международного центра развития социально значимых проектов «Святые Лавры Руси Православной» Игорь Владимирович Салий, Сергей Антонович Попов, украинский и российский политолог, дипломат, обозреватель МИА «Россия сегодня», член Попечительского совета Международного центра развития социально значимых проектов «Святые Лавры Руси Православной» Ростислав Владимирович Ищенко, директор и главный редактор литературно-исторического журнала «Александръ» Анатолий Сергеевич Труба, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии, генеральный директор духовно-просветительского центра «Боголюбие» Роман Сергеевич Леонов.

Также в Боголюбском кафедральном соборе духовенство, руководство и жители города и района встретили икону «Собор Небесных Покровителей Лавр Святой Руси». Икона передана в дар Мичуринской епархии представителями Международного центра развития социально значимых проектов «Святые Лавры Руси Православной». Глава г. Мичуринска Максим Харников подарил владыке Назарию, епископу Кронштадтскому, наместнику Александро-Невской лавры, памятную открытку с изображением И. В. Мичурина, портрет которого был написан нашим земляком художником Аркадием Платициным. ■

Александр СЕРГЕЕВ

